

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

В.В. Марьина

**СОВЕТСКО-ЧЕХОСЛОВАЦКАЯ
КОМИССИЯ ИСТОРИКОВ**

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НА ФОНЕ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
ПЕРЕМЕН В СССР И ЧССР
(Конец 60-х — 80-е годы XX века)**

Москва
2014

УДК 94(47+57)(09)
ББК 63.3(2) 63ж(2-4Чеш)
М30

Рецензенты:
доктор исторических наук *Е.П. Серапионова*
кандидат исторических наук *Ю.А. Щербакова*

Марьина В.В.

Р-96 Советско-чехословацкая комиссия историков. Деятельность на фоне общественно-политических перемен в СССР и ЧССР (Конец 60-х — 80-е годы XX века). — М.: Институт славяноведения РАН. — 160 с.

ISBN 978-5-7576-0303-2

Вниманию читателей предлагается книга о создании и деятельности Комиссии историков СССР и ЧССР. Автор, Марьина В.В., в 70-е — 80-е годы исполняла обязанности ученого секретаря, а затем заместителя председателя советской части Комиссии. Работа написана на основании материалов, находящихся в личном архиве автора. Это — протоколы заседаний Комиссии, отчёты о её деятельности, направляемые в разные инстанции, статьи в советских журналах о конкретных заседаниях Комиссии либо обзоры за несколько лет её работы, заметки о встречах и беседах с чешскими и словацкими историками, а также воспоминания автора о тех или иных событиях, связанных с деятельностью Комиссии. Её история показана на фоне общественно-политических перемен, которые произошли в жизни Советского Союза и Чехословакии в рассматриваемые годы, положения дел в советской и чехословацкой исторической науке. Имеется именной указатель. В приложении даны некоторые избранные документы и фотографии.

Книга предназначена для славистов, историков-богемистов и словакистов, специалистов по истории советско-чехословацких отношений, истории советской науки и её международных связей, а также для всех, интересующихся положением дел в советской и чехословацкой исторической науке в указанное время.

УДК 94(47+57)(09)
ББК 63.3(2) 63ж(2-4Чеш)

ISBN 978-5-7576-0303-2

© Институт славяноведения РАН, 2014
© В.В. Марьина, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	4
1. Создание Комиссии. Задачи. Начало деятельности (1967—1968 гг.).....	6
2. Положение дел в чехословацкой и советской исторической науке (1970-е — 1980-е годы).....	16
3. Деятельность Комиссии в период «нормализации» и «застоя».....	31
4. Новый председатель советской части Комиссии и её работа в начале 1980-х годов.....	38
5. Советская перестройка и новые веяния в исторической науке СССР.....	53
6. Трудности перестройки. Заседание Комиссии в Ужгороде. 1987 г.	66
7. В преддверии распада СССР и «бархатной революции» в ЧССР. Последние заседания Комиссии.....	76
Приложение. Избранные документы.....	99
Места заседаний Комиссии.....	132
<i>Список сокращений</i>	133
<i>Именной указатель</i>	134
<i>Фотографии</i>	144

ОТ АВТОРА

В 1972—1989 гг. я исполняла обязанности ученого секретаря, а затем заместителя председателя советской части Комиссии историков СССР и ЧССР. Представленная читателю работа написана на основании материалов, находящихся в личном архиве автора. Это — протоколы заседаний Комиссии, отчёты о её деятельности, направляемые в разные инстанции, статьи в советских журналах о конкретных заседаниях Комиссии либо обзоры за несколько лет её работы, заметки о встречах и беседах с чешскими и словацкими историками. Сохранились и воспоминания о тех или иных событиях, связанных с исполнением моих функций. Естественно, пришлось размышлять и о тех общественно-политических переменах, которые произошли в истории Советского Союза и Чехословакии в рассматриваемые годы.

Приступая к написанию работы, я думала о её жанре. Что это будет? Мини-монография, эссе, документальный очерк, воспоминания? В конце концов, получилось нечто среднее: смесь жанров. Это возможно? А почему бы и нет? Действительно, тут есть раздумья автора, документы, воспоминания. Но, конечно же, в оценках, подходах, размышлениях, думается, несмотря на стремление к объективности и документальности, нельзя было избежать субъективизма, честного субъективизма. Автор — живой человек, дитя, как говорится, своего времени. Несмотря ни на что, в том числе и широко распространенные ныне хулительные оценки той поры, для меня эти годы остаются лучшими в моей жизни. Лучшими, ко всему прочему, еще и потому, что общение с чешскими и словацкими коллегами, как представляется, носило теплый, дружественный, искренний характер, было наполнено, несмотря на многочисленные трудности, стремлением помочь друг другу в изучении российской и чехословацкой истории. И не только в изучении истории, но и в знакомстве со страной вообще. Заседания Комиссии, а их было двадцать, проходили в различных республиках и городах СССР и ЧССР. Достаточно сказать, что делегации историков, к слову, немалочисленные, побывали в Москве, Киеве, Минске, Вильнюсе, Ереване, Фрунзе (ныне Бишкек), Ужгороде, Одессе (СССР), Праге, Братиславе, Брно, Кошице, Банской Быстрице, Опаве (ЧССР). Научные заседания Комиссии, как правило, проходили не в узком кругу. На них приглашались представители научной общественности, преподаватели вузов, студенты. Нельзя сказать, что они при-

нимали активное участие в дискуссиях, но, во всяком случае, узнавали о существующих точках зрения и различных (если таковые имелись) позициях по обсуждаемым проблемам. По материалам научных заседаний Комиссии опубликовано несколько сборников статей в СССР и Чехословакии. В рамках культурной программы члены делегаций знакомились с музеями, мемориальными комплексами, библиотеками, архивами, посещали научные и учебные заведения и даже промышленные и сельскохозяйственные предприятия. Всё это, худо-бедно, давало представления о жизни изучаемых нами стран. Сейчас, наверное, кто-то скажет: «извращенные представления». Отчасти, это так и было. Все, конечно, понимали, что показывают лучшее и в общем не строили иллюзий на этот счет. Но была вера в то, что это лучшее, к которому надо стремиться и которое рано или поздно наступит. Думаю, что будущие исследователи, касаясь деятельности советско-чехословацкой комиссии историков, со всей объективностью подойдут к освещению этого вопроса и постараются оценивать эту деятельность не с позиций сегодняшнего дня, а исходя из тех условий и того времени, когда она развертывалась.

В приложении даны некоторые показавшиеся мне интересными документы, касающиеся работы Комиссии, а также моя статья конца 1980-х годов, принятая к публикации в Чехословакии, но так и не увидевшая свет по неизвестным мне причинам.

Прилагаются перечень мест, где проходили заседания Комиссии, и именной указатель.

1. СОЗДАНИЕ КОМИССИИ. ЗАДАЧИ. НАЧАЛО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (1967—1968 гг.)

Комиссия историков СССР и Чехословакии была создана формально в 1966 г., в соответствии с планом научного сотрудничества в области общественных наук между академиями наук СССР и ЧССР¹. Сопредседателями Комиссии стали академик П.Н. Поспелов (1898—1979 гг.) и академик Йозеф Мацек (1922—1991гг.). В ЧССР тогда стремительно менялась общественно-политическая обстановка, бурно шел процесс, позднее получивший наименование Пражская весна, расшатывалась идеологическая основа коммунистического режима. По мнению его адептов, под предлогом культа личности Сталина протаскивались антисоветские взгляды и создавалась угроза отрыва Чехословакии — форпоста СССР на Западе — от лагеря социализма. В подготовке Пражской весны активно участвовали деятели культуры, а также чешские и словацкие историки², о чем, в частности, советское посольство в Праге информировало Москву. 28 марта 1966 г., например, советник-посланник И.И. Удальцов³ сообщал о беседе с секретарем ЦК КПЧ Й. Гендрихом на Старую площадь, где находилось здание ЦК КПСС: я «сказал т. Гендриху, что, насколько я знаком с последними статьями чехословацких историков, у меня складывается впечатление, что в основе некоторых неправильных положений, содержащихся в этих статьях, лежит отказ от классового подхода к оценке исторических событий и деятельности отдельных лиц. Это, по моему мнению, проявилось, в частности, в статье Я. Кршена о Э. Бенеше и в некоторых других статьях.

¹ Об этом упоминалось в докладе главного ученого секретаря Президиума АН СССР академика Я.В. Пейве на годичном собрании АН СССР в 1967 г. // Вестник АН СССР. 1967. № 3. С. 188—189.

² См. подробнее: Марфина В.В. Чешская и словацкая историческая наука на пути к ноябрю 1989 г. и в первое десятилетие после него. — В кн.: История антикоммунистических революций конца XX века. Центральная и Юго-Восточная Европа. М., 2007. С. 280—324; она же. Историческая наука на переломе: чешские и словацкие историки на пути к «Пражской весне» и после её подавления. — В кн.: 1968 год. «Пражская весна». Историческая ретроспектива. М., 2010. С. 687—709.

³ Иван Иванович Удальцов (1918—1995): историк, дипломат, сотрудник аппарата ЦК КПСС (1950—1954), директор Института славяноведения АН СССР (1959—1962), заместитель заведующего Идеологическим отделом ЦК КПСС (1962—1965), советник-посланник советского посольства в Праге (1965—1970).

Тов. Гендрих согласился с этим и сказал, что он считает этот вопрос главным при характеристике положения в чехословацкой исторической науке. Отход от классовых позиций у некоторых историков объясняется, с одной стороны, серьезным влиянием западной буржуазной науки, а с другой стороны, политической и теоретической незрелостью ряда молодых историков, которые проявляют большую активность, но не имеют необходимого идейного фундамента... Гендрих рассказал о состоявшейся 11 марта в ЦК КПЧ его встрече с группой ведущих историков и отметил, что он не вполне удовлетворен тем, как она прошла, поскольку её участники больше ставили вопросы организационного характера, чем историко-партийные и теоретические проблемы». Далее, по словам И.И. Удальцова, Гендрих остановился на дискуссии в связи с выходом в свет книги Г. Гусака «Свидетельство о Словацком национальном восстании»¹, подвергшейся критике в опубликованной с ведома Президиума ЦК КПЧ статье В. Крала².

Тогда в центре внимания чешских и словацких историков, занимавшихся проблемами современности, находилась тематика Второй мировой войны и антифашистского освободительного движения чешского и словацкого народов. Разрабатывались вопросы истории первых послевоенных лет, в частности, развернулась дискуссия о характере революции 1944–1948 гг. в стране. Многие чехословацкие историки, анализируя сложные процессы этого периода, снова обратились к забытому в 1950-е годы термину «чехословацкий путь к социализму», активно обсуждались возможности альтернативной сталинизму модели демократического социализма и роли Национального фронта в послевоенной истории страны. Однако в целом эти дискуссии, несомненно, имевшие творческий и новаторский для своего времени характер, не вышли (да и не могли тогда выйти) за рамки марксистско-ленинской доктрины с её незыблемым постулатом о руководящей роли рабочего класса во главе с компартией в революциях XX века. Тем не менее, дискуссии и новые подходы к оценкам событий недавнего прошлого вызвали интерес в чехословацком обществе, содействовали подъему его активности и национального самосознания.

¹ Книга в срочном порядке была переведена на русский язык, когда Г. Гусак в апреле 1969 г. занял пост первого секретаря ЦК КПЧ.

² Джалилов Т.А. К вопросу о влиянии советского фактора на чехословацкие события 1964–1967 годов // Новая и новейшая история. 2012. № 6. С. 58.

Руководство КПЧ и ЧССР было явно обеспокоено начавшимся в обществе идеологическим брожением. Встревожено этим было и советское посольство в Праге. В его политическом отчете за 1966 год говорилось, что в отчетный период «продолжалось с нарастающей силой идеологическое давление с Запада, под воздействие которого попали значительные слои населения, прежде всего — интеллигенции и молодежи. Серьезно активизировались внутренние враждебные элементы... это также оказало отрицательное воздействие на определенные слои интеллигенции, служащих государственных учреждений и молодежи. Именно в этих слоях стало нарастать проявление антисоциалистических и антисоветских настроений, вызывавшие серьезную озабоченность и тревогу у руководства ЦК КПЧ», который «оказался перед необходимостью принимать неотложные меры для оздоровления обстановки, пресечения антисоциалистических и антисоветских проявлений... выражением тенденций, противостоящих политике ЦК КПЧ, явились попытки некоторых работников хозяйственных органов, государственного аппарата, идеологических учреждений, определенных групп интеллигенции ослабить связи и сотрудничество ЧССР с Советским Союзом, расширить контакты с Западом, опорочивать деятельность КПЧ и органов народной власти в прошлом и настоящем, распространять социалистические, мелкобуржуазные взгляды, противопоставлять молодежь старшему поколению и т. п. Эти тенденции проявились в ряде фильмов, произведений художественной литературы и изобразительного искусства, в позиции ряда литературно-художественных, молодежных и даже историко-партийных журналов. Борьба этих двух тенденций нашла отражение и в рядах КПЧ»¹.

В «Политическом письме» посольства СССР за первый квартал 1966 г. «О некоторых вопросах, связанных с возможными внешнеполитическими мероприятиями в отношении ЧССР на ближайшие годы» (24 марта 1966 г.) высказывались рекомендации относительно укрепления политических и экономических отношений между обеими странами. Важное место, считали авторы письма, должны занять «проблемы нашего идеологического влияния... факты настоятельно требуют разработки в Центре акций, направленных на активное противодействие идеологическому натиску Запада, а также на усиление внешнеполитической пропаганды и идеологического влияния Советского Союза на социалистические страны... Как нам известно, руководство КПЧ весьма обеспокоено проникновением западной идеологии в ЧССР... Важным вопросом, на наш взгляд, является более

¹ Джалилов Т.А. Указ. соч. С. 60.

четкая разработка идеологических установок. Одновременно назрела необходимость уточнить и вопрос о главной опасности в международном коммунистическом и рабочем движении. В последние годы, прежде всего в связи с раскольническим курсом китайского руководства и осуществлением линии XX съезда КПСС на ликвидацию последствий культа личности, острие идеологической борьбы было направлено против догматизма. В то же время была несколько ослаблена борьба против ревизионистских тенденций. Следует отметить, что издержки курса по ликвидации последствий культа личности были особенно чувствительны в тех братских партиях и странах, где этот курс переплетался с тенденциями так наз. либерализации внутривнутриполитической жизни. Все это, по нашему мнению, требует усиления борьбы за чистоту марксизма-ленинизма как против догматизма, так и против ревизионизма. Ослабление борьбы с ревизионизмом может привести к тому, что он превратится в главную опасность в нашем движении, особенно в настоящих условиях...»¹.

В Советском Союзе в это время, с одной стороны, явно обозначилась тенденция отказа от линии XX и XXII съездов КПСС, с другой, начало оформляться движение инакомыслящих, представители которого стремились к продолжению демократического преобразования общества и пытались донести свое, отличное от официального, мнение до слуха общественности. Среди них были и историки. Так, в частности, несогласие с существовавшей тогда концепцией коллективизации сельского хозяйства в СССР попытался высказать и историк-аграрник В.П. Данилов. Под его руководством коллектив молодых ученых подготовил двухтомный коллективный труд, основанный на архивных материалах, доступ к которым с 1959 г. несколько приоткрылся. После Пленума ЦК КПСС в октябре 1964 г. по распоряжению Отдела науки ЦК КПСС типографский набор этой монографии был рассыпан. С критических позиций по вопросу об отношении партии к интеллигенции и науке в условиях научно-технической революции выступили в 1965 г. академики А.М. Румянцев (тогда член ЦК КПСС, редактор «Правды», вскоре освобожденный от этой должности) и физик П.Л. Капица. Накануне XXIII съезда КПСС (февраль 1966 г.) Л.И. Брежнев получил письмо 25 представителей науки и культуры, указывающих на опасность ресталинизации в стране. Последовали гонения на интеллигенцию. В феврале 1966 г. перед Верховным судом СССР предстали и были приговорены к тюремному заключению писатели Ю. Даниэль и А. Синявский, обвиненные в

¹ Джалилов Т.А. Указ. соч. С. 61.

антисоветской пропаганде. Вскоре за книгу «1941, 22 июня» из рядов КПСС был исключен, а потом уехал за границу историк А.М. Некрич¹. Ужесточилась цензура. В октябре 1967 г. научная и творческая интеллигенция направила в ЦК КПСС «Петицию о свободе слова», в которой предлагалось принять закон о печати и отменить цензуру. «Развитие демократической общественной мысли в СССР шло в это время в том же направлении, что и в Чехословакии»².

В атмосфере ожидания «идеологического подкопа» в недрах партаппарата ЦК КПСС и возникла, по-видимому, мысль о создании советско-чехословацкой комиссии историков. Можно даже предположить, что идея исходила от И.И. Удальцова, историка по образованию, в недалеком прошлом директора Института славяноведения АН СССР. О.В. Павленко, исследовавшая вопрос об освещении советским посольством в Праге ситуации в ЧССР в 1967–1968 гг., считает, что «люди, работавшие в посольстве и формировавшие основные информационные материалы, играли большую роль в выработке советской политики». Тем более, что информация от Удальцова, например, поступала непосредственно Л.И. Брежневу, А.А. Громыко, заведующему Отделом ЦК КПСС по связям с социалистическими странами К.В. Русакову³. В закрытом докладе Брежнева на пленуме ЦК КПСС 9–10 апреля 1968 г. события в Чехословакии рассматривались исключительно через призму

¹ Книга вышла в свет в 1965 г. в издательстве «Наука» тиражом 50 тыс. экземпляров. Она была обсуждена, одобрена и рекомендована к печати на совещании, организованном Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС по инициативе Комитета по делам печати 16 февраля 1966 г. Тем не менее, А.М. Некрич в конце года был исключен из КПСС по постановлению Комитета партийного контроля, в котором говорилось: «Исключить члена КПСС Некрича Александра Моисеевича члена КПСС с марта 1943 года... за преднамеренное извращение в книге «1941, 22 июня» политики коммунистической партии и советского правительства накануне и в начальный период Великой Отечественной войны, что было использовано зарубежной реакционной пропагандой в антисоветских целях». Постановление подписано членом Политбюро ЦК КПСС, председателем КПК А.Я. Пельше. Книга была изъята из продажи и библиотек, часть тиража ликвидирована. (www.alieng.ru/d/hist/hist099.htm)

² Мурашко Г.П. «Пражская весна» и советская интеллигенция: к вопросу о формировании «внутрисистемной оппозиции» неосталинизму. — В кн.: 1968 год «Пражская весна». Историческая ретроспектива. М., 2010. С. 389–399, 404.

³ Павленко О.В. Советское посольство в Праге о ситуации в ЧССР в 1967–1968 гг. — В кн.: 1968 год. «Пражская весна». С. 93, 96.

необходимости борьбы с ревизионизмом и антисоциалистическими силами. Остро ставился вопрос о повышении уровня и содержания идеологической работы в СССР¹.

Первое, по сути организационное заседание Комиссии состоялось в Праге 24–29 мая 1967 г. Советскую и чехословацкую делегации возглавляли соответственно П.Н. Поспелов и Й. Мацек². В состав советской делегации входили также член-корр. АН СССР А.М. Самсонов (заместитель председателя), к.и.н. П.И. Резонов (ученый секретарь), к.и.н. Г.А. Белов (Главное архивное управление при СМ СССР), член-корр. АН СССР Ю.А. Поляков, д.и.н. А.И. Недорезов, к.и.н. Я.Б. Шмераль. Чехословацкая делегация была более многочисленной. Помимо академика Й. Мацека в неё входили член-корр. ЧСАН П. Рейман (заместитель председателя), к.и.н. З. Сладек (ученый секретарь), к.и.н. Б. Граца (директор Института истории КПС при ЦК КПС), к.и.н. Т. Гохштайгер (директор Института военной истории), член-корр. ЧСАН Л. Голотик (директор Института истории САН), д.и.н. В. Крал (директор Института истории европейских социалистических стран ЧСАН), к.и.н. Й. Грозиенчик (директор Института европейских социалистических стран САН), д.и.н. Я. Кладива, кандидаты исторических наук Ф. Яначек, О. Янечек, Й. Сладек. На открытии заседания с чехословацкой стороны присутствовали В. Коуцкий (секретарь ЦК КПЧ), И.С. Гаек (министр образования ЧССР), З. Фирлингер (председатель ЦК Союза чехословацко-советской дружбы), Й. Гавлин (заведующий Отдела школ и науки ЦК КПЧ), Й. Шимек (заместитель заведующего идеологического отдела ЦК КПЧ), П. Олива (председатель научной коллегии по вопросам истории), А. Шнейдарек (директор Института международной политики и экономики), Й. Чвртчечка (работник ЦК КПЧ). С советской стороны на заседании присутствовали С.В. Червоненко (Чрезвычайный и полномочный посол СССР в ЧССР), И.И. Удальцов (советник-посланник Посольства СССР), С.И. Прасолов (советник Посоль-

¹ Мурашко Г.П. Указ. соч. С. 399–400.

² П.Н. Поспелов (1898–1979), доктор исторических наук, историк КПСС, в 1961–май 1967 г. — директор Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, с мая 1967 г. — член Президиума АН СССР; Й. Мацек (1922–1991) в 1952–1970 гг. — директор Института истории ЧСАН, выступил против оккупации ЧССР войсками пяти стран-участниц Варшавского договора в августе 1968 г. В 1969–1970 гг. снят со всех постов и исключен из КПЧ. В 1970–1988 гг. работал в Институте чешского языка, затем — в Институте археологии ЧСАН.

ства СССР). Заседание открыл президент ЧСАН академик Фр. Шорм¹. Репрезентативность чехословацкой стороны на заседании свидетельствовала о том огромном значении, которое придавалось работе Комиссии в Чехословакии.

Обсуждалось и было принято «Положение о Комиссии историков СССР и ЧССР», в котором формулировались задачи и определялось основное содержание её деятельности. Рассматривались и другие вопросы: выполнение Протокола совещания делегаций Президиума АН СССР и Президиума ЧСАН от 14.06.1966 г. о научном сотрудничестве в области исторических наук (В. Крал и П.И. Резонов); подготовка в Чехословакии конференции, посвященной 40-летию образования ЧСР, V конгресса славистов в Праге в 1968 г., международного конгресса историков в Москве в 1970 г.; совместная публикация документов по истории советско-чехословацких отношений в 1917–1945 гг. (В. Крал); содействие работе историков в архивах СССР и ЧССР. Члены Комиссии приняли также участие в работе общегосударственного симпозиума, посвященного 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции (25–26 мая, Либлице), посетили ряд институтов ЧСАН, встретились с работниками архива и издательства ЧСАН, а также активом Союза чехословацко-советской дружбы (председатель З. Фирлингер). Работа Комиссии широко освещалась чехословацкой печатью².

Согласно принятому на заседании «Положению» о работе Комиссии предусматривались её ежегодные совместные заседания поочередно в той и другой стране. Предметом обсуждения на них могли стать теоретические и методологические вопросы по актуальным проблемам исторической науки, а также доклады и сообщения о результатах и планах исследований по исторической проблематике. Определялись важнейшие задачи Комиссии: оказание помощи в расширении координационной деятельности советских и чехословацких историков; выдвижение тем для обсуждения на совместных научных форумах; содействие координации работы историков обеих стран в период подготовки и проведения международных встреч, конгрессов, конференций; оказание взаимной помощи при получении архивных материалов и научной литературы; определение наиболее важных направлений исследовательской работы, по которым было бы целесообразно

¹ Заключительный протокол о 1 заседании Комиссии историков СССР и ЧССР. — Личный архив автора.

² П[авел].Р[езонов]. Заседание Комиссии историков СССР и ЧССР // Советское славяноведение. 1967. № 6. С. 103–104.

создание совместных или координируемых трудов¹. Как видно из сказанного, задачи Комиссии и направления её деятельности были весьма разнообразны. Это давало возможность оказывать соответствующее советское влияние — нет сомнений, что именно такова была главная цель созданной Комиссии — на развитие исторической науки в Чехословакии, уклонившейся с марксистско-ленинского пути.

Второе заседание Комиссии состоялось в Москве 28—31 мая 1968 г., то есть за два месяца до вторжения войск стран-участниц Варшавского договора в Чехословакию. Секретариат ЦК КПСС 27 мая 1968 г. рассмотрел ряд материалов, связанных с подготовкой этого заседания, а именно: Записку Отдела науки и учебных заведений и Отдела ЦК КПСС «О заседании советско-чехословацкой Комиссии историков» (с согласием секретарей ЦК КПСС); сопроводительную записку АН СССР в ЦК КПСС от 16 мая 1968 г.; записку председателя советской части Комиссии историков СССР-ЧССР П.Н. Поспелова; план проведения заседания советско-чехословацкой Комиссии историков в мае-июне 1968 г.²

Научная часть заседания проходила в конференц-зале Института истории СССР АН СССР (ул. Дмитрия Ульянова, 19). О том, какая значимость придавалась этому заседанию, свидетельствовало присутствие на его открытии академика-секретаря Отделения истории АН СССР Е.М. Жукова, членов Бюро Отделения академиков А.А. Губера, И.И. Минца, С.Д. Сказкина. Советскую делегацию возглавлял П.Н. Поспелов, чехословацкую — директор Института истории компартии Словакии Б. Граца. Й. Мацек почему-то не приехал. Возможно, у него, как члена ЦК КПЧ, в то время возникли более важные дела внутри страны. Чешские историки тогда активно участвовали в пропаганде идей Пражской весны. 26 июня 1968 г. 300 историков новейшего времени, собравшиеся на философском факультете Карлова Университета, выступили с требованием свободы науки и беспрепятственного распространения результатов научной работы, высказались за естественную конкуренцию всех марксистских и немарксистских школ, потребовали освобождения

¹ Положение о Комиссии историков СССР и ЧССР. Принято на заседании Комиссии историков СССР и ЧССР в Праге 26 мая 1967 г. — Личный архив автора.

² В Российском Государственном архиве новейшей истории рассекречен материал о событиях в Чехословакии в 1967—1969 гг. (Постановления Секретариата ЦК КПСС с приложенными материалами). РГАНИ. Ф. 4. Оп. 20. Д. 997. Л. 151—160. См.: Бюллетень рассекреченных документов федеральных государственных архивов. Выпуск 9.

исторической науки от политической и идеологической опеки, отказа от существовавших методов управления научной работой, создания автономных демократических организаций самих историков. В мае-июне 1968 г. на страницах партийной прессы («*Rudé právo*», «*Život strany*») были опубликованы статьи секретаря ЦК КПЧ по идеологии Ч. Цисаржа, в которых доказывалось, что ленинизм может рассматриваться как одна из интерпретаций марксизма, пригодная только для некоторых стран. Советский философ академик Ф.В. Константинов выступил в «Правде» (14 июня 1968 г.) против Цисаржа, которого поддержали Ф. Шорм, Й. Мацек, Й. Гайек и др.¹ Возможно предполагалось, что эти настроения части чехословацкого исторического сообщества, поднявшегося на защиту своих прав, можно будет донести до советских коллег.

Состав чехословацкой делегации на втором заседании Комиссии был весьма импозантен. В Москву прибыли чл.-корр. ЧСАН Л. Голотик (директор Института истории САН), Т. Гохштайгер (директор Военно-исторического института), Й. Грозиенчик (директор Института истории европейских социалистических стран САН), З. Шолле (вице-президент Чехословацкого общества историков) и др. Но открытых представителей новых веяний в чехословацкой исторической науке было мало. Вероятно, не случайно значительную часть делегации составляли словацкие историки, представленные директорами основных словацких исторических институтов: в Словакии тогда активную часть общества волновало в первую очередь решение национального вопроса, претворение в жизнь требования федерализации Чехословакии, а не общие направления её демократизации.

На заседании обсуждалась важная научная проблема: «Образование самостоятельного Чехословацкого государства в 1918 г. (К 50-летию возникновения)». В то время эта тема особенно интересовала чешских историков, а словацких — постольку, поскольку она связывалась с решением национального вопроса в ЧСР. С основным докладом выступал доцент К. Пихлик, который проанализировал обстановку, сложившуюся для чешского и словацкого народов в годы Первой мировой войны, но акцент сделал на роли чешской и словацкой эмиграции в создании ЧСР, разобрав концепции, программы и планы различных её группировок. Такой взгляд на проблему вовсе не соответствовал оценкам марксистской исто-

¹ Prečan V. V kradeném čase. Výběr ze studii, článků, a úvah z let 1973–1993. Brno, 1994. S. 322–324; Hanzal J. Cesty české historiografie 1945–1989. Praha, 1999. S. 154–157.

рической науки, представлявшей образование ЧСР как результат влияния Великой Октябрьской социалистической революции на развитие чешского и словацкого национально-освободительного движения. Развернулась полемика. Возражавшие докладчику (В.М. Турок-Попов, И.И. Минц, Л. Голотик, Я.Б. Шмераль, З. Шолле) подчеркивали решающее значение ВОСР, коренным образом изменившей расстановку сил на международной арене и всей стратегии империалистических держав. При оценке роли буржуазных лидеров чехословацкого национально-освободительного движения большинство участников дискуссии склонялись к тому, что необходим более глубокий научный подход, учет классовых позиций и других побудительных мотивов, накладывавших отпечаток на их деятельность, политику и тактику. Известная роль Масарика, Бенеша, Штефаника в борьбе за создание Чехословацкого государства не отрицалась, но обращалось внимание на тот факт, что они стремились затормозить дальнейшее углубление революции, задержать её на общедемократическом этапе, не допустить, чтобы рабочий класс Чехословакии пошел по пути русского Октября.

О внешней политике молодого советского государства и ЧСР в первые годы её существования говорили А.Х. Клеванский, А.О. Чубарьян, З. Сладек, А.Е. Иоффе, о революционном движении на территории Закарпатской Украины И.Н. Мельникова, о выступлении чехословацкого легиона против советской власти В. Вавра. Были заслушаны научно-информационные сообщения по интересующим обе стороны вопросам: о допуске в архивы и предоставлении архивных материалов исследователям (начальник Главного архивного управления при Совмине СССР Г.А. Белов и представитель Чехословацкого архивного управления К. Гренер), о применении в СССР математических методов и электронных счетных машин в исторических исследованиях (И.Д. Ковальченко), о разработке в ЧССР истории СССР и КПСС (Ф. Яначек) и изучении в СССР истории Чехословакии (А.И. Недорезов) и др.

Следующее заседание намечено было провести в Чехословакии в мае-июне 1969 г., посвятив его проблемам Второй мировой войны и советско-чехословацким отношениям в эти годы¹. Но встреча не состоялась. Этому помешали события августа 1968 г., начавшийся в Чехословакии процесс «нормализации» и последовавший затем разгром чешского, в меньшей мере словацкого исторического фронта.

¹ П[авел] Р[езонов]. Второе совместное заседание Комиссии историков СССР и ЧССР // Советское славяноведение. 1968. № 6. С. 124–125.

2. ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ В ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ И СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ (1970-е — 1980-е годы)

Чешские историки, и прежде всего сотрудники Института истории ЧСАН, директором которого был Й. Мацек, решительно выступили против оккупации и с призывом к пассивному сопротивлению. Мацек как депутат парламента в те дни активно участвовал в его работе и поддержал идею о подготовке книги, в которой было бы документально зафиксировано всё происходившее в Праге в первые дни оккупации. В ноябре 1968 г. она уже вышла в свет под названием «Семь пражских дней. 21—28 августа 1968 г.». Неофициально, по цвету обложки, она называлась «Черная книга». Небезынтересно заметить, что 3 сентября 1968 г. Секретариат ЦК КПСС принял постановление «Об издании “Белой книги” о деятельности контрреволюционных сил Чехословакии»¹, а вслед за этим (9 сентября) два постановления того же органа: «О некоторых мерах по усилению агитационно-пропагандистской работы среди населения Чехословакии» и «О мероприятиях в связи с 50-летием образования Чехословацкой Республики» с приложенной к последнему тематикой статей в печати на эту тему². 26 ноября 1968 г. последовало еще одно постановление Секретариата ЦК КПСС: «О мероприятиях по нормализации обстановки в Чехословакии и улучшению советско-чехословацких отношений». Оно готовилось на основании записки К. Русакова, К. Катусева, А. Яковлева в ЦК КПСС от 26 ноября 1968 г. и подборки материалов из выступлений чехословацкой печати, направленных «против СССР и линии ноябрьского пленума ЦК КПЧ»³.

Л.И. Брежнев был страшно раздосадован, узнав о выходе в свет «Черной книги», переведенной сразу же на немецкий и английский языки. На встрече с чехословацкой делегацией в Киеве 6—8 декабря 1968 г. он использовал это как доказательство того, что «нор-

¹ РГАНИ. Ф.4. Оп.19. Д. 118. Л. 84. В рассекреченных материалах РГАНИ значится как это постановление, так и приложенные к нему записка Ю. Андропова, К. Катусева, В. Степанова, А. Громыко в ЦК КПСС от 29 августа 1968 г.; проспект «Белой книги» и состав редакторской группы; информационный материал к событиям в ЧССР; записка отдела пропаганды в ЦК КПСС от 3 октября 1968 г. (Там же. Оп.20. Д.418. Л.37—104об). См. Бюллетень рассекреченных документов... Выпуск 9.

² РГАНИ. Ф. 4. Оп. 19. Д. 119. Л.74—75; Д. 124. Л. 44—50. См. Бюллетень рассекреченных документов... Выпуск 9.

³ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 19. Д. 125. Л. 12; Оп. 20. Д. 444. Л. 190—203. См. Бюллетень рассекреченных документов... Выпуск 9.

мализация» идет плохо. А 27 декабря чехословацкое правительство получило ноту протеста в связи с выходом книги, искажающей «политику Советского Союза в отношении братской Чехословакии» и клеветующей на внутреннюю и внешнюю политику и вооруженные силы СССР. «Грубая фальсификация действительности, содержащаяся в сборнике, — говорилось в ноте, — не может иметь ничего общего с исторической наукой». Особенно критически оценивалась роль Института истории ЧСАН и его директора члена ЦК КПЧ академика Й. Мацека в подготовке и издании книги. В ноте выражалась надежда, что публикация будет изъята из обращения, а причастные к её выпуску будут «призваны к ответственности»¹. Президиум чехословацкого правительства постановил изъять книгу из обращения. Все попытки защитить Институт и составителей книги от нависшей над ними кары были тщетны. Академик Мацек, чтобы ослабить удар по Институту, взял всю ответственность за издание «Черной книги» на себя и подал в отставку с поста директора Института и члена Президиума ЧСАН. Отставка была принята, а Мацек отправлен рядовым сотрудником в Институт чешского языка.

Нужно отметить, что советское партийное руководство по-прежнему опасалось распространения в СССР идей, приведших к Пражской весне и пока не искорененных в Чехословакии. 24 декабря 1968 г. Секретариат ЦК КПСС принял постановление «О разрешении министерству внешней торговли СССР и министерству связи СССР сократить за счет **розничной продажи** (выделено — В.М.) распространение в СССР чехословацких изданий — газет «Руде право», «Листы», журналов «Социалистическая Чехословакия», «Репортер», «Дикобраз» и «Рогач» в связи с антисоциалистической, антисоветской направленностью, а также в связи с сокращением чехословацкими внешнеторговыми организациями заказов на советские периодические издания на 1-й квартал 1969 г.»².

В 1969 г. историки, прежде всего чешские, участвовали в движении ненасильственного сопротивления оккупантам, выступая в печати, по радио и телевидению до тех пор, пока СМИ не стали инструментом политики «нормализации». Этот процесс, начавшийся

¹ Prečan V. V kradeném čase. S. 260—262. Советское руководство и позже (13 февраля 1969 г. и 10 апреля 1969 г., т.е. накануне апрельского Пленума ЦК КПЧ) обращалось в Прагу с запросами о «Черной книге» (Бюллетень рассекреченных документов... Выпуск 9. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 68. Д. 916, 1010)

² РГАНИ. Ф.4. Оп. 20. Д.1027. Л. 58—62. (См. Бюллетень рассекреченных документов... Выпуск 9).

еще осенью 1968 г., особенно ускорился после избрания на пост первого секретаря ЦК КПЧ вместо А. Дубчека Г. Гусака (апрель 1969 г.). В числе намеченных им первоочередных задач значились борьба с правым оппортунизмом, восстановление единства партии на принципах марксизма-ленинизма и её руководящей роли в обществе, укреплении функции социалистического государства как органа власти рабочего класса и трудового народа. Ускорилась консолидация так наз. здоровых сил общества, особенно усиливших свои позиции в партийных верхах. Начался процесс освобождения страны от «засилья правых и антисоциалистических сил». Одной из первых жертв этого процесса стали историки¹. Уже в 1969 г. было сменено руководство в Военно-историческом институте, распущена Военно-политическая академия, по существу ликвидирован Институт истории европейских социалистических стран ЧСАН и вместо него создан (точнее воссоздан) Чехословацко-советский институт, директором которого стал В. Крал. Заведующий идеологическим отделом ЦК КПЧ Я. Обзина выступил застрельщиком ликвидации «правых центров» в Академии наук. Возглавлявший её академик Шорм, осудивший оккупацию и несогласный с проводившейся в стране политикой, был выведен из состава ЦК КПЧ и снят с поста президента ЧСАН. Весной 1970 г. на основании решения Президиума ЦК КПЧ об обмене в течение года партийных билетов была начата массовая охота на «правооппортунистических ведьм». Среди историков особенно пострадали от «чисток» те, областью научных интересов которых являлся XX век. Уже в первой фазе проверок были буквально разгромлены Институт истории социализма и Высшая политическая школа ЦК КПЧ. Многие ученые потеряли работу, некоторые даже были арестованы и посажены в тюрьму, хотя громких политических процессов не проводилось.

В декабре 1970 г. ЦК КПЧ одобрил документ «Уроки кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ»². Главной опасностью в партии был признан правый оппортунизм. Документ изобилдовал такими терминами, как ревизионизм,

¹ См. подробнее: Марьина В.В. Чехословацкая историческая наука на переломе... С. 696—700.

² Уроки кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ. М., 1971. XIII съезд КПЧ состоялся 31 мая — 4 июня 1966 г. Он подчеркнул необходимость преодоления некоторых нездоровых тенденций во внутривластной жизни страны, упрочения руководящей роли партии и повышения её идейно-политического влияния во всех областях общественной жизни.

контрреволюция, отказ от позиций марксизма-ленинизма, происки империалистических сил, интернациональная помощь стран-участниц Варшавского договора и т. п. Компартия во главе с новым руководством взяла курс на консолидацию своих рядов и восстановление позиций страны как надежного члена социалистического содружества. В 1969 г. КПЧ приняла участие в работе Совещания 75 коммунистических и рабочих партий в Москве. 6 мая 1970 г. в Праге был подписан новый Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и ЧССР. В мае 1971 г., когда в стране отмечалось 50-летие создания компартии, состоялся её XIV съезд. Он констатировал, что «в идейном, политическом и организационном отношении партия сплочена и боеспособна», что она снова стала руководящей силой «социалистического общества и прочным звеном международного коммунистического движения»¹. Генеральным секретарем партии был избран Г. Гусак, который в своем выступлении уделил значительное внимание вопросам идеологического воспитания трудящихся. В качестве центральной задачи ставилась борьба против правого оппортунизма, всех разновидностей ревизионизма, мелкобуржуазных пережитков. Подчеркивалась необходимость укрепления марксистско-ленинских сил в общественных науках, теоретической разработки актуальных вопросов социалистического строительства. Работники культурного фронта, как отмечалось на съезде, должны всемерно способствовать формированию человека развитого социалистического общества. Большое внимание уделялось социальным вопросам, поднятию жизненного уровня трудящихся. В 1970-х годах, особенно в их первой половине, этот курс осуществлялся и на практике², что способствовало снижению степени политизации общества.

Чехословацкая историческая наука в конце 60-х — начале 70-х годов оказалась под сильнейшим идеологическим прессингом. Я. Обзина, выступая на семинаре историков-коммунистов в ноябре 1972 г., заявил: «Мы будем поддерживать такую научную деятельность, которая осознанно служит делу социализма, социалистического строительства и однозначно ведет борьбу со всеми антикоммунистическими и враждебными партии взглядами». Он подчеркнул, что КПЧ никогда не откажется от руководства наукой³. Историог-

¹ XIV съезд Коммунистической партии Чехословакии. Прага, 1971. С. 7–8.

² Чехословакия на рубеже 80-х годов. Прага, 1980. С. 54–90.

³ Úkoly českosloveské historiografie. Soubor příspěvků z vedeckého semináře historiků-komunistů z 10–11.XI.1972. Praha, 1972.

рафия 1960-х годов была заклеяна как ревизионистская, буржуазно-объективистская, порвавшая с марксизмом-ленинизмом, выступающая под флагом «пресловутого демократического социализма».

Конкретные направления развития исторической науки в 1970-е годы определялись документом «Развитие, современное состояние и задачи общественных наук в ЧССР», подготовленным Президиумом ЦК КПЧ в мае 1974 г. «В сегодняшнем классово разделенном мире, — говорилось в резолюции XII съезда словацких историков, — на передний план выступает идеологическая функция науки»¹. На съездах Чешского и Словацкого исторических обществ в 1975 г. подчеркивалось, что историческая наука должна содействовать процессу консолидации общества в области идеологии. В соответствии с этим центром внимания исследователей опять становились революционная борьба народных масс, рабочего класса и коммунистической партии, приведшей народ к «победе социализма».

70–80-е-годы XX века, и особенно первое из этих двух десятилетий, были достаточно сложными для исторической науки ЧССР, и прежде всего для историков, занимавшихся новейшей проблематикой. Отрешение от науки значительного числа профессиональных и активно работавших ученых привело к определенному «кадровому вакууму». Возможности тех, кто продолжал трудиться на историческом поприще, оказались ограничены рамками официально допущенного способа мышления и имеющих право на существование идей, главной из которых являлся тезис о руководящей роли коммунистической партии. «Финальная продукция, — писал впоследствии один из подвергшихся гонению словацкий историк Й. Яблоничский, — проходила через такую сеть контроля, что практически не мог появиться труд, который бы отклонился от официальной линии»². Но внешне всё обстояло благополучно. Число опубликованных работ было огромно, о чем свидетельствуют подготовленные тогда библиографии³. Что касается новейшей проблематики, то она была достаточно разнообразной⁴. Пристальное внимание стало уде-

¹ Historický časopis. 1974. № 1–2. S. 312.

² Jablonický J. Glosy o historiografii SNP. Zneužívania a falšovanie dejin SNP. Bratislava, 1994. S. 85.

³ Historiografie v Československu. 1970–1980. Výběrová bibliografie. Praha, 1980; Historiografie v Československu. 1980–1985. Výběrová bibliografie. Praha, 1985.

⁴ См.: Felcman O., Mlýnský J., Pechaček L., Slezák L., Verbík A. Období budování základů socialismu v Československu a jeho odraz v naší historiografii // Československý časopis historický. 1986. N 6. S. 829–855.

ляться истории социалистического строительства в Чехословакии с акцентом на том, что оно проходило с учетом специфических чехословацких условий, но на основе общих закономерностей. Активно разрабатывалась национальная проблематика, рассматривались особенности политической системы в ЧССР, место в ней Национального фронта, отдельных партий и организаций, шло изучение экономической истории страны, послевоенного преобразования деревни, промышленного строительства, состояния и роли рабочего класса, формирования класса кооперативного крестьянства, развития культуры. Издавалось много так наз. юбилейной литературы, посвященной созданию и деятельности компартии, Словацкому национальному восстанию 1944 г. и Майскому восстанию 1945 г., освобождению Чехословакии Красной Армией, февральским событиям 1948 г., «победе» над Пражской весной¹. Можно сказать, что в количественном отношении чехословацкая историческая наука 70-х — начала 80-х годов XX века была достаточно продуктивной и в разработке отдельных конкретных вопросов (особенно на региональном материале) сделала определенный шаг вперед.

В начале 1980-х годов официальным стал курс на приоритетное изучение современной, то есть после 1938 г., истории Чехословакии. Это продемонстрировал и V съезд историков в феврале 1982 г., потребовавший первоочередного внимания к «изучению начатого Великой Октябрьской социалистической революцией перехода человечества от капитализма к социализму, руководящей роли рабочего класса и коммунистической партии в этом процессе». Историки должны были содействовать «укреплению убеждения, что победа социализма и коммунизма в широком масштабе закономерна и неотвратима..., что империализм исторически изжил себя и осужден на исчезновение»². Всё это в той или иной форме утверждалось и в официальной историографии. Большая часть видных историков, оставшихся в стране и официально лишенных возможности заниматься своей профессиональной деятельностью, вынуждена была в это время зарабатывать на жизнь, работая кочегарами, сторожами, вахтерами, строителями и т. д. или, в лучшем случае, выполняя вспомогательные работы в архивах, музеях и других учреждениях культуры. Многие из них все же продолжали заниматься любимым делом, либо публикуясь за границей, либо пока работая в «ящик письменного

¹ См. подробнее: Марьина В.В. Чешская и словацкая историческая наука на пути к ноябрю 1989 г.... С. 300—301.

² Československý časopis historický. 1982. N 3. S. 323—346.

стола», либо пытаясь распространить свои работы методом «самиздата». Важно, что идеи и мысли, родившиеся в 1960-е годы и заклеенные как ревизионистские, на самом деле продолжали существовать, поджидая своего времени. В официальной историографии периода «нормализации» существовало, как представляется, двойственное отношение к работам «шестидесятников»: с одной стороны, яростное их неприятие и оценка как ревизионистских, с другой, интерес к высказанным тогда идеям при сдержанно-критическом отношении к ним и стремлении использовать в том или ином виде (чаще всего без ссылок) наработанный материал. Иногда отлученным от истории ученым удавалось публиковаться под чужой фамилией. Думается, что сочувствовавших «шестидесятникам» и разделявших их идеи было немало как среди тех, кто разрабатывал новейшую проблематику, так и среди молодого пополнения историков, заявивших о себе в конце 70-х — 80-е годы XX века. Появилось значительное число работ, естественно несших на себе более или менее явную печать своего времени, но основанных на большом количестве фактического, часто архивного, материала, или затрагивающих ранее «табуированные» проблемы. К числу таковых можно, думается, отнести труды чешских историков Я. Гебхарта, Я. Шимовчека, Я. Коутека, Я. Куклика, писавших об антифашистском сопротивлении, партизанском движении, разведывательной деятельности в годы Второй мировой войны; В. Пеши, много сделавшего для освещения освободительной миссии Красной Армии в Чехословакии; П. Вошагликовой, обратившейся к истории чехословацкой социал-демократии; Л. Слезака, разрабатывавшего тематику послевоенного преобразования чешской деревни; М. Тейхмана, занимавшегося историей балканских государств; словацких историков М. Барновского, В. Быстрицкого, И. Каменца, внесших свою лепту в разработку отдельных вопросов истории Словакии в военные и послевоенные годы; С. Цамбела, занимавшегося аграрными преобразованиями в Словакии в послевоенные годы. Думается, что с точки зрения введенного в научный оборот нового фактического материала работы этих авторов стали значительным вкладом в разрабатываемую проблематику и не потеряли своего значения до сих пор, обозначив преемственность исторической науки последнего десятилетия XX века и начала XXI века с историографией 70-х — 80-х годов прошлого столетия.

Первые признаки выхода чешского общества из шока, в который оно было ввергнуто усилиями так наз. здоровых сил, обозначились во второй половине 1970-х годов и были связаны с рожде-

нием гражданской инициативы Хартия-77¹. Её деятельность (среди ее активистов были и историки) то набирала силу, то становилась малозаметной из-за репрессий властей. Таково было положение в Чехословакии и в чехословацкой исторической науке в 70-х годах прошлого века.

В 1972 г. в Москве было сочтено целесообразным возобновить деятельность Комиссии историков СССР и ЧССР, чтобы содействовать успешному ходу процесса «нормализации» в Чехословакии. Я была назначена ученым секретарем советской части Комиссии и выполняла эту функцию, а затем являлась заместителем председателя вплоть до краха коммунистических режимов в СССР и ЧССР. Не помню, чтобы кто-то спрашивал мое мнение или согласие на это назначение. Просто Д.Ф.Марков, тогда директор Института славяноведения и балканистики АН СССР, вызвал меня в кабинет и информировал об этом. Но я, откровенно говоря, была рада назначению, поскольку появилась дополнительная и многообещающая возможность контактов с чехословацкими коллегами. О разгроме исторического фронта в стране нам, естественно, было известно, но о масштабах его мы не подозревали. В задачи ученого секретаря входила организация заседаний, согласование в этом плане действий с чехословацкой стороной, переговоры с советскими историками об их участии в заседании. И в этой связи — несколько слов о положении дел тогда в советской исторической науке и стране. Напомню некоторые из значимых исторических дат 70-х — начала 80-х годов прошлого века, важных как исторический фон работы советско-чехословацкой комиссии историков: XXIV съезд КПСС (3 марта — 9 апреля 1971 г.); XXV съезд КПСС (24 февраля — 5 марта 1976 г.); избрание Л.И. Брежнева председателем Президиума Верховного Совета СССР (июнь 1977 г.); XXVI съезд КПСС (23 февраля — 3 марта 1981 г.); смерть Л.И. Брежнева и избрание Ю.В. Андропова Генеральным секретарем ЦК КПСС (ноябрь 1982 г.); смерть Ю.В. Андропова, избрание К.У. Черненко Генеральным секретарем ЦК КПСС и председателем Президиума Верховного Совета СССР (февраль-апрель 1984 г.); смерть К.У. Черненко, избрание М.С. Горбачева Генеральным секретарем ЦК КПСС (март 1985 г.).

1970-е годы, которые позднее вошли в историографию, как период «застоя», являлись своего рода временем «нормализации и

¹ См. подробнее: Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. М., 2005. Кн. 2. С. 238—240; Задорожнюк Э.Г. От крушения Пражской весны к триумфу «бархатной революции». Из истории оппозиционного движения в Чехословакии (август 1968 — ноябрь 1989 г.). М., 2008. С. 138—215.

консолидации» советского общества (особенно в области идеологии) после августовских событий 1968 г. В начале 1970-х годов продолжались гонения на инакомыслящих и несогласных. Состоялся судебный процесс по делу диссидента В. Буковского, приговоренного к 7 годам заключения и 5 годам ссылки (январь 1972 г., но через несколько лет «обменяли хулигана на Луиса Корвалана»); был выслан из СССР писатель А.И. Солженицын (февраль 1974 г.); вынужденно уехали из страны в том же году, а затем были лишены советского гражданства (1978 г.) виолончелист М. Ростропович и певица Г. Вишневецкая. Покинули страну поэты и писатели И. Бродский, В. Войнович, В. Аksenov, А. Галич, Г. Владимов, Н. Коржавин, режиссеры Ю. Любимов и А. Тарновский.

Свое несогласие с политикой власть предержащих выразил академик А.Д. Сахаров, после чего началась массовая кампания по его травле, в которую включилась и Академия наук СССР. 29 августа 1973 г. в «Правде» было напечатано открытое письмо её членов, осуждавших деятельность Сахарова, который, по мнению авторов письма, являлся орудием «враждебной пропаганды против Советского Союза и других социалистических стран». «Деятельность Сахарова в корне чужда советским ученым..., — говорилось в письме. — Мы выражаем свое возмущение заявлениями академика Сахарова и решительно осуждаем его деятельность, порочащую честь и достоинство советского ученого». Под письмом стояли подписи 40 академиков, представлявших разные области науки и специальности, в том числе и гуманитарные (П.Н. Поспелов, А.М. Румянцев, П.Н. Федосеев и др.). Подписей историков-академиков (И.И. Минца, М.В. Нечкиной, И.М. Майского, Б.А. Рыбакова, Л.В. Черепнина) я среди них не обнаружила. Почему? Тут можно только гадать: не предлагали, отказались, не сочли («вверху») нужным и т. д. Вообще сейчас просто невозможно сказать, как «собирались» эти подписи. Кто-то ставил их добровольно, уверенный в правильности сделанного, кто-то неохотно, в добровольно-принудительном порядке, а кто-то просто принудительно. Но тут, думается, дело было в другом: вице-президент АН СССР П.Н. Федосеев (философ), курировавший гуманитарный блок, представлял мнение всех ученых-гуманитариев. Тогда «от имени и по поручению» писали и выступали многие. Такое было время. Вслед за этим письмом последовали аналогичные письма членов всех академий союзных республик, заявление ученых Сибирского отделения АН СССР, письмо членов ВАСХНИЛ (33 подписи), заявление Ученого совета МГУ от имени многотысячного коллектива студентов, про-

фессоров и преподавателей, письмо известных писателей и поэтов, столпов советского «литературного фронта» (31 подпись). Выразив полное согласие с оценкой ученых, осудивших позицию А.Д. Сахарова, писатели заклеили еще и позицию А.И. Солженицына: «... поведение таких людей, как Сахаров и Солженицын, клеветующих на наш государственный и общественный строй, пытающихся породить недоверие к миролюбивой политике Советского государства и по существу призывающих Запад продолжать политику холодной войны, не может вызвать никаких других чувств, кроме глубокого презрения и осуждения»¹. Вслед за этим последовали аналогичные письма композиторов (12 подписей), художников (21 подпись), союза кинематографистов (28 подписей) и т. д. Все эти письма, как коллективные, так и индивидуальные (героев социалистического труда и простых граждан), публиковались в газетах «Правда» и «Известия» в конце августа — начале сентября 1973 г.

Не осталось без внимания властей и положение дел в исторической науке. В журнале «Коммунист» в начале 1969 г. была опубликована статья «За ленинскую партийность в освещении истории КПСС», в которой подвергалась резкой критике целая группа историков (А.Х. Бургалов, Б.М. Лейбзон, В.А. Дунаевский, Ю.А. Красин). Им инкриминировались поиски «всевозможных, чаще всего сомнительных фактов об ошибках и недостатках», «попытки пересмотра проверенных жизнью истин»². В начале 1970-х годов фактически возродился метод подмены научных дискуссий кампаниями «проработок». Резкой критике подверглась группа научных сотрудников Института всеобщей истории АН СССР под руководством М.Я. Гефтера, подготовившая в 1969 г. сборник «Историческая наука и некоторые проблемы современности». В нем ставился вопрос о «новом прочтении» марксистско-ленинской исторической концепции, которая, по мнению авторов, чем дальше, тем больше лишается своей изначальной всеобщности. В феврале 1971 г. на заседании Бюро отделения истории АН СССР в докладах И.И. Минца и М.П. Кима сборник подвергся сокрушительной критике за ошибки теоретического и конкретно-исторического характера. Отмечалось стремление преувеличить роль отдельных, случайных фактов истории и недооценить наличие законов, определяющих исторический процесс³.

¹ Правда. 31 августа 1973.

² Голиков В., Мурашов С., Чхиквишвили И. и др. За ленинскую партийность в освещении истории КПСС // Коммунист. 1969. № 3. С. 72.

³ Реферат Историография СССР в конце 70-х — первой половине 80-х годов (www.bibliofond.ru/view.aspx?id=448084)

Примерно в то же время была разгромлена группа сторонников так наз. нового направления в советской исторической науке. Самым ярким его представителем являлся П.В. Волобуев. Сплотившийся вокруг него коллектив пришел к выводу, что степень зрелости и материальных предпосылок революции в России явно завышались, а блок совершавших её политических сил был более широким. В системе доказательств выдвигалось и отстаивалось положение о многоукладности экономики России в начале XX века, которое и подверглось особенно резкой критике. В марте 1972 г. Отделение истории АН СССР по указанию заведующего Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС С.П. Трапезникова провело диспут на эту тему¹, закончившийся по инициативе П.Н. Поспелова разгромным постановлением Бюро Отделения в июне того же года. Однако сторонники «нового направления», связанного с изучением социально-экономического развития России и революций 1917 г., не сдавались. В том же году в Свердловске вышел сборник «Вопросы истории капиталистической России. Проблемы многоукладности», где взгляды «еретиков» нашли достаточно полное освещение. В марте 1973 г. в Отделе науки ЦК КПСС состоялось совещание, в котором участвовал ряд видных представителей исторической науки (П.Н. Поспелов, А.Л. Нарочницкий, Г.В. Шарапов, А.П. Косильников и др.). «Новое направление», которое, кстати, в своих теоретических построениях опиралось на ленинские работы, считая необходимым их «новое» прочтение, было оценено как идеологическая диверсия. Мысли его сторонников характеризовались как ревизионистские, а Трапезников прямо заявил, что это направление представляет собой покушение на теоретические, программные, стратегические и тактические основы ленинизма². Директор Института истории АН СССР член-корр. АН СССР П.В. Волобуев был отстранен от должности с формулировкой «как не справившийся с работой» (более жесткая формулировка Отдела науки «за идеологическое разложение института», в конце концов, не была принята) и в течение 16 лет работал старшим научным сотрудником в Институте естествознания и техники АН СССР.

Естественно, Отдел науки ЦК КПСС в своих действиях исходил из решений съездов КПСС, касавшихся идеологической работы и

¹ См.: В Отделении истории АН СССР // Вопросы истории. 1972. № 8. С. 141–145.

² См. подробнее: Актуальные проблемы общественных наук на современном этапе. М., 1974.

оценок положения в стране. 3 марта — 9 апреля 1971 г. XXIV съезд КПСС подтвердил курс на укрепление мировой социалистической системы, углубление сотрудничества социалистических государств, сплочение международного коммунистического движения на марксистско-ленинской основе. В докладе Л.И. Брежнева подчеркивалось, что СССР оказал помощь трудящимся Чехословакии в защите завоеваний социализма от внутренней и внешней контрреволюции. «Формирование у трудящихся марксистско-ленинского мировоззрения, — говорилось в решениях съезда, — остается и впредь центральной задачей идеологической работы партийных организаций. Главное в идеологической работе партии — пропаганда идей марксизма-ленинизма, непримиримая наступательная борьба против буржуазной и ревизионистской идеологий»¹. Съезд указал на необходимость дальнейшего повышения роли партии в коммунистическом строительстве. В связи с этим в Устав КПСС были внесены изменения, распространявшие право контроля деятельности администрации на первичные парторганизации различных учреждений. Для историков новейшего времени важно было положение о том, что в СССР в процессе социалистического строительства сложилась новая историческая общность людей — советский народ² и что в стране построено развитое социалистическое общество, своеобразие которого состоит, по Ленину, «в переходе от окончательно победившего и упрочившегося социализма к полному коммунизму»³.

XXV съезд КПСС (24 февраля — 5 марта 1976 г.) подтвердил этот курс⁴. Крылатым стало брежневское выражение: «Наша цель — коммунизм». В материалах съезда особо подчеркивался интернациональный характер марксистско-ленинского учения, а также то, что пролетарский интернационализм — не просто лозунг, а важнейший методологический принцип, который должен быть реализован в практике научной работы. Отмечалось значение АН СССР как центра теоретических исследований. На съезде был сделан вывод, что в период развитого социализма роль партии в жизни общества вообще, в развитии науки, в частности, возрастает. Обществоведам рекомендовалось сосредоточиться на изучении закономерностей развития социалистического общества и его дви-

¹ XXIV съезд КПСС. Стенографический отчет. Т. 1—2. М., 1971. Т. 2. С. 234—235.

² Там же. С. 232.

³ Ленин В.И. ПСС. Т. 27. С. 253.

⁴ XXV съезд КПСС. Стенографический отчет. Т. 1—3. М., 1976.

жения к коммунизму, руководствуясь при этом классовым, партийным подходом к историческим явлениям. 7 октября 1977 г. была принята новая Конституция СССР, в текст которой вошли положения об общенародном характере государства и о направляющей роли КПСС в жизни страны (статья № 6, отмененная 3-м съездом народных депутатов СССР в марте 1990 г.). В преамбуле Конституции, по всей видимости благодаря усилиям обществоведов, давалась развернутая характеристика несуществующего этапа в развитии советского общества — развитого социализма.

Ничего в этом плане не изменил и XXVI съезд КПСС (23 февраля- 3 марта 1981 г.), на котором, в частности, выступал и первый секретарь Свердловского обкома КПСС Б.Н. Ельцин, сообщивший о больших достижениях области в социалистическом строительстве и одоббивший деятельность «мудрого» коллективного руководства партии и его «боевого штаба — ЦК и Политбюро во главе с Леонидом Ильичем Брежневым». «Отчетный доклад, — подчеркнул Ельцин, — важнейший вклад в теорию и практику марксизма-ленинизма. Он (доклад — В.М.) дает возможность осмыслить пройденный путь, открывает величественные перспективы для нашего народа. Делегаты Свердловской области целиком и полностью одобряют политическую линию и практическую деятельность ЦК КПСС». Ельцин заверил «ленинский Центральный Комитет и лично Леонида Ильича Брежнева», что трудящиеся Свердловской области будут бороться за «это грандиозное и прекрасное будущее... со всей революционной страстностью и непоколебимой преданностью делу Коммунистической партии. (Продолжительные аплодисменты)»¹. Справедливости ради, следует сказать, что флёр прочих выступлений был аналогичен. Следует также напомнить о чехарде в смене политического руководства страны в начале 1980-х годов: после смерти Л.И. Брежнева его на постах Генерального секретаря ЦК КПСС и Председателя Президиума Верховного Совета СССР сменил Ю.В. Андропов (ноябрь 1982 г., июнь 1983 г.), попытавшийся своими методами навести порядок в стране и начать борьбу с коррупцией. После его ухода из жизни высшие партийные и государственные посты в стране занял принадлежавший к «команде Брежнева» К.У. Черненко (соответственно февраль, июнь 1984 г.), а за ним — М.С. Горбачев (март, июль 1985 г.).

Таков был политический фон развития советской исторической науки в 70-х — начале 80-х годов прошлого века. Как это сказалось

¹ XXVI съезд КПСС. Стенографический отчет. Т.1—3. М., 1981. С. 230—235.

на советском историческом сообществе и его деятельности? Нельзя сказать, что «указующего перста» партии не замечали. Естественно, замечали: ведь большинство историков являлись членами КПСС. И определенная часть ученых, прежде всего, историки партии, нередко прямо следовали духу и букве партийных решений. Но все же представляется, что историческое сообщество как могло в той ситуации сопротивлялось «прямому» партийному руководству исторической наукой. Может быть, одним из наиболее ярких проявлений этого сопротивления являлось то, что, несмотря на значительный нажим «сверху», С.П. Трапезников дважды проваливался при избрании его академиком. Больше его кандидатура не выставлялась. Были и другие формы «сопротивления партийному натиску», которые, как мне кажется, стали преобладающими со второй половины 1970-х годов. Как показано в докторской диссертации Л.А. Сидоровой о советской исторической науке середины XX века¹, в ней имелись три модели использования методологии марксизма в исторических работах — творческая, догматическая и формальная, которые существовали как в чистом, так и в смешанном виде. Первой и третьей модели было свойственно преимущественное внимание к историческому факту, второй — доминирование теории. И хотя Л.А. Сидорова говорит в основном об историографии 1960-х лет, думается, что выводы ученого могут быть применены и к исторической науке 70-х — 80-х годов прошлого века. Залогом её развития являлось и является введение в научный оборот новых источниковых массивов. Интерес к историческому факту, к историческому источнику, явно обозначившийся в период «оттепели», не утратил своего значения и в 1970-е годы. Только введение в научный оборот нового фактического материала, как и прежде, сопровождалось его «облачением» в марксистские одежды-цитаты, без чего выход в свет ни одной исторической работы был невозможен. Эта модель использования марксистской методологии (формальная) была присуща, как представляется, большинству историков, работавших с архивными материалами. Конечно, при этом нередко приходилось поступаться принципами обращения с историческим источником, прибегая к дозированному введению в оборот полученной информации и опуская ту, которая уж слишком очевидно противоречила общепризнанным тогда принципам марксистско-ленинско-сталинских трактовок того или иного исторического явления, события. Еще надо отметить, что преодоление догматизма — а он худо-бедно преодолевался — проходило под лозунгом

¹ Сидорова Л.А. Советская историческая наука в середине XX века. Синтез трех поколений историков. М., ИРИ РАН, 2008.

возвращения к подлинным Марксу-Энгельсу-Ленину, поскольку введение в научный оборот богатого фактического материала не принималось без соответствующего марксистского его объяснения. Особое внимание при этом уделялось критике взглядов буржуазных исследователей, а также показу руководящей роли партии, если речь шла о российской (советской) истории XX века и новейшей истории стран социалистического содружества.

Клише «застойный период», которое по праву или нет в настоящее время утвердилось для характеристики этапа советской истории 70–80-х годов прошлого века, по моему мнению, лишь условно применимо для описания положения в исторической науке того времени. В эти два десятилетия увидели свет тысячи работ по всем периодам российской (советской) истории, был введен в научный оборот огромный массив источников, пусть и в «марксистском камуфляже». Если говорить об истории XX века, то тут определенные сдвиги произошли в изучении рабочего движения начала столетия, революции 1905–1907 гг., Первой мировой войны, Февральской и Октябрьской революций 1917 г., участвовавших в них классовых и политических сил, противостоявших пролетариату партий и движений, истории Коминтерна. При этом, естественно, подчеркивалось международное значение Великого Октября, роль рабочего класса и партии большевиков в революции. Пристально изучалась история НЭПа и, с более осторожных позиций, проблема коллективизации сельского хозяйства и её связи с политикой индустриализации страны. Много внимания уделялось изучению истории Второй мировой и Великой Отечественной войн¹. Однако креативное, творческое направление в советской исторической науке было, несомненно, отодвинуто на второй план, подавлено, сковано необходимостью её камуфляжа марксистско-ленинской идеологией. Историки тогда, грубо говоря, следовали поговорке «и невинность соблости, и капитал приобрести», то есть получить выгоду, не принося существенных жертв, а в их возможности не приходилось сомневаться. И все же, по-видимому, можно говорить о том, что идеологический диктат, ограничение свободы творчества в культуре, науке периода ресталинизации привели, в конце концов, к углублению конфликта между властью и интеллигенцией, возникновению (точнее, возрождению) духовной оппозиции режиму, всячески сопротивлявшемуся какому-либо реформированию системы.

¹ См. подробнее: Реферат. Историография России...

3. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМИССИИ В ПЕРИОД «НОРМАЛИЗАЦИИ» И «ЗАСТОЯ»

Таково было положение в СССР и советской исторической науке, когда возобновила свою деятельность советско-чехословацкая комиссия историков. Председателем её советской части по-прежнему оставался П.Н. Пospelов. Чехословацкую же часть возглавил академик Йозеф Поулик (1910—1998 гг.), директор Института археологии ЧСАН, увлеченно занимавшийся историей Великоморавской державы, раннефеодального государства западных славян и руководивший раскопками на территории Моравии. Возможно, назначение на эту должность замечательного чешского ученого и прекрасного человека было обусловлено его аполитичностью (по крайней мере, внешней), а также хорошим знакомством с академиком Б.А. Рыбаковым, тогда директором Института археологии АН СССР, а в 1968—1970 гг. еще и директором Института истории АН СССР.

В состав советской части Комиссии входили в 70-е — 80-е годы прошлого века от 20 до 30 человек. А.М. Самсонов, А.И. Недорезов и И.Н. Мельникова являлись заместителями П.Н. Пospelова, а после его смерти в 1979 г. — возглавившего советскую часть Комиссии академика АН УССР П.Т.Тронько. В Комиссии в разные годы были представлены исторические институты АН СССР (истории СССР, всеобщей истории, славяноведения и балканистики, этнографии, археологии, экономики мировой социалистической системы), Институт военной истории, ИМЛ при ЦК КПСС, Академия общественных наук при ЦК КПСС, МГУ им. М.В. Ломоносова, КГУ им. Т.Г. Шевченко, ГАУ при СМ СССР, Отдел науки ЦК КПСС, институты истории Академий наук Украины, Белоруссии, Армении, Киргизии, Литвы¹.

Состав чехословацкой части Комиссии в течение 1970-х — 1980-х годов тоже неоднократно менялся и уточнялся. На посту её председателя Й. Поулика сменил вице-президент ЧСАН академик З. Снитил (директор ИМЛ ЦК КПЧ), а после его смерти — заместитель директора ИМЛ ЦК КПЧ член-корр. ЧСАН И. Кремпа. В начале 1980-х годов его заместителем являлся д.и.н. Й. Грозиенчик (Институт истории САН), а ученым секретарем к.и.н. О. Фельцман (Институт чехословацкой и всеобщей истории ЧСАН). В число членов комиссии — их было 21 — входили также представители Чехословацко-советского института и Института археологии ЧСАН, Института этнографии и Института археологии САН,

¹ Личный архив автора.

ИМЛ ЦК КПЧ и ИМЛ ЦК КПС, Военно-исторического института, Брненского университета им Я.Е. Пуркине, Высшей школы Корпуса государственной безопасности, ГАУ МВД ЧССР, Центрального государственного архива в Братиславе¹.

В 1972—1989 гг. состоялось 18 заседаний Комиссии (пленарные заседания, симпозиумы, научные конференции), которые проходили в разных городах (в некоторых по два раза) СССР (Москва, Киев, Минск, Одесса, Ужгород, Вильнюс, Ереван, Фрунзе) и Чехословакии (Прага, Брно, Братислава, Опава, Банска Быстрица, Кошице). Естественно, что темы заседаний, как и представленных на них докладов, согласовывались (особенно в начальный после перерыва в деятельности Комиссии период) с партийными верхами обеих стран. Однако никто, по крайней мере, от советских ученых, не требовал представления заранее текстов докладов и выступлений с целью их контролирования.

Первое после трехлетнего перерыва заседание Комиссии состоялось осенью 1972 г. в Словакии (Смоленце, под Братиславой) на базе «Дома творчества» Словацкой академии наук. Словакия, видимо, не случайно была выбрана местом заседания: здесь, как представляется, общество было более «консолидированным» и менее политизированным, склонным к решению в первую очередь задач, связанных с реализацией закона о федеративном устройстве ЧССР, который вступил в силу 1 января 1969 г. На заседании обсуждалась тема, рекомендованная еще в мае 1968 г. в Москве, «Вторая мировая война и советско-чехословацкие отношения в этот период». С основными докладами выступили директор Института военной истории МО СССР член-корр. АН СССР П.А. Жилин («Некоторые актуальные проблемы истории Второй мировой войны») и директор Чехословацко-советского института ЧСАН д.и.н. В. Крал («Чехословакия и Вторая мировая война»²). Выбор аспектов темы и оценки были традиционными для своего времени. Кстати, многие из обсуждавшихся тогда вопросов являются дискуссионными и по сей день. В. Крал подверг острой критике работы 1960-х годов, авторы которых, по его мнению, пошли на поводу «антикоммунистической и антисоветской» буржуазной историографии и под предлогом «критики догматизма», «защиты прогресса против консерватизма» «взяли под сомнение традиционные до того взгляды». Начав с Мюнхена,

¹ Личный архив автора.

² Československo a druhá světová válka. — 20 машинописных страниц. Личный архив автора.

политики умиротворения агрессора, он заклеил «капитулянтскую позицию чешской буржуазии», взял под защиту политику Советского Союза в период мюнхенского кризиса, англо-франко-советских переговоров 1939 г. и подписания Советско-германского договора о ненападении 23 августа 1939 г. Негативно оценивая в целом политику Э. Бенеша и чехословацкой эмиграции в годы войны, Крал признал его заслуги в деле подписания Советско-чехословацкого договора 1943 г. как вынужденного в той конкретной обстановке шага. Докладчик остановился на помощи СССР Словацкому национальному восстанию 1944 г., изложил свой взгляд на позиции союзников СССР по антигитлеровской коалиции в вопросах освобождения Чехии и Словакии от гитлеровского ярма и послевоенного устройства мира. В других выступлениях были подвергнуты критике буржуазные концепции истории Второй мировой войны, рассмотрены политические аспекты советско-чехословацких отношений в эти годы. Кстати, напомним, что Крал являлся ярким оппонентом Г. Гусака в период выхода в свет его книги о Словацком национальном восстании (1963 г.), но, оказавшись во главе компартии в период «нормализации», Гусак не возражал, — а, может, не мог этого сделать — против того, чтобы Крал стал директором Советско-чехословацкого института ЧСАН. Но, видимо, простить своего оппонента Гусак не смог. Твердо стоявший на марксистских и просоветских позициях В. Крал, крупнейший для своего времени исследователь новейшей истории Чехословакии, много работавший как в отечественных, так и в зарубежных архивах, не стал ни член-корреспондентом, ни тем более академиком ЧСАН, хотя МГУ им. М.В. Ломоносова присвоил ему звание почетного доктора наук.

Выступивший на пленарном заседании Комиссии Й. Поулик, охарактеризовав состояние и задачи чехословацкой исторической науки, остановился на причинах «ревизионистских деформаций» в чехословацкой историографии 1960-х годов, а также обозначил проблемы, где сотрудничество советских и чехословацких историков особенно желательно и плодотворно. Это — история советско-чехословацких отношений, мировой социалистической системы, международного рабочего движения. Ю.А. Поляков рассказал о результатах изучения в СССР истории советского общества, М.В. Искров (ученый секретарь ИМЛ при ЦК КПСС) — о подготовке многотомной истории КПСС, проф. Ф. Гейл (Брненский университет) — об освещении истории СССР в школьных и вузовских учебниках ЧССР. Чехословацкая сторона внесла предложение о ежегодном

проведении встреч по линии Комиссии. Была определена и тема следующего её заседания: «Советско-чехословацкие отношения в период 1917 — 1970 гг. как фактор международной политики».

На сессии Комиссии и симпозиуме в Праге (1973 г.) обсуждался связанный с вышеуказанной проблематикой круг вопросов. В докладах советских и чехословацких историков рассматривались ленинские принципы советской внешней политики, влияние Октябрьской революции 1917 г. на возникновение Чехословакии, роль народных масс в становлении советско-чехословацких отношений, различные их этапы. Материалы заседания были опубликованы в Чехословакии¹. Снова обсуждались вопросы, касающиеся преподавания истории СССР в вузах ЧССР и изучения истории Чехословакии в советских высших учебных заведениях. Предложено было расширить практику чтения советскими преподавателями спецкурсов по истории СССР в вузах ЧССР, подготовку чехословацких аспирантов по специальности «история СССР» в советских вузах, обмен студентами между вузами СССР и ЧССР.

На заседании Комиссии в Киеве (июнь 1974 г.) подверглись рассмотрению теоретические проблемы строительства социализма в СССР и ЧССР. В обсуждении основного доклада Ю.А. Полякова «Проблемы переходного периода от капитализма к социализму» принимали участие не только историки, но и философы, социологи, правоведы. Анализировались общие закономерности социалистического строительства и их конкретные проявления в специфических условиях каждой страны, методы интернационального воспитания трудящихся в социалистическом обществе. Часть докладов (Ю.В. Бромлей, Ю.В. Волков, А.И. Недорезов, В. Крал) была посвящена проблемам развитого социализма, концепция которого начала тогда разрабатываться обществоведами СССР. Подчеркивалась необходимость сравнительно-исторического изучения всей затронутой в докладах проблематики.

Специальное заседание в Киеве было посвящено 30-летию Словацкого национального восстания 1944 г. На него были приглашены участники восстания, советские партизаны, активисты украинского отделения Общества советско-чехословацкой дружбы, преподаватели и студенты вузов. Доклад об историческом значении СНВ сделал М. Кропилак (ЧССР), о роли организаторских групп в развитии партизанского движения в Словакии говорил участ-

¹ Československo-sovětské vztahy jako faktor mezinárodní politiky (1917–1970). Praha, 1975.

ник восстания д.и.н. В.И. Клоков, с воспоминаниями выступил бывший начальник Украинского штаба партизанского движения Л.П. Дрожжин. Вопросы наступления Красной Армии на Карпатском направлении и помощи СНВ затронул в своем выступлении д.и.н. М.И. Семиряга. Об интернациональном характере восстания говорил д.и.н. Й. Грозиенчик.

На киевском заседании был также обсужден и принят перспективный план работы Комиссии на 1975—1979 гг. В 1975 г. в Минске предполагалось обсудить теоретические проблемы, связанные со становлением и формированием содружества социалистических стран, с процессом социалистической интеграции в условиях научно-технической революции. В 1976 г. — проблемы развития капитализма в России и странах Центральной и Юго-Восточной Европы, вопросы формирования буржуазных наций, а также развития славяноведения в СССР и ЧССР. Симпозиум в 1977 г. намечалось посвятить теме «Ленинизм и его воздействие на международное рабочее движение», вопросам возникновения и развития революционного рабочего движения в России и Чехословакии. Заседание Комиссии в 1978 г. предлагалось провести с участием представителей других двусторонних комиссий (советско-польской, советско-болгарской и др.) для совместного рассмотрения проблем этногенеза восточнославянских народов, методологических вопросов изучения феодального общества (на специальной секции медиевистов). В 1979 г. планировалось рассмотреть проблемы кризиса социально-политической системы капитализма в период между двумя мировыми войнами.

Сотрудничество советских и чехословацких историков в этот период расценивалось и в партийных верхах, и руководством Комиссии как весьма успешное, помогающее «решению важных проблем марксистской историографии, способствующее общему процессу интеграции науки государств социалистического содружества, являющееся ярким образцом новых интернациональных связей ученых стран социализма»¹.

Следующие 5 лет работа Комиссии шла по намеченному плану, хотя тематика заседаний уточнялась и конкретизировалась. В 1975 г. в Минске ученые-обществоведы обсудили такие вопросы как исторические, общественно-политические и социальные предпосылки формирования содружества социалистических стран, роль межпартийных связей, принципов пролетарского интернационализ-

¹ Недорезов А.И. Плодотворные контакты. — www.ras.ru/publishing/ras Herald/ras Herald_articleinfo.aspx

ма, науки и культуры в развитии их сотрудничества, направления экономической интеграции, влияние социалистического содружества на международные отношения и др. В 1976 г. материалы заседания были опубликованы в СССР¹. Огромное впечатление на участников заседания произвели посещения мемориальных комплексов «Хатынь» (белорусская деревня, сожженная украинскими националистами не без ведома немецких оккупантов 22 марта 1943 г. вместе с её жителями за их связь с партизанами) и «Брестская крепость», монументально-скульптурной композиции «Курган Славы» (под Минском), возведенной в честь победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., а также заповедника «Беловежская пушча» и правительственной резиденции Вискули, где через полтора десятилетия (1991 г.) росчерком пера трех никем не уполномоченных на это людей был положен конец существованию СССР.

Проблемы развития рабочего движения в России и Австро-Венгрии в последней четверти XIX — начале XX вв. рассматривались на заседании Комиссии в Брно (1976 г.). Особое внимание обращалось на международное значение революции в России в 1905—1907 гг., возникновение ленинизма и партии нового типа, основные тенденции развития социал-демократии на рубеже XIX и XX веков, идеологию социал-демократии в период её возникновения и на современном этапе. Эта тематика представляла особый интерес для чехословацких историков, ведущих тогда под руководством марксистского авангарда КПЧ борьбу против ревизионизма и «протаскивания» социал-демократических воззрений в исторические работы. Состоялась и дискуссия по указанным вопросам, но однозначно критическая в отношении социал-демократизма и его проявлений на современном этапе развития СССР и ЧССР². Во время заседания шесть советских членов Комиссии получили золотые и серебряные медали Университета Я.Е. Пуркине (П.Н. Поспелов, А.И. Недорезов, И.Н. Мельникова, И.М. Игнатенко, А.Х. Клеванский, В.В. Марьина).

Заседание в Праге в 1977 г., когда отмечалось 60-летие Великой Октябрьской социалистической революции, было, естественно, посвящено этому событию, оказавшему — как бы к нему не относиться и как бы его не оценивать сейчас — огромное влияние на весь последующий ход мировой истории. 31 января 1977 г. ЦК КПСС принял постановление «О 60-й годовщине Великой Ок-

¹ Формирование и развитие содружества социалистических стран. М., 1976.

² K dějinám dělnického hnutí v Rakousko-Uhersku a v Rusku v letech 1867—1917. Brno, 1979.

тябрьской социалистической революции». В нем говорилось, что главным её итогом является общество реального социализма, существующее в СССР и братских социалистических странах, что, созданное в интересах трудящихся, оно, являясь высшим достижением социального прогресса, олицетворяет собой будущее всего человечества. Подчеркивались особая миссия рабочего класса, ведомого коммунистической партией, полученные «гигантским большинством трудящихся» «невиданные свобода и демократия», истинность ленинских выводов о неизбежности повторения в международном масштабе основных черт Октябрьской революции¹. Заседание комиссии проходило в рамках международной конференции на тему «Великий Октябрь и Чехословакия» (Прага, 1977 г.). Она была организована Комиссией историков СССР и ЧССР совместно с ЧСАН и проблемной Комиссией по истории Великой Октябрьской социалистической революции, руководимой академиком И.И. Минцем (АН СССР). В конференции помимо советских и чехословацких ученых приняли участие историки из Болгарии, Венгрии, ГДР, Монголии, Польши, Румынии. Суждения и оценки докладчиков не выходили за рамки партийных указаний и формулировок, касающихся данной проблематики. Как значилось в информации о конференции, «доклады и выступления носили боевой наступательный характер, много внимания в них было уделено критике и разоблачению буржуазных и ревизионистских взглядов на роль и значение Октябрьской революции»².

Международный симпозиум по проблеме «Этногенез славян» (Киев, 1978 г.) Комиссия организовала совместно с Институтами археологии АН СССР и АН УССР. С докладами выступали ученые (археологи, лингвисты, историки, культурологи, этнографы) из Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, СССР, ЧССР и Югославии. Проблема этногенеза славян, весьма острая не только в научном, но и в политическом плане, — по вопросам происхождения и расселения славян, определения принадлежащих им археологических культур велась тогда острая полемика между советскими и зарубежными археологами — получила на симпозиуме достаточно полное и всестороннее освещение. На специальном заседании комиссии при участии представителей общественности Киева было отмечено 100-летие со дня рождения чехословацкого ученого и общественного деятеля З. Нееды.

¹ www.sovietera.net/revolution/oktober.php

² Личный архив автора

4. НОВЫЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТСКОЙ ЧАСТИ КОМИССИИ И ЕЁ РАБОТА В НАЧАЛЕ 1980-Х ГОДОВ

В 1979 г. умер П.Н. Поспелов, и председателем советской части комиссии стал партийный и государственный деятель Украины действительный член АН УССР и её вице-президент (1978 г.) Петр Тимофеевич Тронько (1915—2011 гг.). Не могу не вспомнить добрым словом этого человека, который в течение 10 лет руководил деятельностью советской части Комиссии. Если предыдущего председателя можно назвать «свадебным генералом» да еще «застегнутым на все пуговицы» надзирателем за неуклонным соблюдением линии партии, то Петр Тимофеевич был другим, другим по своей человеческой сути. Фронтовик, историк по образованию, он с 1961 по 1978 гг. являлся заместителем председателя Совета министров УССР (по гуманитарным вопросам). П.Т. Тронько — инициатор и председатель редколлегии вышедшей в свет 26-томной «Истории городов и сел Украинской ССР» («Історії міст і сіл Української РСР») (1962—1975 гг.). За этот труд он был в 1976 г. удостоен Государственной премии СССР в области науки. Кстати, денежные суммы от этой и ряда других премий Петр Тимофеевич передал на строительство мемориального комплекса на Поклонной горе в Москве. Как заместитель предсовмина Тронько курировал проект создания в Киеве «Национального музея истории Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». Сам фронтовик, он писал о войне много и охотно: книги, статьи, разделы в коллективных трудах и пр. О войне была и его докторская диссертация: «Украинский народ в борьбе против гитлеровских захватчиков в годы Великой Отечественной войны» (1968 г.). В должности председателя Украинского общества охраны памятников истории и культуры Петр Тимофеевич проводил огромную работу по выявлению, охране и изучению историко-культурного наследия, по открытию новых памятников, обелисков и мемориалов, сохранению музеев и историко-культурных заповедников. В 2000 г. ему было присвоено звание Героя Украины за выдающиеся личные заслуги перед Украиной в развитии науки, возрождении и сохранении историко-культурного наследия украинского народа. После ухода с поста замминистра — с чем это было связано, не знаю, а он никогда не говорил об этом — П.Т. Тронько перешел на работу в АН УССР. Став её вице-президентом, он одновременно возглавлял Отдел краеведения в Институте истории АН УССР (потом: Национальной АН Укра-

ины). Длительное пребывание на партийных и государственных должностях не отразилось на человеческих качествах Петра Тимофеевича: видимо, сказались фронтовая закалка и историческое образование. Он был прост в общении, прислушивался к мнению собеседника, иногда и сам просил совета, проявлял толерантность к отличающейся от его позиции, не спешил давать (и не давал) зубодробительных характеристик людям иных воззрений, не наклеивал ярлыков. Ко всему прочему, Петр Тимофеевич был прекрасным организатором, у него со времени пребывания у власти остались прекрасные связи не только в Украине, но и во всех союзных республиках, где его помнили и уважали. Во время наших встреч я не боялась высказывать собственное мнение, много рассказывала ему о Чехословакии, её истории, знакомых мне историках и их судьбах, о своем отношении к происходившим в ЧССР событиям и процессам. Он всегда слушал с большим вниманием и не пытался, если и был другого мнения, прибегать к аргументам типа «ревизионизм», «антисоветизм», «контрреволюция», как и избегал этих слов в своих интервью журналистам во время заседаний Комиссии.

Как мне представляется, П.Т. Тронько можно назвать человеком и деятелем «переходного времени». И вот в каком смысле. Длительное пребывание у власти, думается, позволило ему увидеть эту власть изнутри, понять механизм её действий и осознать необходимость реформирования общества, почувствовать, что время его преобразования (если хотите, улучшения) приближается. Надо сказать, что эти идеи в конце 70-х — начале 80-х годов прошлого века уже снова начали будоражить умы интеллигенции, в том числе и в национальных республиках. Конечно, эти взгляды пока еще не выражались открыто, но во время «кухонных» посиделок, в семьях, в кругу очень (очень!) близких друзей такие мысли обсуждались. Огромным спросом пользовались произведения таких писателей как Ф.А. Абрамов, В. Астафьев, Ч. Айтматов, В.И. Белов, Ю. Бондарев, В. Быков, Б. Васильев, С. Залыгин, Б.А. Можаяев, Г. Марков, П. Проскурин, В.Г. Распутин, Ю.В. Трифонов, В. Шукшин и др., в творчестве которых явно просматривалось критическое отношение к существующему режиму или виделись намеки на это. То же самое можно сказать и о ставшем необыкновенно популярным жанре авторской песни, ярчайшими представителями которого являлись Б. Окуджава, В. Высоцкий, А. Галич. Их песни учили наизусть, тексты перепечатывали на машинке и передавали друг другу. В театры «Современник», «На Таганке», в постановках которых тоже

усматривалась некая форма противостояния режиму, невозможно было достать билеты. В республиках усиливался национальный дух и интерес к национальной истории. В конце 1979 г. произошло тогда мало замеченное в обществе событие: на пленуме ЦК КПСС кандидатом в члены политбюро был избран в ту пору мало кому известный 48-летний М.С. Горбачев. Но пока всё это было каким-то неявным, туманным преддверием грядущих перемен. В этом смысле я и говорила о П.Т. Тронько как деятеле «переходного времени», человеку умном, политике, начинавшем свою карьеру в период «оттепели» и умеющем заглядывать в будущее. Такой человек не мог не уловить появление новых веяний в общественной атмосфере начала 1980-х годов, которая, еще не освободившись от идеологического прессинга, уже была отмечена появлением новых импульсов, нацеленных на грядущие преобразования. Наше сотрудничество (моё, как ученого секретаря советской части Комиссии, с ним, как её председателем) было весьма плодотворным и, я бы сказала, по-человечески приятным и полезным.

Первый раз я встретила с Петром Тимофеевичем во время заседания комиссии в Ереване в 1979 г. Он прилетел к моменту его открытия. Признаться, я несколько волновалась, боясь увидеть, как и П.Н. Поспелов, «застегнутого на все пуговицы» чиновника, с которым трудно будет работать и найти общий язык. Спустившись в холл гостиницы, в которой размещалась наша делегация, я увидела лысеющего человека среднего роста с добрым лицом и смеющимися глазами. Поднявшись с кресла, он первый сделал шаг мне навстречу и произнес: «А, ну, давайте знакомиться». Этим — «а, ну, давайте» (поговорим, посмотрим, подумаем, обсудим и т. д.) Петр Тимофеевич часто начинал разговор с собеседником, приглашая его к активному участию в обсуждении вопроса. Так было на протяжении всех лет нашего сотрудничества, когда я не просто получала указания начальника, а работала вместе с ним. Вместе с тем, нельзя сказать, что П.Т. Тронько принадлежал к числу «добрых» руководителей. Он не спускал промахи в работе, случавшиеся по недосмотру или в результате недобросовестного отношения к порученному делу. Несколько раз я была свидетелем того, как он «снял стружку» с таких, не очень хорошо выполнявших его поручения, людей. И еще было у Петра Тимофеевича качество, которое чрезвычайно подкупало меня: во время застолий (дружеских ужинов), которые обязательно устраивались по окончании заседаний комиссии, он никогда не пил спиртного, только пригубливал рюмку. Как-то я спросила его об этом, и он сказал: «Эх, Валентина

Владимировна, если бы я пил всё, что мне подносили, я уже давно был бы на том свете». Я ни разу не видела его не то чтобы пьяным, но даже немного захмелевшим. И это была не поза, а позиция. Петр Тимофеевич Тронько, прожив, на мой взгляд, многотрудную и достойную жизнь, ушел из неё в возрасте 96 лет. Когда отмечалось его 95-летие, украинская газета «Время» напечатала прекрасное, очень искреннее и честное интервью с ним. «Конечно, — сказал Петр Тимофеевич, — все мы были детьми своего времени, однако хотели и делали много полезного и нужного для Украины, для украинского народа». В 95 лет он возглавлял главную редколлегию научно-документальной серии книг «Реабилитированные историей». Главная задача этого издания, считал П.Т. Тронько, восстановить доброе имя незаконно репрессированных, сказать их внукам и правнукам, что их деды и прадеды не были врагами народа, а были честными людьми: «Что было, то было. Страшные времена... И дай Бог, чтобы они никогда не повторились». Он работал до последних дней своей жизни: «Плуг блестит тогда, когда он пашет, а если лежит без дела — он ржавеет. Вот этого принципа я придерживался и буду придерживаться, сколько буду жить»¹. Таково было жизненное кредо Петра Тимофеевича Тронько.

На ереванском заседании Комиссии, подготовка которого легла в основном на плечи члена советской её части чл.-корр., а затем академика АН Арм.ССР Галуста Анушавановича Галояна и на котором я познакомилась с П.Т. Тронько, обсуждалась проблема «Кризис общественно-политической системы капитализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в межвоенные годы». Советские и чехословацкие докладчики коснулись разных аспектов темы, сосредоточив внимание на вопросах об общих чертах кризиса и особенностях его проявления в разных странах, возникновении фашистских движений и установления фашистских режимов в Европе, борьбы коммунистических партий против фашизма. На отдельном заседании совместно с армянским отделением Общества советско-чехословацкой дружбы и при участии представителей общественности было отмечено 60-летие образования Словацкой советской республики (1919 г.) и заслушан доклад о борьбе за установление советской власти в Закавказье.

Заседание Комиссии в Братиславе (1980 г.) было посвящено теме «Предпосылки и результаты народно-демократических и со-

¹ Газета «Время» (Харьков), 13 июля 2010 (www.timeua.info/130710/22411.html)

циалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы». Рассматривался широкий круг вопросов, связанных с внутри- и внешнеполитической историей стран региона, а также их социально-экономическим развитием. Выявлялись некоторые общие и специфические черты развития этих стран. Естественно, как тогда было и положено, акцентировалась руководящая роль коммунистических и рабочих партий в осуществлении революционных преобразований 1944–1948 гг., критически оценивались политические позиции буржуазных и мелко-буржуазных партий, в позитивном ключе рассматривалась борьба пролетариата за массы, роль национальных фронтов в революционном процессе первых послевоенных лет. Постановка этой темы на обсуждение Комиссии обосновывалась тем, что в историографии существует много дискуссионных и нерешенных вопросов, касающихся указанного периода, что в чехословацкой историографии 1960-х годов допускалась масса ошибок и извращений ревизионистского толка в их трактовке, что буржуазные политологи и чехословацкие эмигранты пытаются исказить историю революции в Чехословакии и особенно политику КПЧ и роль Советского Союза в развитии революционного процесса. Заслушанные доклады действительно вызвали интерес, о чем свидетельствовала и развернувшаяся по ним дискуссия. Но вот что следует отметить: многие выступавшие, как с чехословацкой, так и с советской стороны, опираясь на конкретно-исторический материал и, прибегнув к формальному способу обращения с марксистской методологией, сделали попытку (и, думается, небезрезультатную) вернуться к позициям чехословацких «историков-шестидесятников», снова вводя их тезисы в научный оборот. Обсуждение, как представляется, продемонстрировало, что и в СССР, и в ЧССР имеются серьезные успехи в деле сравнительно-исторического изучения проблемы народно-демократических революций, что наличествует серьезный интерес к такого рода исследованиям. Следует также отметить, что заседание проходило при участии представителей широкой научной общественности: сотрудников исторических институтов ЧСАН и САН, институтов марксизма-ленинизма при ЦК КПЧ и ЦК КПС, преподавателей университетов и вузов, сотрудников других научных учреждений Праги, Брно, Братиславы, Оломоуца и других городов. Однако, несмотря на принятое решение, Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПС, взявший на себя это обязательство, так и не опубликовал материалы заседания. По всей видимости, в них было много неприемлемого для чехосло-

вацких партийных верхов. Надо заметить, что в Институте славяноведения и балканистики АН СССР тогда активно велась работа по сравнительно-историческому изучению процессов, происходивших в странах Центральной и Юго-Восточной Европы сразу после войны. В начале 1980-х годов вышел из печати ряд коллективных и индивидуальных трудов по этим проблемам¹, основанных на огромном конкретно-историческом материале, но «марксистски» оформленных, без чего нельзя было обойтись. Думаю, что в сравнительном изучении послевоенной истории стран региона советские исследователи играли тогда ведущую роль.

В 1980 г. чехословацкую часть Комиссии возглавил, сменив на этом посту Й. Поулика, вице-президент ЧСАН, директор Института марксизма-ленинизма при ЦК КПЧ академик З. Снитил, избранный на XVI съезде КПЧ членом ЦК КПЧ. Полагаю, что это произошло не случайно: деятельности Комиссии придавалось большое значение, и руководить её чехословацкой частью надлежало «теоретически подкованному марксисту». Был пересмотрен в сторону расширения состав чехословацкой части Комиссии, в которую вошли директора всех исторических институтов ЧСАН и представители многих других научных и учебных заведений ЧССР. Сразу скажу, что председательствовал З. Снитил недолго: он, сравнительно молодой человек, скоропостижно скончался вскоре после посещения одной из азиатских стран (слухи ходили разные: вирус, инфекция, отравление). В 1986 г. в СССР вышла в переводе на русский язык (отв. редакторы И.И. Удальцов и С.И. Прасолов) книга двух авторов: Снитил З., Цезар Я. Чехословацкая революция 1944—1948 гг.² Работа, содержащая большой конкретно-исторический материал, была снабжена массой ссылок на классиков мар-

¹ Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Опыт сравнительного изучения социально-экономических преобразований в революционном процессе. 2-е изд. М., 1982; Народные и национальные фронты в антифашистской освободительной борьбе и революциях 40-х годов. М., 1985; Мурашко Г.П. Борьба рабочего класса за национализацию промышленности: опыт революций 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1979; Марьина В.В. Крестьянство в революциях 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1984.

² В 1979 г. книга под тем же названием, но вышедшая из-под пера Я. Цезара, была опубликована в Чехословакии (*Československá revoluce 1944—1948. Praha, 1979*). Затрудняюсь сказать, были ли внесены какие-либо изменения в книгу, опубликованную на русском языке.

ксизма-ленинизма и рассматривала революционный процесс через призму руководящей роли в нем КПЧ.

В апреле 1981 г. состоялся XVI съезд КПЧ¹, наметивший программу строительства развитого социалистического общества в Чехословакии. Говорилось о длительности этого процесса, никаких хронологических сроков его завершения определено не было. С приветственной речью на съезде выступал возглавлявший советскую делегацию Л.И. Брежнев. Он напомнил о своем участии в освобождении Чехословакии от фашизма, подчеркнув, что сроднился с ней душой, рассказал об итогах недавно прошедшего XXVI съезда КПСС и его инициативах по обеспечению прочного мира. Советский лидер похвалил КПЧ за заслуги в деле победы над силами реакции в 1948 г. и контрреволюции в 1968 г. «...КПЧ твердо стоит на позициях марксизма-ленинизма. Это — самая надежная гарантия уверенного продвижения вашей родины к новым рубежам социального и экономического прогресса», — заявил Л.И. Брежнев.

Не удивительно, что заседание Комиссии в 1981 г. (г. Фрунзе, столица Киргизской ССР, с 1991 г. — Бишкек) прошло под знаком решений XXVI съезда КПСС и XVI съезда КПЧ. Оно проходило на базе Института истории Кирг. ССР (директор — мой однокурсник Абдылда Каниметович Каниметов). Заседание было организовано поистине с восточным размахом и гостеприимством. Достаточно сказать, что на его открытии присутствовало около 600 человек, в том числе видные деятели науки, партийные и общественные деятели, преподаватели и студенты вузов. На научной конференции обсуждалось два круга вопросов: «Роль революционной рабочей партии в осуществлении исторической миссии рабочего класса (К 60-летию образования КПЧ)» и «Интернациональная помощь трудящихся мира строительству социализма в СССР». Чехословацкую делегацию (18 человек) возглавлял заместитель председателя чехословацкой части Комиссии д.и.н. Й. Грозиенчик, советскую делегацию (15 человек) — П.Т. Тронько. Всего было заслушано 22 доклада и сообщения. Институт истории Кирг. ССР взял на себя обязательство подготовить публикацию по материалам заседания, но книга, насколько мне известно, так и не вышла.

В дни работы Комиссии во Фрунзе состоялся массовый митинг, посвященный закладке памятника известному деятелю чехословацкого коммунистического движения, писателю и журналисту

¹ XVI съезд Коммунистической партии Чехословакии. Прага, 6—10 апреля 1981 г. М., 1982.

Ю. Фучику, который неоднократно бывал в Киргизии. На митинге присутствовал и открывал памятную плиту первый секретарь ЦК КП Киргизии Т.У. Усубалиев, который, кстати, принимал и участников заседания. Но, несмотря на обещания, памятник Фучику, по имеющимся у меня сведениям, так и не был возведен. На пленарном заседании Комиссии, помимо прочего, вице-президент АН Кирг. ССР С.Т. Табышалиев сделал доклад о развитии общественных наук в Киргизии. Комиссия сочла необходимым уточнить план своей работы «в свете решений» состоявшихся в 1981 г. съездов КПСС и КПЧ.

С учетом этого и были сформулированы темы заседания Комиссии в Праге (1982 г.): 1. Методологические и теоретические вопросы истории развитого социалистического общества в свете решений XXVI-го съезда КПСС и XVI-го съезда КПЧ; 2. 60-летие образования СССР. Советскую делегацию (8 человек) на заседании возглавлял П.Т. Тронько, чехословацкую — З. Снитил. «При подведении итогов заседания, — как указывалось в составленном мной и подписанном П.Т. Тронько отчете о нем, — отмечались высокий научный и теоретический уровень сделанных докладов и сообщений (18), их связь с практической деятельностью по реализации решений XXVI съезда КПСС и XVI съезда КПЧ, стремление определить роль общественных наук, в том числе истории, в решении идеологических политических, научно-практических задач по строительству развитого социалистического общества в СССР и ЧССР. Была подчеркнута правильность одновременного рассмотрения на заседании двух вышеуказанных тем — о развитом социалистическом обществе и 60-летию образования СССР: последняя освещалась не только как юбилейная дата, а с точки зрения значимости советского опыта в развитии мирового революционного процесса, авангардной роли СССР в этом процессе». В докладах и сообщениях, говорилось в отчете, — «было показано, что КПСС и КПЧ имеют научно-разработанные концепции построения развитого социалистического общества и его перерастания в коммунизм, что эти концепции уже проверены успешной исторической практикой. Подчеркивалась настоятельная необходимость тщательного изучения учеными-обществоведами реального социалистического общества. Отмечалось, что существует необходимость поднять историографию социализма на новую ступень, приблизив её к анализу современности и прогнозированию будущего. Представленные доклады и сообщения свидетельствовали о идейно-политическом единстве советских и

чехословацких ученых по вопросам строительства развитого социалистического общества»¹. Трудно сказать, насколько крепка была вера докладчиков в его построение и перерастание в коммунизм — никто не делился друг с другом в Праге своими соображениями на этот счет, но последующие события показали, что эта вера или вообще отсутствовала, или, по крайней мере, была хлипкой — однако, как члены коммунистических партий, они (выступавшие) остерегались публично высказывать сомнения в правильности решений съездов КПСС и КПЧ. П.Т. Тронько выступил с докладом о 60-летию образования СССР на встрече с партийным и преподавательским активом Высшей школы Корпуса национальной безопасности², Высшей партийной школы ЦК КПЧ и Карлова Университета. У меня нет сведений об издании материалов заседания 1982 г., хотя чехословацкая сторона и обязалась это сделать.

1982 год и несколько последующих лет в СССР отмечены быстрыми персональными переменами в верхних этажах государственной и партийной власти. В начале 1982 г. умер идеолог советского режима³, член политбюро и секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов, имевший репутацию догматика и консерватора и пользовавшийся большим влиянием при Л.И. Брежнев. Обязанности Суслова в политбюро (надзор за идеологией, культурой и образованием) были переданы Ю.В. Андропову, до того возглавлявшему КГБ СССР. После кончины Брежнева в ноябре 1982 г. Андропов, тогда уже тяжело больной человек, занял посты Генерального секретаря ЦК КПСС и председателя Президиума Верховного совета СССР. Некоторые исследователи склонны считать Ю.В. Андропова сторонником модели социально-экономических реформ, предложенной Дэн Сяопином и апробированной в Китае. Их смысл состоял в том, чтобы при сохранении политических устоев государства постепенно проводить преобразования экономики в направлении допуска её многоукладности и рыночных отношений под контролем госу-

¹ Личный архив автора.

² Встреча проходила в актовом зале этого учебного заведения. Советскую делегацию, как я помню, извинившись, примерно на полчаса оставили в отдельном помещении, поскольку проходило какое-то совещание, связанное, видимо, с профессиональной деятельностью сотрудников школы.

³ См.: Суслов М.А. Марксизм-ленинизм и современная эпоха. Сб. выступлений. М., 1980; он же. На пути строительства коммунизма. Речи и статьи. В 2-х томах. Фрунзе, 1982; Медведев Р., Ермаков Д. «Серый кардинал». М.А. Суслов: политический портрет. М., 1992.

дарства. Андропов был знаком с опытом экономических реформ в Венгрии и Югославии и считал нужным изучать его для возможного использования в СССР. Он сделал также попытку «почистить» политическую верхушку общества, проведя своеобразную «кадровую революцию» и отстранив от власти наиболее одиозные фигуры. Выступив с фундаментальной статьей «Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР», Андропов высказал некоторые новые для того времени положения в области марксистско-ленинской теории и подверг определенной критике предшествующий этап развития СССР. По всей видимости, большие сомнения у него вызывало положение о наличии в СССР развитого социалистического общества, постепенно перерастающего в коммунизм. «Концепция развитого социализма, — по его мнению, — означает, что понадобится определенное время, чтобы подтянуть отставшие тылы и двинуться дальше. Нам надо трезво представить, где мы находимся...»¹. Еще более прямо Андропов заявил об этом на пленуме ЦК КПСС в июне 1983 г.: «Если говорить откровенно, то мы еще не знаем в должной мере общество, в котором живем и трудимся, не полностью раскрыли присущие ему закономерности, и особенно экономические. Поэтому вынуждены действовать, так сказать, эмпирически, весьма нерациональным способом проб и ошибок»². Помню, с каким жаром и надеждой обсуждались эти высказывания Андропова в нашем Институте. О них говорили на партийных и профсоюзных собраниях, на заседаниях Ученого Совета, при выработке дальнейших планов работы. Даже секретарь ЦК КПСС по идеологии К.У. Черненко (человек команды Л.И. Брежнева), выступавший на июньском пленуме с докладом «Актуальные вопросы идеологии, массово-политическая работа партии» (под таким же названием было принято и постановление ЦК КПСС) не мог не поддержать взгляды генсека на характер построенного в СССР социализма. В докладе Черненко, что следует отметить, содержались и некоторые положения, которые стали привычными только в период «перестройки». Например, не снимать с повестки дня национальный вопрос, утверждать веротерпимость в многоконфессиональном обществе, добиваться гласности, то есть открытого обсуждения успехов и промахов³.

¹ Андропов Ю.В. Учение Карла Маркса и некоторые вопросы строительства социализма в СССР // Коммунист. 1983. № 3. С. 20.

² www.bestreferat.ru/referat-37871.html

³ Черненко К.У. Народ и партия едины. М., 1984. С. 345, 354, 367—368.

Все эти более или менее явные признаки наметившихся изменений в «застоявшемся» обществе воспринимались населением, и прежде всего интеллигенцией, с пониманием и одобрением. Вероятно, надежды на перемены были преувеличенными, поскольку, хотя Андропов решительно не походил на Брежнева, но также принадлежал к когорте верных марксистов-ленинцев, и преследования инакомыслящих (например, в 1984 г. из страны уехал Ю. Любимов) при нем не уменьшились¹. В принципиальных вопросах он придерживался консервативной позиции. Вероятно, несбывшиеся надежды на ослабление режима и разочарования отражались в появившихся тогда выражениях: «вот тебе и Юрьев день», «поздние заморозки Юрия Долгорукого», «руководитель ЧК КПСС». Хотя, будучи осведомленным, как глава КГБ, о положении в СССР более других, Андропов не сомневался в необходимости проведения определенных социально-экономических преобразований в стране. При этом он начал с жестких административных мер: укрепления дисциплины на рабочих местах и разоблачения коррупционеров, что вызвало неоднозначную реакцию в различных слоях общества.

После ухода из жизни Ю.В. Андропова (февраль 1984 г.) высшие посты в партии и государстве занял также очень больной К.У. Черненко, скончавшийся в марте 1985 г. Закончился период, который в народе был окрещен «временем трех П», «пятилеткой пышных похорон». Хотя верховная власть не собиралась ослаблять «идеологическую узду», но, думается, в условиях партийно-правительственных пертурбаций она несколько ослабла сама собой. Во всяком случае, в Москве интеллигенция почувствовала себя несколько вольготнее. В этой атмосфере и проходили следующие две встречи советских и чехословацких историков. Они были посвящены конкретно-исторической проблематике, причем уже достаточно разработанной как в СССР, так и в ЧССР. В Одессе (1983 г.) рассматривались социально-экономические итоги социалистических и революционно-демократических аграрных преобразований в Советском Союзе и Чехословакии, а на специальном заседании —

¹ По воспоминаниям В.А. Печенева, во время доклада Черненко на июньском пленуме Андропов подал примерно такую реплику: «Да, кстати, мне известно, что в этом зале находятся люди, которые позволяют себе в беседах с иностранцами распространять ненужную и вредную для нас информацию. Я не буду сейчас называть фамилии — товарищи сами знают, кого я имею в виду. И пусть они запомнят — это последнее предупреждение им» (www.plam.ru/hist/zolotaja_osen/p5.php#n495)

40-летие советско-чехословацкого договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи, подписанного в Москве в декабре 1943 г. В Кошице (1984 г.) в преддверии 40-й годовщины окончания Второй мировой войны состоялось обсуждение связанных с этой проблемой вопросов, которое, по сути, продолжилось в Вильнюсе (1985 г.), где на заседание была вынесена тема: «Уроки войны: борьба СССР и ЧССР против агрессивной политики империализма, за предотвращение новой войны».

Расскажу забавный инцидент, связанный с подготовкой заседания в Одессе. П.Т. Тронько, предварительно связавшись с городскими партийными верхами, направил меня и еще одну сотрудницу Института истории АН УССР на один день в Одессу для уточнения некоторых вопросов, касавшихся предстоящего заседания. Нам надлежало встретиться то ли с первым секретарем одесского горкома партии, то ли с секретарем по идеологии. Когда мы после длительной проверки документов, наконец, попали в приемную этого чиновника, то оказалось, что моя спутница не может быть допущена в его кабинет, поскольку на ней был брючный костюм: женщинам, членам партии и беспартийным, категорически запрещалось появляться на рабочих местах в брюках. К счастью, на мне была юбка, и нравственность хозяина кабинета не пострадала. Встреча заняла всего несколько минут: я передала материалы о заседании, ответила на несколько конкретных вопросов и с тем удалилась. Нас, пусть и не «шишек», но все же посланцев из Москвы и Киева, удивил столь холодный и недоброжелательный прием: мы рассчитывали хотя бы на чашку чая или кофе, поскольку всю ночь провели в поезде, а утром не успели позавтракать. В тот же день мы отбыли восвояси, унося в душе легкую царапинку и сомнения относительно того, как будет проведено заседание.

Но опасения оказались напрасны: всё, как говорится, прошло «на высоком научно-организационном уровне». И встречали, и провожали, и размещали, и принимали участников заседания на надлежащем партийном и государственном уровне. В речах советских деятелей, естественно, подчеркивалось значение решений июньского (1983 г.) пленума ЦК КПСС и говорилось о задачах, поставленных им перед общественными науками. В докладах рассматривалась не только история перевода сельского хозяйства на социалистические рельсы — при этом указывались допущенные в процессе промахи и ошибки (тогда это уже можно было делать), однако в правильности избранного пути никто не сомневался — но и

современное состояние деревни. Надо сказать, что чехословацким докладчикам было что показать. Крестьяне в ЧССР тогда жили весьма неплохо, жизненный уровень сельского населения не только сравнялся с городским, но по некоторым показателям и превзошел его. Обозначилась даже тенденция обратного отлива городского населения в деревню. Поэтому, когда в Чехии и Словакии 1990-х годов начался процесс построения (восстановления) капитализма, члены многих сельскохозяйственных кооперативов долго сопротивлялись этому. Материалы заседания были опубликованы в Братиславе¹.

Очень интересной оказалась и программа ознакомления с городом, его историей и культурой: состоялась экскурсия по городу-герою Одессе; мы посетили музей «Одесские катакомбы», который произвел на всех очень большое впечатление (там, кстати, к великому удивлению словаков, были обнаружены памятные доски со словацкими именами: словацкие части отступали в 1944 г. на запад через эти места), получили представление о работе одесского порта, деятельности Украинского научно-исследовательского института виноградарства (там была и дегустация вин), побывали в прекрасном Одесском оперном театре и Одесском музыкальном театре.

На следующем заседании Комиссии в центре Восточной Словакии г. Кошице (1984 г.) рассматривалась проблематика, связанная с 40-й годовщиной окончания Второй мировой войны и победы над фашизмом. Обсуждение темы, к тому времени достаточно разработанной и в советской, и в чехословацкой историографии, не выявило каких-либо серьезных разногласий среди докладчиков. Традиционно критической оценке подверглись взгляды буржуазной историографии, касающиеся начала и вызревания Второй мировой войны, роли в этом так наз. пакта Молотова-Риббентропа, открытия второго фронта, периодизации войны, выработки программы послевоенного мирового устройства, агрессивных планов Советского Союза и т. д. По сути, все это были вопросы, дискуссия по которым ведется и по сей день. Чехословацкую делегацию на заседании возглавлял уже в ранге председателя чехословацкой части Комиссии заместитель директора ИМЛ ЦК КПЧ Иван Кремпа. Он окончил истфак МГУ (сокурсник А.Х. Клеванского), много лет работал в чехословацком посольстве в Москве (второй или третий секретарь), прекрасно говорил по-русски, являлся отличным орга-

¹ Skúsenosti KŠČ a KSSZ z riešenia roľnickej otázky za socializmu. Bratislava, 1985.

низатором, но, по моим наблюдениям, не пользовался особым авторитетом у своих, прежде всего, чешских, коллег, поскольку принадлежал к команде Василя Биляка, тогда члена политбюро ЦК КПЧ, с 1968 г. — первого секретаря ЦК КПС, одного из инициаторов приглашения советских и других войск в Чехословакию в августе 1968 г. и однозначно просоветского политика. И. Кремпа, сам уроженец Восточной Словакии, хорошо знавший этот край и его руководителей, приложил все усилия к тому, чтобы заседание Комиссии было хорошо организовано, а пребывание в Кошице, одном из самых красивых словацких городов, осталось в памяти советской части делегации. Помимо знакомства с городом, его историческими и культурными памятниками, научными учреждениями мы побывали, например, на заводе по производству телефонных аппаратов. Здесь нам подарили прекрасно выполненные в ретро-стиле изделия предприятия. Этот телефонный аппарат до сих пор хранится у меня, но только, как память, поскольку подключить его к нашим телефонным сетям по какой-то технической причине не удалось.

Следующее заседание Комиссии состоялось в Вильнюсе (ноябрь 1985 г.). Как бы продолжая тему предшествующей советско-чехословацкой встречи историков, оно было посвящено проблеме «Уроки Второй мировой войны: борьба СССР и ЧССР против агрессивной политики империализма, за предотвращение новой войны». В чехословацкую делегацию входило 13 человек, представлявших все основные чешские и словацкие исторические институты. Советская делегация включала ученых из Москвы, Киева, Вильнюса, Ферганы. Несмотря на то, что многие советские и чехословацкие доклады отличались новизной материала и интересной постановкой вопроса, дискуссии по затронутым вопросам не развернулось, что объяснялось, как множеством заслушанных выступлений и нехваткой необходимого времени для обсуждения, так, скорее всего, и тем, что разногласий в оценках и подходах среди докладчиков не возникло. Следует отметить, что в научной конференции участвовало в качестве приглашенных более 200 сотрудников институтов гуманитарного профиля АН Лит. ССР: институтов истории, философии, социологии и права, экономики, литовского языка и литературы. Огромную работу по организации заседания Комиссии провел Институт истории АН Лит. ССР и, прежде всего, его директор чл.-корр. АН Лит. ССР Б.Ю. Вайткявичюс и ученый секретарь к.и.н. С.К. Оверайте. Члены советской и чехословацкой делегаций совершили обзорно-ознакомительные экскурсии по городам Виль-

нюс, Каунас, Тракай, побывали в Вильнюсском университете, Литовском НИИ земледелия, на мебельном комбинате «Вильнюс», в Государственном театре оперы и балета Лит. ССР (балет «Спящая красавица»). Никаких претензий к принимающей стороне ни у Национального комитета историков СССР (на заседании присутствовал и выступал с докладом д.и.н. А.О. Чубарьян, тогда ученый секретарь комитета), ни у руководства Комиссии историков СССР и ЧССР не возникло. Заседание проходило в творческой и доброжелательной атмосфере. Но его материалы, несмотря на обещания организаторов, так и не были опубликованы.

На пленарном заседании Комиссии, помимо других вопросов, обсуждался и был утвержден план её научных конференций на 1986—1990 гг., а также тема следующего заседания Комиссии: «Актуальные задачи исторической науки в свете решений XXVII съезда КПСС и XVII съезда КПЧ», проведение которого намечалось в 1986 г. Планировалось также обсуждение следующих тем: 1987 г. — историческое значение руководящей роли рабочего класса в социалистической революции и строительстве социализма; марксизм-ленинизм — методологическая основа исторической науки; 1988 г. — исторические традиции прогрессивных связей между народами Советского Союза и Чехословакии; 1989 г. — роль социалистического содружества в решении проблем строительства социализма (к 40-летию СЭВ); 1990 г. — значение марксистско-ленинской исторической науки в патриотическом и интернациональном воспитании трудящихся. Жизнь внесла свои коррективы в этот план.

5. СОВЕТСКАЯ ПЕРЕСТРОЙКА И НОВЫЕ ВЕЯНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ СССР

Напомню, что за полгода до советско-чехословацкой встречи в Вильнюсе состоялся мартовский (1985 г.) пленум ЦК КПСС, на котором Генеральным секретарем партии был избран М.С. Горбачев. В 1970-х годах, являясь секретарем Ставропольского крайкома КПСС, он неоднократно посещал западные страны, где много общался с политиками и приобрел репутацию амбициозного и энергичного политического деятеля, активно интересующегося общественным устройством западных стран, методами управления экономикой, проблемами демократии. Он не походил на престарелых советских руководителей, и на Западе сформировался его позитивный имидж. Уже в апреле 1985 г. Горбачев выдвинул лозунг «ускорение», первый из триединой формулы «ускорение — гласность — перестройка», которой он намеревался следовать во время пребывания на вершине власти. «Ускорение» означало подъем в короткие сроки промышленности и благосостояния народа. Однако «гладко было на бумаге, да забыли про овраги». «Революционным наскоком», административными методами решить такую задачу быстро было не только невозможно, но и чрезвычайно рискованно. Это продемонстрировала, в частности, начатая в том же году и поддержанная Горбачевым антиалкогольная кампания, в результате которой были вырублены почти все виноградники в стране и возник дефицит сахара, перегоняемого на самогон.

В феврале-марте 1986 г. состоялся предпоследний в истории КПСС её XXVII съезд, на котором период правления Брежнева был, по сути, охарактеризован как «время застоя». Съезд принял Программу КПСС в новой редакции (в ней отмечались и негативные процессы 1970-х — начала 1980-х годов) и утвердил основные направления экономического и социального развития СССР на 1986—1990 гг. и на перспективу до 2000 г. В политическом докладе М.С. Горбачева говорилось о непреходящем значении марксистско-ленинского учения, необходимости «совершенствования социализма», важности его динамичного и всестороннего развития, укреплении мировой социалистической системы при одновременном улучшении отношений с Западом («противоборство между капитализмом и социализмом может протекать только и исключительно в форме мирного соревнования и мирного соперничества»). Ускорение социально-экономического развития общества на основе научно-технического прогресса определялось как стратегический

курс КПСС. Много места в докладе отводилось совершенствованию национальных отношений, углублению социалистической демократии на основе развития самоуправления народа, расширению гласности («коммунистам всегда и при всех обстоятельствах нужна правда», «надо сделать гласность безотказно действующей системой»), упрочению гарантий социально-политических и личных прав и свобод советского человека. Говоря о партии, Горбачев подчеркнул, что верность марксистско-ленинскому учению состоит в том, чтобы творчески развивать его на основе накопленного опыта, анализируя и обобщая практику строительства социализма. В этой связи указывалось на необходимость новых глубоких исторических исследований. Генсек отметил, что «наше обществоведение» находится в состоянии «известной отдаленности от запросов жизни», и выразил надежду, что творческая атмосфера, которая утверждается во всех областях жизни, будет использована учеными-обществоведами для «смелой, инициативной постановки новых проблем». Снова подчеркивалась настоятельная необходимость борьбы против буржуазной пропаганды и идеологии¹.

Вслед за XXVII съездом КПСС, тоже в марте 1986 г., состоялся XVII съезд КПЧ, стратегической линией которого также стало ускорение социально-экономического развития общества, существенное повышение эффективности народного хозяйства. Программа съезда строилась примерно по той же схеме, что и на XXVII съезде КПСС. С политическим докладом выступал генеральный секретарь партии Г. Гусак, который, отметив достигнутые успехи, остановился и на недостатках: «Проблемы были и будут. Важно, чтобы они не затушевывались, не отодвигались в сторону, а вовремя решались. Нельзя терпеть разрыва между словом и делом, половинчатости, местничества, бюрократизма и формализма». Съезд утвердил «Основные направления экономического и социального развития ЧССР на 1986–1990 гг. и на период до 2000 года»². Строя прогнозы относительно дальнейшего развития ЧССР, XVII съезд КПЧ шел, по сути, в фарватере мыслей и идей XXVII съезда КПСС, преподнесенных лишь на основе чехословацкого материала.

В контексте политической обстановки в СССР и ЧССР того времени, задач, поставленных компартиями обеих стран, следует рассматривать и очередное заседание советско-чехословацкой Ко-

¹ М.С. Горбачев. Политический доклад ЦК КПСС XXVII съезду КПСС. — Горбачев М.С. Избранные речи и статьи. Т. 3. М., 1987.

² См.: Краткая история Чехословакии. С древнейших времен до наших дней. М., 1988. С. 522–527.

миссии историков. Оно состоялось в Опаве (Силезия) в сентябре 1986 г. по заранее запланированной теме: «Актуальные задачи исторической науки в свете решений XXVII съезда КПСС и XVII съезда КПЧ». Доклады членов советской делегации (10) в разной степени — одни более (традиционно), другие менее (чисто формально) — были привязаны к решениям и указаниям съезда. П.Т. Тронько, например, говорил — конечно, в свете решений XXVII съезда КПСС — о сохранении и использовании историко-культурного наследия; П.В. Волобуев, десять лет назад покаранный властями, — он охотно принял предложение участвовать в работе конференции — поднял проблему выбора новых путей общественного развития; В.П. Дмитренко сделал акцент на разработке советскими учеными теории социализма и характеристике комплексной программы ускорения социально-экономического развития СССР; Л.Ф. Шевцова сосредоточилась на необходимости учета специфических интересов классов и групп в строительстве социализма; Э.Г. Задорожнюк представила доклад о формах вовлечения в социалистическое строительство городских непролетарских слоев (на материале стран Центральной и Юго-Восточной Европы). Часть докладчиков информировала чехословацкую аудиторию (в работе конференции приняли участие более 70 историков из академических, партийных учебных учреждений и вузов Чехии и Словакии) о результатах работы, планах на будущее, актуальных направлениях деятельности некоторых исторических институтов АН СССР и АН Лит. ССР.

Примерно в том же ключе — задачи исторической науки в свете решений обоих партийных съездов — были подготовлены и доклады чехословацкой стороны. В некоторых из них при характеристике положения дел в чехословацкой исторической науке обращалось внимание и на преодоление существующих недостатков: схематизма, догматизма, начетничества (В. Копейтко). Об освещении вопросов социалистического строительства в исторических трудах говорил М. Барновский, который подчеркнул, в частности, слабость изучения состояния и развития политической системы ЧССР, процесса индустриализации, истории страны в 1960-е годы и т. д. В комплексных трудах, по мнению докладчика, основное внимание уделяется освещению политической линии КПЧ, но не показывается, как она реализовывалась, фактически не исследуется вопрос о противоречиях в сотрудничестве стран социализма, исторический процесс обезличен¹.

¹ Личный архив автора.

Но, как представляется, большая часть чехословацких докладов жестче увязывалась с партийными «рекомендациями». Идеологический надзор за историками в ЧССР в это время был более строгим, чем в СССР, где интеллигенция, привыкшая читать между строк и улавливать намеки начальства, услышала в словах М.С. Горбачева призыв задуматься над оценками некоторых периодов истории социалистического строительства и не избегать дискуссий по спорным вопросам. Особенно «продвинутым» в этом плане был Институт экономики мировой социалистической системы АН СССР, который начал поднимать тогда много вопросов, связанных с сотрудничеством стран соцлагеря. Доклад Л.Ф. Шевцовой, сотрудницы этого института, и информация о его деятельности, где она подчеркивала пионерскую роль ИЭМСС в постановке и разработке некоторых проблем, вызвал интерес, в частности, представителя Моравского обкома КПЧ, присутствовавшего на конференции. П.Т. Тронько, опытный и осторожный политик, даже попросил меня поговорить с Шевцовой на предмет нежелательности столь откровенной и, как ему казалось, навязчивой постановки своей (т.е. институтской) точки зрения. Я поговорила: Шевцова обиделась и, естественно, отстаивала свою правоту, а у меня остался неприятный осадок от разговора.

Как сказано выше, идеологические узы к этому времени в СССР уже ослабели, но контроль за теми, кто контактировал с иностранцами, пусть даже из лагеря социализма, не прекращался. Никто нам не навязывал темы докладов, но отчетность была обширной. В последние годы она и составлялась по определенной схеме — введение, реферат, основная часть, выводы и предложения. Отчеты представлялись в Национальный комитет историков СССР, Отдел международных сношений АН СССР, созданную недавно Советско-чехословацкую комиссию по сотрудничеству в области общественных наук. После заседания в Опаве — оно было по счету семнадцатым — руководство Комиссии, проанализировав всю её предшествовавшую деятельность, подготовило пространную записку с предложениями о совершенствовании деятельности Комиссии. Заседание в Опаве, на котором рассматривалась и проблематика борьбы за мир и международную безопасность, было отмечено еще и тем, что его участники приняли резолюцию в поддержку заявления М.С. Горбачева о продлении советского моратория на ядерные испытания до 1 января 1987 г. На следующем заседании Комиссии в СССР намечалось обсудить тему: «Великая Октябрьская социалистическая революция и её роль в мировой истории».

В 1987 г. общественно-политическая атмосфера в СССР начала заметно меняться: набирал силу процесс перестройки, в том числе и в головах людей. Всё более явственными стали попытки реформировать советскую систему в духе демократического социализма, начались широкомасштабные реформы во всех сферах жизни общества. «Перестройка, — говорилось в докладе М.С. Горбачева на пленуме ЦК КПСС 27-28 января 1987 г., — это решительное преодоление застойных процессов, слом механизма торможения, создание надежного и эффективного механизма ускорения социально-экономического развития советского общества». Важнейшим принципом перестройки объявлялась гласность: «У нас не должно быть зон, закрытых для критики. Народу нужна правда... Нам как никогда нужно сейчас побольше света, чтобы партия и народ знали всё, чтобы у нас не было темных углов, где бы опять завелась плесень»¹. Гласность подразумевала и снятие табу с того, что ранее считалось запретным. Для историков было, например, важно, что началось перемещение книг из спецхрана в открытые библиотечные фонды, стали приоткрываться и двери архивов. Увидели свет произведения некоторых писателей, которые прежде не пользовались «любовью властей»: «Дети Арбата» А.Н. Рыбакова, «Жизнь и судьба» В.С. Гроссмана, «Доктор Живаго» Б.Л. Пастернака и др. Длиннющие очереди выстраивались за билетами на фильм Т. Абуладзе «Покаяние». В конце 1986 г. был возвращен из ссылки А.Д. Сахаров, а вслед за этим в порядке помилования вышли на свободу 140 диссидентов, которые и стали основой возрождавшегося диссидентского движения. Часть населения (особенно интеллигенция) была охвачена эйфорией от долгожданных перемен и невиданных по тем временам свобод. Советский опыт начавшейся перестройки доводился и до сведения чехословацких коллег. Например, на научной конференции, организованной Советско-чехословацкой комиссией по сотрудничеству в области общественных наук (советско-чехословацкая комиссия историков стала её секцией) в конце 1986 г. наиболее известные в ту пору разработчики концепции ускорения социально-экономического развития СССР и совершенствования его политической системы (академик А.Г. Аганбегян, академик В.Н. Кудрявцев, чл.-корр. АН СССР Н.Я. Петраков, чл.-корр. АН СССР Л.И. Абалкин и др.) ознакомили со своими взглядами чехословацких обществоведов, которые, в свою очередь,

¹ Материалы Пленума Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза, 27–28 января 1987 г. М., 1987.

представили доклады о разработке этих вопросов в ЧССР. На пленарном заседании указанной Комиссии с докладами о сотрудничестве советских и чехословацких обществоведов в 1981—1985 гг. и задачах развития общественных наук в свете решений XXVII съезда КПСС и XVII съезда КПЧ выступили председатели советской и чехословацкой частей Комиссии академик С.Л. Тихвинский и академик З. Снитил. Научную сессию на тему «Ускорение социально-экономического развития — стратегический курс КПСС и КПЧ» открыл академик А.Г. Аганбегян, выступивший с докладом «Роль хозяйственного механизма в ускорении социально-экономического развития». Академик В.Н. Кудрявцев произнес доклад на тему «Углубление демократии, развитие социалистического самоуправления народа». По обоим докладам развернулась широкая дискуссия как на пленарном заседании, так и в секциях. Был утвержден Проблемно-тематический план сотрудничества АН СССР и ЧСАН на 1986—1990 гг.¹

Уточнявшая свою стратегию КПЧ, как и КПСС, взяла курс на социально-экономическое развитие страны. На пленуме ЦК КПЧ в декабре 1986 г. Г. Гусак подвел первые итоги продвижения по этому пути, отметив как успехи, так и возникшие трудности. Реализация идей XVII съезда партии, говорилось в докладе, наталкивается на сопротивление тех сил, кто на словах согласен с ними, но действует по-старому, опираясь на силу привычки, проявляя равнодушие и нежелание изменять существующую практику, стремясь держаться накатанной колеи. Пристальное внимание было уделено вопросам постепенной перестройки механизма управления народным хозяйством², целенаправленного осуществления социальной политики, углубления социалистической демократии. Большой интерес со сторо-

¹ Личный архив автора.

² В январе 1987 г. были опубликованы одобренные президиумом ЦК КПЧ и правительством ЧССР «Принципы перестройки хозяйственного механизма ЧССР». Суть изменений состояла как в улучшении центрального управления и планирования, повышении их действенности, так и в усилении ответственности и правомочий предприятий на основе хозрасчета, самофинансирования. Процесс постепенной перестройки управления экономикой рассматривался как «открытый», связанный с риском, конфликтами и возможными уточнениями принятых решений. Председатель правительства Л. Штроугал, подчеркивая значение опыта КПСС, решений её XXVII съезда в чехословацких условиях, заявил, что понимание реформы в основных чертах схоже с тем, что в ходе перестройки намерены осуществить советские товарищи.

ны КПЧ вызвали и решения январского 1987 г. пленума ЦК КПСС, акцентировавшие необходимость включения в перестройку широких народных масс и улучшения кадровой политики. Однако КПЧ подчеркивала, что, беря на вооружение опыт братских партий, необходимо действовать с учетом чехословацких условий, собственного опыта и демократических традиций. Указывалось также, что нельзя забывать опыт, приобретенный в борьбе с антисоциалистическими силами, особенно в конце 1960-х годов, и обобщенный в документе «Уроки кризисного развития...». Руководство КПЧ предупреждало, что в стране есть люди, которые хотели бы, прикрываясь ссылками на процессы, происходящие в СССР, развернуть снова антинародную и антисоциалистическую деятельность. Партийное руководство решительно осуждало заявления о том, что в Советском Союзе начались процессы, якобы имевшие место в Чехословакии в конце 1960-х годов, подчеркивало несостоятельность подобных параллелей. В. Биляк, член президиума и секретарь ЦК КПЧ, неоднократно заявлял, что устремления правых сил в ЧССР являлись прямой противоположностью тому, на что нацелена политика КПСС, а именно: укрепление социализма, усиление руководящей линии и авторитета партии, развитие марксистско-ленинского учения, упрочение социалистического строя и единства социалистического содружества¹. Такие сравнения между процессами в СССР и Чехословакии конца 1960-х годов действительно проводились в диссидентской среде. Будущий первый президент Чешской республики В. Гавел, например, писал находившемуся в эмиграции историку В. Пречану в апреле 1987 г. о некоторых незначительных изменениях в общественной атмосфере в стране: «Люди читают выступления Горбачева, Штругала, Биляка, чего в течение десятилетия не происходило, следят за всем этим с большим интересом. В этом интересе есть привкус злорадства: Советы приходят к тому же, что мы делали уже двадцать лет назад и что они подавили. По поводу этого много анекдотов. Присутствуют и чувство удовлетворения (сатисфакции), любопытства, а иногда и, так сказать, “контролируемые” надежды. Но, чтобы люди как-то больше ангажировались, этого сказать нельзя, они осторожны, настроены выжидательно. Они уже однажды обожглись и не хотят следующие двадцать лет очищаться от какого-либо необдуманного [поступка]. Тем не менее, тут и там все же кое-что происходит, на разных курсах обучения и собраниях возникают неприятные вопросы, высказываются неприятные идеи. Молодые театральные деятели

¹ Rudé právo. 1987. 11, 20 únor, 14 prosinec.

написали съезду театральных деятелей письмо, в котором предлагают разные реформы, например, чтобы театры были переведены на самоуправление, чтобы была ликвидирована цензура и были разрешены постановки запрещенных авторов... Это мелочь, но немислимая несколько лет назад. Многие коллаборационисты улавливают новые веяния и позволяют себе весьма смелые высказывания, по крайней мере, по сравнению с тем, что говорили недавно»¹. Да, острожно-выжидательная позиция, по моим ощущениям, наблюдалась в это время и среди историков, оставшихся «на плаву», то есть не отлученных от профессиональной деятельности, после чисток начала 1970-х годов. Их можно было понять. В апреле 1987 г. состоялся дружественный визит в Чехословакию М.С. Горбачева. От этой поездки ожидалось многое, и, в частности, что будет сделано какое-либо заявление по поводу событий августа 1968 г. Но этого не случилось, что вызвало разочарование, как в среде советской интеллигенции, так и оппозиционно настроенных сил в Чехословакии. Горбачев не принес извинений за подавление Пражской весны. На встрече с членами президиума и секретариата ЦК КПЧ 10 апреля 1987 г. он лишь кратко заметил: «После 1968 г. чехословацкие товарищи проделали большую работу, вывели страну из кризиса. У вас есть чем гордиться. Но возникают новые проблемы, и чтобы их решить, нельзя останавливаться». Руководство ЧССР было весьма довольно такой позицией советского лидера, который к тому же, говоря о перестройке в СССР, «бросил камень» в чехословацких ревизионистов, заявив: «Ваши правые утверждают, будто Горбачев делает то, что они в свое время хотели сделать. В действительности они вели дело к тому, чтобы и Варшавский договор порушить, и социализм в Чехословакии подорвать.... Мы идем своим путем, обновляем социализм, придаем ему новый облик, и прогрессивные силы уже выигрывают от перестройки. Мы говорим: больше социализма, больше демократии». Горбачев указал на важную роль партии и её единства в руководстве процессом перестройки. В заключение, еще раз подчеркнув «большую работу» КПЧ по выводу страны из кризиса и заслуги в этом её руководства, советский лидер рекомендовал «не почитать на лаврах» и «прибавлять»². (По-видимому, имелись в виду темпы развития страны в направлении обновления социализма.)

¹ Václav Havel – Vilém Prečan. Korespondence. 1983–1989. Praha, 2011. S. 518–519.

² Задорожнюк Э.Г. От крушения Пражской весны к триумфу «бархатной» революции. С. 216–217.

В целом визит свелся к взаимной информации о ходе выполнения решений XXVII съезда КПСС и XVII съезда КПЧ, что вызвало разочарование всех антинормализаторских течений в стране. Чехословацкое руководство заверило Горбачева, что трудящиеся ЧССР полностью поддерживают новаторский курс КПСС на перестройку и ускорение развития общества. Визит превратился в манифестацию чехословацко-советской дружбы и всестороннего сотрудничества КПСС и КПЧ, СССР и ЧССР. Во внешней политике СССР в это время основной доктриной становится так наз. «новое мышление» — курс на отход от классовых позиций в международной политике, укрепление отношений с Западом и невмешательство во внутренние дела стран социалистического лагеря. Последнее, собственно, и продемонстрировал визит Горбачева. Консервативная часть руководства КПЧ, занимавшая крепкие позиции и не собиравшаяся отказываться от них, по-прежнему в своей деятельности руководствовалась документом «Уроки кризисного развития...». Горбачев, вероятно, не считал нужным в этой ситуации оказывать какое-либо давление в плане пересмотра оценок событий 1968 г., тем более, что и в руководстве КПСС, очевидно, не было единства во взглядах на этот вопрос и сильна была позиция консерваторов.

Кроме того, явно было, что консерваторы в КПЧ не только не сдают позиций, но и укрепляют их. Была проведена некоторая рокировка в руководящих партийных верхах. В конце 1987 г. пленум ЦК КПЧ принял решение о разделении функций главы государства и лидера КПЧ. Возглавлявший её в течение 18 лет Г. Гусак остался президентом ЧССР и членом президиума ЦК КПЧ¹. Генеральным секретарем партии единогласно был избран М. Якеш. Он высказался за реализацию шагов «большого революционного масштаба», не допуская при этом «излишней медлительности, топтания на месте», но и не забегая вперед. Была разработана комплексная программа осуществления перестройки во всех областях жизни общества, направленная, как говорилось, на динамичное развитие социализма, преодоление тенденций, ведущих к застою и отставанию. Главным условием успеха перестройки объявлялось углубление социалистической демократии и комплексная экономическая реформа. Требуя творческого подхода к решению намеченных задач, пересмотра многих укоренившихся представлений, Якеш

¹ Следует отметить, что некоторые современные словацкие исследователи относят Г. Гусака не к консервативному крылу, а к «реалистическому центру» партийного руководства (Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. Кн. 2. С. 234).

подчеркивал, что все это должно происходить на основе укрепления основных ценностей социализма: общественной собственности на средства производства, руководящей роли рабочего класса и его авангарда — коммунистической партии, планового развития экономики, распределения по результатам труда, принципов пролетарского интернационализма, тесного сотрудничества с СССР и другими социалистическими странами, то есть того, на что, по его мнению, в годы кризисного развития посягали правые оппортунисты и ревизионисты, стремившиеся к «демонтажу социализма». Как отмечал Якеш, расширение демократии не означает возможность легализации политической оппозиции, которая не может иметь иной, чем антисоциалистический, характер, что подтверждает имеющийся опыт. Однако здоровая, конструктивная критика и самокритика поддерживалась, как и опора на опыт КПСС.

Для второй половины 80-х годов в Чехословакии характерно усиление противостояния так наз. «властных» и «безвластных», то есть правящего режима и антинормализаторского движения, выступавшего за «общественное обновление и демократический порядок» путем «ненасильственных» действий. Появились и организации, «гражданские инициативы», с четко очерченными политическими программами антирежимной направленности¹. В некоторых документах оппозиционных сил поднимались и вопросы чехословацкой истории. В это время возникли Ассоциация Масарика и Общество Масарика. Так наз. «конструктивная группа» (вскоре она трансформировалась в оппозиционную организацию «Демократическая инициатива»), выступавшая за демократизацию политической и общественной жизни, выдвинула требование правдивого познания прошлого чехословацкого государства, включая историю первой республики. В одном из документов конструктивистов в декабре 1987 г. говорилось: «В период, когда в европейских социалистических странах усиливаются требования демократических реформ, задачей юбилейного 1988 г. является знакомство чешской и словацкой общественности с демократическими традициями наших народов с особым акцентом на развитии домюнхенской республики и личности первого президента Томаша Г. Масарика». Выдвигалось также требование непредвзятого изложения послевоенной истории Че-

¹ Документы оппозиционного и диссидентского движения в Чехословакии, активизировавшегося под влиянием советской перестройки, см: Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная Европа. Документы и материалы последней трети XX века. Вторая половина 1980-х — начало 1990-х годов. СПб, 2013. С. 559—717.

хословакии, включая события 1968 г. Эта организация выступала также сначала за изменение в руководстве страны, а затем и за его отставку¹. В это время в странах «советского блока» уже формировались политические силы, нацеленные не на «обновление» социализма, а взявшие курс на либерализацию общественной системы, её перестройку на принципах рыночных отношений и политического плюрализма. Но чехословацкое руководство пока считало «нормой» доперестроечную модель советского социализма.

«Официальные оценки изменений во внутривластном положении СССР со стороны “режима нормализации”, — пишет Э.Г. Задорожнюк, — носили поверхностный и официозный характер. Вместе с тем нельзя сказать, чтобы партийных и государственных лидеров чехословацкого государства эти вопросы вообще не затрагивали. Однако беспокойство было своеобразным, и оно заключалось в требованиях и просьбах к Горбачеву не менять оценки событий 1968 г... Эта позиция официальной Праги просматривается в ходе переговоров с Горбачевым лидеров Чехословакии в период 1984—1989 гг.»². Документ «Уроки кризисного развития...» не подлежал пересмотру.

До поры до времени я и мои коллеги не знали, как публично (!) относиться к оценке событий 1968 г., поскольку официальная советская точка зрения — «помощь братскому народу социалистической Чехословакии» — пока не подлежала пересмотру. И тут произошло событие, о котором не могу не рассказать. Институт подготовил книгу «Краткая история Чехословакии. С древнейших времен до наших дней». Она была одобрена Ученым советом, и рукопись ушла в Издательство «Наука». Автором большой главы о 1968 г., примерно четыре авторских листа, являлся И.И. Удальцов, тогда сотрудник нашего Института. Естественно, что он изложил в ней свое видение событий, участником и свидетелем которых был. У него сохранилась масса материалов той поры, и он собирался написать книгу на эту тему. И тут случилось неожиданное: историческая редакция Издательства «Наука» отказалась выпускать «Краткую историю Чехословакии», если глава о 1968 г. не будет переработана или, по крайней мере, сокращена. Надо сказать, что практика выхода в свет подобных изданий включала в себя обязательное согласование текста с «братской» страной, в данном случае с Чехословакией, что и было сделано. И тут «нашла коса на камень»: Издательство грозило исключением книги из графика выпуска,

¹ Задорожнюк Э.Г. Указ. соч. С. 223- 224.

² Там же. С. 225.

И.И. Удальцов отказался наотрез переделывать или сокращать написанный им текст. Дирекция Института, посоветовавшись, решила сохранить книгу и отказалась от поддержки позиции И.И. Удальцова. Директор Института Д.Ф. Марков вызвал к себе меня и И.И. Попа, который настроен был весьма «революционно», и поручил нам в течение двух недель написать новый текст. Что было делать? Компромиссный вариант, по согласованию с международным отделом ЦК КПСС, состоял в том, чтобы в этой главе просто изложить документ «Уроки кризисного развития...», сославшись на него. Это, собственно, мы с Попом и сделали. Затем рукопись главы в срочном порядке через международный отдел ЦК КПСС была направлена в Чехословакию, которая подтвердила «добро». Что касается «наших дней», то есть 1980-х годов, то тут все в «Краткой истории» давалось по газете «Руде право», других источников тогда не было. По сути, описывались решения XVII съезда КПЧ и последовавших за ним пленумов ЦК КПЧ. В 1988 г. «Краткая история Чехословакии» появилась на прилавках магазинов.

Мы пребывали в каком-то радостно-приподнятом и одновременно критическом по отношению к себе настроении. И в этой атмосфере произошло еще одно событие, о котором хочу рассказать. Совместно с чехословацкими историками была подготовлена монография «Советско-чехословацкие отношения. 1917—1945 гг.», которая значилась в плане двустороннего сотрудничества АН СССР и ЧСАН. Рукопись была представлена на Ученый совет для её утверждения и сдачи в Издательство «Наука». И снова разгорелся скандал. Ряд сотрудников Института выступил с резкой критикой работы, упрекая авторов в приверженности старым взглядам и оценкам, в отсутствии новых подходов к рассматриваемой проблематике. Насколько помнится, особенно острым было выступление И.И. Попа. Досталось не только советским, но и чехословацким авторам. Ученый совет не утвердил книгу к печати, рекомендовав доработать её. А.И. Недорезов, который был ответственным редактором монографии, обещал сделать это. Но как сообщить о случившемся чехословацким партнерам? Д.Ф. Марков, почему-то уверовав в мои дипломатические способности и добрые отношения с чехословацкими историками (последнее было правдой), поручил мне уладить конфликт. Для этого я была срочно, вне всякого плана, командирована в Чехословакию. В это время туда прилетела и возглавляемая А.И. Недорезовым группа советских ученых, работавшая над 5-м томом «Документов и материалов по истории советско-чехословацких отношений 1945—1948 гг.». Он вышел в 1988 г. Трудность состояла в том, что я и Недо-

резов, встречаясь по сути с одними и теми же людьми, представляли две разные советские точки зрения: я разъясняла позицию Ученого совета Института, А.И. Недорезов, естественно, имел свое мнение на этот счет. Первым, с кем я встретилась, был А. Долейши, в прошлом партийный работник, а ныне директор Чехословацко-советского института ЧСАН, нашего партнера по изданию документов и указанной монографии. Он выслушал мои доводы и соображения молча, не выразив своего отношения к происшедшему. После меня Долейши принял Недорезова. О чем они разговаривали и о чем договорились, не знаю. Затем состоялась моя встреча с коллективом авторов, участвовавших в подготовке монографии. Мне поручено было предложить им сотрудничество с советскими учеными при доработке текстов. Кто-то из участников встречи согласился с такой возможностью, кто-то отказался, заявив, что не нуждается в этом. К концу встречи пришел Недорезов и, вроде бы, в шуточной форме стал выяснять отношения. В общем, всё это выглядело, вероятно, не очень красиво и оставило в моей душе неприятный осадок. Но я рада была, что довела до сведения чехословацких историков существование в СССР нового взгляда на проблемы строительства социализма и развитие советско-чехословацких отношений. Думаю, что в своих оценках многих исторических событий и процессов мы — это не значит все — тогда начали возвращаться к наработкам историков-шестидесятников, и те, кто в те годы активно работал в ЧССР на ниве истории, не могли не заметить этого, тихо радуясь своей правоте в прошлом, а, может, и злорадствуя. Что ж, их можно понять! Монография — я не знаю, дорабатывалась она или нет, поскольку не являлась членом авторского коллектива — так и не была опубликована. Слишком очевидным в ней был классовый подход: грубо говоря, всё, что шло от трудящихся масс и КПЧ, являлось «позитивным», от буржуазии (руководства страны, партий) — «негативным». Книга основывалась на публикации «Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений», четыре тома которой к тому времени уже увидели свет. Они формировались и издавались в 1970-е — начале 1980-х годов, и подбор документов шел примерно по тому же принципу: показать в основном позитивные моменты в советско-чехословацких отношениях 1917—1945 гг., а негативные «оставить за бортом». Совсем не хочу сказать, что использовать эту публикацию в исследованиях нельзя, конечно же, можно и нужно — там много архивных документов, однако делать её единственной основой изучения советско-чехословацких отношений той поры не следует: они имели гораздо более сложную конфигурацию.

6. ТРУДНОСТИ ПЕРЕСТРОЙКИ. ЗАСЕДАНИЕ КОМИССИИ В УЖГОРОДЕ. 1987 г.

В атмосфере разворачивавшейся перестройки и надежд, больших или меньших, «на светлое будущее» прошло и очередное заседание советско-чехословацкой комиссии историков в Ужгороде (сентябрь-октябрь 1987 г.). Где-то «наверху» в это время было принято решение назначить меня заместителем председателя советской части Комиссии, ученым секретарем стала Э. Г. Задорожнюк. Согласно плану работы Комиссии на научной конференции в Ужгороде намечалось обсуждение проблемы о всемирно-историческом значении Великого Октября и его роли в мировом революционном процессе. Со времени рассмотрения этой темы тоже на заседании Комиссии в 1977 г. прошло уже 10 лет, было накоплено немало нового исследовательского материала, в советской историографии появились некоторые нетрафаретные подходы и оценки. В исторических кругах, например, в контексте отказа от монополии на истину широко обсуждалась идея многовариантности исторического процесса и проблема выбора пути развития. Надо сказать, что подготовка к празднованию 70-летия Октябрьской революции в стране велась очень серьезная. Вопрос обсуждался на различных партийных форумах, освещался в прессе, публиковалась масса материалов, в которых проводилась мысль о взаимосвязи идей Октября с процессом перестройки. Очень тщательно готовился и обсуждался на политбюро юбилейный доклад, с которым должен был выступить М.С. Горбачев. Как вспоминает Горбачев, с пространными замечаниями по одному из вариантов текста доклада выступил Б.Н. Ельцин: «Он считал, что в докладе смещены оценки в пользу Февральской революции, в ущерб Октябрьской, недостаточно выпукло показана роль Ленина и его ближайших соратников; выпал период гражданской войны; несоразмерны по подаче материала индустриализация и коллективизация; преждевременны (до выводов комиссии политбюро) оценки видных деятелей революции; лучше обойти вопросы периодизации перестроечных процессов, подготовки новой конституции, а в заключение со всей силой подчеркнул роль партии в развитии советского общества. Как видно, это были замечания, проникнутые духом большой осторожности и консерватизма. Таков был Ельцин тогда»¹.

¹ Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Кн. 1. М., 1995. Часть 2. Глава 12.

2 ноября 1987 г. с докладом «Октябрь и перестройка: революция продолжается» М.С. Горбачев выступил на торжественном заседании в Кремле. Доклад, по его словам, «был воспринят как крупный шаг на пути очищения нашей истории от мифов, восстановления правды. Конечно, и на нем лежала печать ограниченности. Мы сознательно решили умолчать о чем-то. Нам самим предстояло еще многое осмыслить, преодолеть психологические барьеры. Оставалось немало “белых пятен”, требующих исследования». Доклад, «достаточно взвешенный, а местами... и очень осторожный, — как вспоминает Горбачев, — не удовлетворил “крайних” с обеих сторон. Одни восприняли критический анализ как “очернительство”, “неуважение к своему народу”, как потрясение основ и предвестие тотального пересмотра истории советского народа. Другие, кому лихих публицистических статей было достаточно, чтобы “прозреть”, твердили, что ждали большего, Горбачев топчется на месте, необходим полный разрыв с прошлым»¹.

Думается, тут дано достаточно точное описание “возбужденного” состояния, по крайней мере, советского исторического сообщества. Помню это по собственным ощущениям. Почувствовав свободу, гуманитарная научная мысль пришла в движение. Сошлюсь опять на Горбачева, которому “сверху” было многое чего видно: «...”переход” от 87-го к 88-у году был отмечен углублением аналитических разработок по всем направлениям общественных наук... Опьяненные свободой историки, экономисты, философы, социологи, литературоведы стремились очистить свои сферы знаний от всевозможных искажений и заблуждений, порожденных сталинизмом, объективно оценить состояние нашего общества... разумеется рассуждения наших идеологов относительно “создания основ социализма”, а потом его “окончательной и полной победы”, и, наконец, “построения развитого социалистического общества”, носившие сугубо апологетический и схематический характер, уже не могли никого удовлетворить»².

Заседание Комиссии в Ужгороде состоялось примерно за месяц до торжественного заседания в Кремле, и, естественно, доклад Горбачева не был известен. Однако, вся атмосфера его подготовки свидетельствовала о многом. Ожидали чего-то важного, выходящего за рамки существующих оценок и представлений. Надо сказать, что в это время уже увидела свет книга академика П.В. Волобуева

¹ Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Кн. 1. М., 1995. Часть 2. Глава 12.

² Там же.

«Выбор путей общественного развития: теория, история, современность». (М., Политиздат, 1987). Работа привлекла внимание общественности своей новизной и смелостью постановки многих вопросов, поэтому о ней много говорили, обсуждали на методологических семинарах. Нельзя сказать, чтобы мнения были исключительно положительные. Тогда ширились всевозможные слухи о разногласиях “наверху”, они проникали в “мир” и активно обсуждались историками, многие из которых знали людей, принимавших участие в подготовке текста доклада Горбачева. Всё это отразилось и в позициях советских участников заседания 1987 г. и, прежде всего, приехавших из Москвы.

Конференция и заседание Комиссии проходили на базе Ужгородского отделения Института социальных и экономических проблем зарубежных стран АН УССР и Ужгородского государственного университета. На конференции, в которой участвовало около 200 представителей различных учреждений Ужгорода (помимо научных сотрудников, преподаватели и студенты университета, высших и средних учебных заведений, учителя средних школ, представители партийного актива Ужгорода и Закарпатской области), с докладами выступили 26 советских и чехословацких историков. Пожалуй, можно сказать, что красной нитью тех выступлений, которые носили аналитическо-постановочный характер, — не все являлись таковыми: многие характеризовались чрезвычайной камерностью затронутых вопросов — стали две мысли: борьба за демократию, как путь подведения масс к социализму, и перестройка в СССР, как продолжение дела Великого Октября.

С большим и интересным докладом «Великий Октябрь и развитие мирового революционного процесса» выступила д.и.н. З.П. Яхимович. Она отметила усложнение подхода советских историков к оценкам Октябрьской революции, необходимость научного анализа всего мирового исторического процесса при её рассмотрении, важность понимания общенационального характера революции и сложности её социальной базы. Яхимович остановилась на дискуссиях в советском историческом сообществе, ведущихся, например, по таким вопросам, как значение революционного насилия, мирных и немирных путей революции, роль компромиссов, сочетание революции и реформ и т.д. С. Цамбел в докладе «Октябрь и опыт чехословацких коммунистов в борьбе за демократию и социализм» отметил, что революционный процесс в ЧСР в 1945—1948 гг. характеризовался широкой социальной базой, включавшей, кроме

рабочего класса, крестьянство и средние городские слои. КПЧ, по мнению докладчика, творчески применила теорию марксизма-ленинизма в конкретных условиях Чехословакии: возникшая демократическая республика стала шагом к социализму. П. В. Волобуев выступил с докладом «Великий Октябрь: исторический опыт решения общенациональных задач». Подчеркнув, что прежде историки рассматривали Октябрьскую революцию преимущественно под углом зрения решения ею социальных задач, он остановился на их сочетании с демократическими, общенациональными задачами, которые стояли перед Россией. Отметив успехи в строительстве социализма в СССР, докладчик указал на трудности этого пути и зигзагообразность его развития, отступление от ленинских принципов созидания нового общества, а также на то, что не был придан необратимый характер борьбе против методов культа личности. Ряд докладов был посвящен проблеме «Октябрь и перестройка» (Г.А. Трукан, М. Барновский, Л. Слезак и др.).

По некоторым поднятым в докладах вопросам развернулась дискуссия. П.В. Волобуев подвел итоги научной конференции. Он подчеркнул необходимость поднимать на подобных конференциях спорные вопросы, стремиться к преодолению стереотипов, схематического, спрямленного взгляда на развитие исторического процесса, отходить от сугубо констатирующего подхода к описанию исторических событий, проводить исследование в поисковом ключе. «Пока мы стоим в преддверии открытий, — сказал П.В. Волобуев. — Следует обязательно изучать опыт Октября, который поворачивается все время разными своими гранями».

Участники заседания ознакомились с памятниками культуры Закарпатья, побывали на некоторых сельскохозяйственных и промышленных предприятиях. Во время поездки по области услышали сетования жителей и местных хозяйственников на головопашество при проведении антиалкогольной кампании, когда были вырублены виноградники и тем самым подорвано винодельческое производство.

Думается, что ожидание грядущих перемен тогда было более сильным в советском, чем в чехословацком обществе. Если говорить о наших представлениях относительно положения в чехословацком историческом сообществе, то они сводились преимущественно к тому, что там царит полное спокойствие, «тишь да гладь, да божья благодать», объясняемые сильным идеологическим прессингом КПЧ. Когда я обращалась к знакомым мне историкам с вопросом

(как я теперь понимаю, весьма глупым), почему так спокойно в чехословацкой исторической науке, тогда как у нас она бурлит, в ответ они либо пожимали плечами, либо говорили, что историки идут в ногу с партией. И лишь некоторые, знакомые изнутри с положением дел в КПЧ (не буду называть их имена, дабы, не приведем господь, не навредить живущим), утверждали примерно следующее: после 1960-х годов на посты в исторической науке пришли люди, которые и сами ничего не сделали, и другим не давали, навешивая ярлыки; и пока они занимают свои места, нет надежды на какие-то изменения. Тогда нам мало что было известно о существовании «исторического подполья» в Чехословакии, постепенно набиравшего силу.

Конец 1987 г. — начало 1988 г. отмечены были в СССР определенным изменением общественно-политического климата. Стало ясно: перестройка идет не так гладко, как представлялось¹. Обнаружились кризисные явления в экономике, чрезвычайное увеличение диспропорций между доходами и расходами привело к возникновению бюджетного дефицита, начались инфляционные процессы, прекратился рост реальных доходов населения. Все это повлекло за собой изменение общественной атмосферы в стране, усилило сомнения в правильности избранного курса. В руководстве СССР явственно обозначились разногласия между укреплявшими свои позиции сторонниками более решительных, радикальных мер в осуществлении перестройки и активизировавшимися представителями консервативных сил, которые выражали опасения за судьбу социализма. Постановление июньского 1987 г. пленума ЦК КПСС «О задачах партии по коренной перестройке управления экономикой» носило компромиссный характер. С одной стороны, оно прокламировало начало радикальных экономических перемен, означало шаг на пути создания многоукладной рыночной экономики, с другой, сохранение социалистической модели управления ею. Расхожий лозунг начального этапа перестройки «больше социализма» как бы дополнялся выражением «плюс немного капитализма». Пленум принял также решение созвать в 1988 г. XIX партийную конференцию и поставить на ней вопрос о реформе политической системы, без чего внедрение элементов рыночных отношений в экономике было невозможно.

Рост напряженности в обществе продемонстрировал и октябрьский 1987 г. пленум ЦК КПСС, на котором неожиданно для всех

¹ Материалы пленума Центрального комитета КПСС, 25–26 июня 1987 г. М., 1987.

секретарь Московского городского комитета КПСС Б.Н. Ельцин выступил с критикой политбюро и секретариата ЦК КПСС за медленные темпы перестройки, а также обратил внимание на зарождение культа личности Горбачева. Речь не была яркой. Никто из последующих ораторов не поддержал Ельцина. Горбачев в заключительном слове назвал выступление «политически незрелым». Но в «Московской правде» (главный редактор М.Н. Полторанин) появилась более «красивая» по сути и по форме версия выступления Ельцина, которая и была замечена как внутри страны, так и за границей. На пленуме МГК КПСС Ельцин признал ошибочность своего выступления, и в ноябре 1987 г. был снят с поста первого секретаря Московского горкома партии, а затем выведен из кандидатов в члены политбюро ЦК КПСС. В Москве и Свердловске прошли митинги и небольшие демонстрации, распространялись листовки в поддержку Ельцина. В России гонимые всегда пользовались сочувствием народа, к тому же приписываемые ему слова упали на благодатную почву, взрыхленную трудностями перестройки и нелюбовью к партийной номенклатуре. Ельцин, постоянно формировавший свой имидж защитника нужд и чаяний народа и врага партократии, приобретал в стране всё большую популярность и харизматичность.

Не дремали и консервативные силы, решившие перейти в наступление. На февральском пленуме 1988 г. ЦК КПСС секретарь по идеологии Е.К. Лигачев упорно проводил мысль о необходимости воспитания школьников в духе классовой идеологии, о недопущении притупления идеологической бдительности. По сути, возражая ему, М.С. Горбачев выступил с докладом «Революционной перестройке — идеологию обновления». Говоря об осмыслении новых реальностей и перспектив дальнейшего развития, он, правда, пока еще осторожно, затронул вопрос о руководящей роли партии, заявив о том, что она «не дана кем-то свыше и на вечные времена». Дифференциация в руководстве КПСС усиливалась. Об этом свидетельствовало опубликованное в органе ЦК КПСС газете «Советская Россия» (13.03.1988) под названием «Не могу поступиться принципами» письмо Н. Андреевой, вызвавшее широкий отклик в обществе как позитивного, так и негативного характера. Автор письма резко критически оценивала ситуацию в обществе и стране, отход от ленинских принципов строительства социализма, обвиняла прессу в очернительстве прошлого. По свидетельству Горбачева, письмо в течение двух дней обсуждалось на заседаниях политбюро.

Выступили все. Некоторые решительно осудили, другие заняли осторожную позицию, третьи поддержали автора письма. При этом все говорили о необходимости сохранения единства в руководстве партии и нежелательности доведения факта разногласий до слуха общественности. 5 апреля 1988 г. «Правда» (статья А.Н. Яковлева) официально «открестилась» от письма Н. Андреевой. Горбачев позже оценивал обсуждение письма на политбюро так: «Все поклялись в верности перестройке, присягнули единству», с другой стороны, «еще раз выявился эфемерный характер солидарности руководящего синклита. В выступлениях некоторых коллег проглядывала ностальгия по старому, внутреннее несогласие со всеми нашими новациями. Некоторые уже не шли в ногу, а тащились через силу, умиряя в себе “ретивое”, лишь бы не оторваться от власти, связанных с нею благ. Но так, конечно, не может продолжаться до бесконечности. Раскол неизбежен. Вопрос лишь — когда?»¹.

Надо сказать, что интерес чехословацких историков к процессам, происходящим в СССР, был большой, хотя много было и скепсиса. Я в это время начала заниматься проблематикой антифашистского движения Сопротивления. Как раз эти вопросы особо привлекали чехословацких историков-шестидесятников, и они значительно преуспели в их разработке. Многие в те годы публиковались в открытой печати, но многое стало известно лишь узкому кругу специалистов посредством разрешенных официально, но печатавшихся ротاپринтным способом изданий. Они хранились в библиотеке ИМЛ ЦК КПЧ в открытом фонде, и я занималась их изучением. Читальный зал библиотеки размещался в роскошном здании музея К. Готвальда в центре Праги. Там меня разыскал сотрудник ИМЛ ЦК КПЧ М. Боучек, активно работавший в 1960-е годы и хорошо знавший архивы. Мы долго беседовали с ним относительно того, что происходит в СССР. Его особенно интересовал вопрос о гласности и, главное, как этот лозунг претворяется в жизнь. Я, как могла подробно, обрисовала ситуацию. Не сомневаюсь, что всё, сказанное мной, обсуждалось в определенных кругах чехословацких историков (в домашней обстановке, в кругу друзей, особо доверенных лиц и т. д.). М. Боучек рассказал мне, например, что о Якеше уже ходит много анекдотов, что в парторганизациях читается «закрытое письмо», в котором опять говорится о бдительности, о борьбе с империалистической идеологией и т. д. «У вас —

¹ Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Кн. 1. М., 1995. Часть 2. Глава 12.

[о борьбе] с консерватизмом, у нас — наоборот», — сказал Боучек. Потом он рассказал такой случай: в баре подвыпивший советский турист в обнимку с местными «работягами» горячо обсуждал вопросы советской внутренней политики, «поливая» Сталина, Брежнева и других.

В преддверии очередного заседания Комиссии в Банской Быстрице (Словакия) во время моего и Э.Г. Задорожнюк пребывания в Праге (это был май 1988 г.) уточнялась программа научной конференции и научно-организационные вопросы, на которые следовало обратить внимание. Во время неофициальной встречи с куратором чехословацкой части Комиссии по линии партии мы узнали, что перестройки в области исторической науки, по сути, не происходит, идут лишь разговоры об этом, что предполагается отправить на пенсию в течение года некоторых представителей «старой гвардии историков», что открытые выборы руководителей исторических институтов вряд ли возможны из-за опасения групповщины, что в течение многих лет продолжается работа над новым изданием истории КПЧ, в котором не предполагается никакого принципиального изменения оценок, а лишь некоторые уточнения.

Чрезвычайно интересна для меня была и вторая встреча с М. Боучеком. Он рассказал, что ряд институтов (ИМЛ ЦК КПЧ, ИМЛ ЦК КПС, Институт чехословацкой и всеобщей истории ЧСАН, Институт военной истории и др.) работают над 3-х томной историей Второй мировой войны: 1938—1941 гг. (т.1), 1941- середина 1944 гг. (т. 2), середина 1944 — 1945 гг. (т. 3). Все тома выйдут одновременно, авторская работа будет завершена в 1991 г. Обсуждается много принципиально важных вопросов: коллаборационизм, некоммунистическое сопротивление, оценка Э. Бенеша, массовость и формы сопротивления, еврейский вопрос в годы оккупации (из 360 тыс. уничтоженных жителей Чехии 220 тыс. составляли евреи). Я поинтересовалась судьбой тех историков, кто разрабатывал эту проблематику в 1960-годы: Я Кржен, В. Курал, Й. Долежал, Ф. Яначек, М. Отагал, Й. Новотны и др., с работами которых я знакомилась в библиотеке ИМЛ ЦК КПЧ. Многие из них, как сказал Боучек, работают «вне истории», но ею занимаются и выпускают собственный машинописный бюллетень («самиздат»), вышло уже более 20 номеров. Так я узнала о существовании «исторического андеграунда». По просьбе Боучека сотрудник Союза антифашистских борцов принес мне массу новых книг, изданных Союзом. Они очень помогли в моей работе над темой. Среди полученных была

своего рода малая энциклопедия антифашистской борьбы¹, изданная тиражом 13 000 экземпляров, который, по словам Боучека, сразу же был раскуплен.

Как впоследствии стало известно, параллельная информационная система в виде «самиздата» (этот русский термин прижился в чехословацком обществе) начала развиваться в 1970-е — 1980-е годы. Тем самым, был дан импульс к появлению так наз. независимой (диссидентской, свободной, оппозиционной, подпольной — она называется по-разному) литературы, которая доходила до общественности сначала в виде нескольких машинописных экземпляров. Так в Чехословакии возникло творческое сообщество независимых историков, которые, будучи заняты на разных, не требующих особой квалификации работах, не бросали своего профессионального дела. XV международному съезду историков в Бухаресте (август 1980 г.) уже был представлен библиографический обзор, содержащий аннотации 183 работ (из них — более 70 по периоду после 1938 г.) чехословацких историков, которые после августа 1968 г. подверглись дискриминации².

Конец 1970-х — начало 1980-х годов ознаменовались не только количественным приращением новых работ, но и началом неофициально организованной «издательской» деятельности. В чешских областях до конца 1980-х годов функционировало около 70 независимых издательств; общее число их периодических изданий достигало 200. В январе 1978 г. появился первый выпуск машинописного («самиздатовского») сборника «Исторические исследования» (Historické studie), который под разными названиями выходил дважды в год и к 1989 г. насчитывал 26 выпусков. Редакционный совет сборника возглавляли Я. Мезник, М. Отагал, Я. Кржен, М. Гайек, Б. Черны, Г. Мейдрова. Частыми авторами издания являлись историки новейшего времени как оставшиеся в стране, так и находившиеся в эмиграции: Й. Долежал, К. Гайан, Й. Гайек, М. Гайек, М. Гюбл, Й. Яблоничкий, К. Каплан, Я. Кржен, В. Курал, В. Менцл, Я. Млынарник, Я. Опат, М. Отагал, К. Пихлик, П. Питгарт, В. Пречан, М. Рейман, Й. Сладек, Й. Тесарж, В. Врабец и др.³. Существование «исторического подполья», его связи, с одной стороны, с эмигрантскими кругами на Западе, а с другой, неформальное общение со многими представителями официально допущенных к профессио-

¹ Český antifašismus a odboj. Slovníková příručka. Praha, 1988.

² Prečan V. Op. cit. S. 314—315.

³ Hanzal J. Op. cit. S. 228.

нальной деятельности историков, оказывали свое влияние и на позиции последних. Об этом, в частности, свидетельствовали и мои беседы с М. Боучеком. Но руководители исторических институтов по-прежнему занимали очень осторожные позиции. Так, во время встречи (29 июля 1988 г.) директора нашего Института В.К. Волкова с руководством Института чехословацкой и всеобщей истории, когда речь зашла о «более правильном» освещении тех или иных исторических проблем, в частности, истории Коминтерна и Информбюро коммунистических и рабочих партий (незадолго до того на «круглом столе» в ИМЛ ЦК КПСС обсуждались эти вопросы), чехословацкие коллеги заявили, что здесь надо действовать очень осторожно и застрельщиками должны быть историки партии.

7. В ПРЕДДВЕРИИ РАСПАДА СССР И «БАРХАТНОЙ РЕВОЛЮЦИИ» В ЧССР. ПОСЛЕДНИЕ ЗАСЕДАНИЯ КОМИССИИ.

Далеко не всё гладко шло и в СССР. В беспокойной обстановке 28 июня — 1 июля 1988 г. прошла XIX Всесоюзная конференция КПСС, обсудившая вопрос «О некоторых неотложных мерах по практическому осуществлению реформы политической системы страны». За некоторое время до начала конференции огромным тиражом были изданы тезисы ЦК КПСС по вопросам, которые предстояло рассмотреть. Они широко обсуждались не только на партийных собраниях, но и на других форумах по всей стране. Горбачев в докладе на конференции, в частности, отметил, что была допущена недооценка всей глубины деформаций и застоя минувших лет, что ситуация в обществе оказалась более серьезной, чем предполагалось ранее. Он подчеркнул необходимость сохранения курса на продолжение реформ, сформулировав следующие задачи: осуществление радикальной экономической реформы, активизация духовного потенциала общества, реформа политической системы, демократизация международных отношений. Конференция приняла следующие резолюции: «О ходе реализации решений XXVII съезда КПСС и задачах углубления перестройки», «О демократизации советского общества и реформе политической системы», «О борьбе с бюрократизмом», «О межнациональных отношениях», «О гласности», «О правовой реформе». Все это были вопросы, которые волновали страну, общество. Конференция наметила контуры последующего реформирования политической системы в СССР, направленного, по мнению некоторых исследователей, на создание «социализма с человеческим лицом», то есть того, что в свое время предлагали чехословацкие реформаторы во время «Пражской весны». Партии, по выражению Горбачева, надлежало «добровольно расстаться с собственной диктатурой», что было особенно болезненно для слоя партийной номенклатуры.

Интеллигенция, во всяком случае, в Москве, восприняла решения XIX партконференции с большим воодушевлением, помню это по себе. Тогда журнал «Советское славяноведение» опубликовал подборку мнений сотрудников нашего Института на этот счет. Выступила и я, как исполнявшая обязанности заведующего сектором истории социализма. Отметив, что по адресу общественных наук на партконференции раздавалась особо острая и в целом

справедливая критика, я напомнила подчеркнутую Горбачевым мысль о том, что именно общественные науки в наибольшей степени пострадали от культа личности, бюрократических методов руководства, догматизма и некомпетентного вмешательства. Главное, считала я, «общая атмосфера культа личности, а затем застоя, не поощрявшая развитие творческой мысли. История как наука была задумана командно-административными методами руководства. Историки были практически лишены возможности иметь собственное мнение». «Если посмотреть под углом зрения решений XIX партконференции на конкретный участок нашей деятельности, связанный с изучением истории социалистического строительства, — писала я, — то стоящие перед нами задачи поистине огромны, программа начертана не на одно десятилетие. Коротко это — уточнение наших представлений о социализме, возврат к ленинской его концепции, содействие на основе изучения опыта европейских социалистических стран разработке вопросов о периодизации и общих закономерностях социализма, о соотношении национального и интернационального в социалистическом строительстве, разработка проблем, новых для нашей исторической науки или забытых ею, и связанных с альтернативностью и многовариантностью путей исторического развития, с продвижением социалистического общества вперед через преодоление противоречий, с необходимостью при выработке политики учета интересов различных классов и социальных слоев, с изучением роли реформ при социализме, с международным влиянием успехов и неудач в строительстве социализма и т. д.»¹. Таковы были мои представления о задачах историков социализма, навеянные знакомством с материалами партконференции. Думаю, что они в целом не расходились с представлениями других историков, разрабатывавших ту же проблематику. Советские обществоведы в своем большинстве, как представляется, разделяли мысль о дальнейшем строительстве социализма, но в «улучшенном» варианте.

В 1988 г. произошли и другие события, вселявшие уверенность, что страна пойдет по прогрессивному пути развития. Пленум Верховного суда СССР отменил приговор 1938 г. и прекратил дело в отношении Бухарина, Рыкова, Раковского и других, привлекавшихся к уголовной ответственности по «антисоветскому правооп-

¹ XIX Всесоюзная конференция КПСС и проблемы обществоведения // Советское славяноведение. 1989. № 1. С. 5–6. (Это было продолжение публикации, начатой в № 6 1988 г.).

портунистическому блоку». В мае начался вывод советских войск из Афганистана, завершившийся в феврале 1989 г.

Впечатленная этими событиями и революционным духом перестроечной эпохи делегация советских историков, состоявшая из 9 человек, отправилась на очередное 19-е заседание Комиссии в Банску Быстрицу (Словакия). Руководил делегацией по-прежнему П.Т. Тронько, хотя председателем советской части Комиссии (не знаю, по каким причинам) был назначен д.и.н. Василий Игнатьевич Касьяненко, специалист в области политической и экономической истории СССР, занимавшийся и методологией социализма. В 1982—1991 гг. он являлся главным редактором журнала «Вопросы истории КПСС» и в конце 1987 г. получил звание чл.-корр. АН СССР. Однако это назначение оказалось чисто формальным. По-видимому, в силу загруженности работой или по каким-то другим причинам В.И. Касьяненко не стал заниматься Комиссией и даже не проявил интереса к её деятельности. Не поехал он и в Банску Быстрицу, хотя был включен в состав советской делегации.

На научной конференции, проходившей в рамках заседания (5 — 9 сентября 1988 г.), была рассмотрена тема «От буржуазной демократии к победе социализма (К 70-летию образования Чехословакии и 40-летию Февраля 1948 г.)». Принявший нас секретарь по идеологии крайкома КПС А. Подолец рассказал о Банско-Быстрицком крае, конечно, прежде всего, под углом зрения успехов в его экономическом, социальном и культурном развитии. В этом, самом большом по территории и одном из наиболее развитых в промышленном отношении крае ЧССР, проживало 1, 6 млн. человек. Приведу некоторые из поразивших нас цифр: средняя урожайность зерновых по краю — 50 центнеров с гектара (в некоторых — 100), средняя заработная плата рабочих и служащих — 2950 крон (по ЧССР — 3009 крон), у членов сельскохозяйственных кооперативов — 2800 крон (без натуральных доходов). Много интересного мы узнали о реализации планов социального и культурного развития края. Вероятно, краски тут были сгущены, как и положено было при приеме зарубежных гостей, но впечатление у нас осталось самое положительное. Надо иметь в виду, что г. Банска Быстрица — центр Словацкого национального восстания 1944 г., и Банско-Быстрицкий край пользовались особым вниманием властей. Здесь еще в 1969 г. был открыт музей Словацкого национального восстания, разместившийся в великолепном, оригинальном с архитектурной

точки зрения здания¹. Матица Словацкая (г. Мартин), получившая в социалистический период целый комплекс новых зданий, превратилась в главный научно-гуманитарный центр и, хотя испытывала давление со стороны социалистической идеологии и руководства КПС, осталась главным хранителем традиций словацкого культурного наследия. В г. Мартин мы посетили и прекрасный Этнографический музей, но из-за недостатка времени ознакомились лишь с незначительной частью его экспонатов, вызвав обиду, недоумение и даже недовольство сотрудников музея.

Весь ход научной конференции и, прежде всего, выступления чехословацких историков произвели на меня гораздо лучшее впечатление, чем на предыдущих заседаниях. Здесь более явственно, чем прежде, обнаружилось стремление отойти от стереотипов и догматизма, прозвучали новые оценки и подходы, точнее даже не новые, а скорее те, которые появились еще в работах «историков-шестидесятников». И это, с моей точки зрения, было положительным явлением. Другим признаком публичного (!) оживления исторической мысли в ЧССР стали возникавшие по тем или иным вопросам дискуссии, в том числе и между чехословацкими участниками конференции. Это было особенно важно, поскольку на конференции, проходившей на базе Педагогического института, присутствовало более 120 чешских и словацких историков из научных институтов ЧСАН и САН, институтов марксизма-ленинизма ЦК КПЧ и ЦК КПС, высших учебных заведений Праги, Братиславы, Брно, Банской Быстрицы, Кошице и т. д.

Следует отметить, что и в Словакии в это время имело место оживление оппозиционного движения, проходившего в своеобразных формах, например, в форме тайной церковной («катакомбной») оппозиции. Она организовывала публичные манифестации, в которых, например, в Братиславе в 1988 г. участвовало 100 тыс. человек. 25 марта 1988 г. в столице Словакии прошла демонстрация верующих граждан, получившая название «мирного шествия со свечами», так как её участники держали в руках зажженные свечи. Власти применили силовые методы против манифестантов. 13—14 августа 1988 г. подобное шествие состоялось и в Нитре². Появление в Словакии оппозиционного движения, пусть и в специфическом виде, не могло не сказаться на общей атмосфере заседа-

¹ См. изображение в: Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. Кн. 2. М., 2005. С. 475.

² Задорожнюк Э.Г. Указ соч. С. 128—129.

ния Комиссии. Несомненно, повлиял на настроения в Словакии и факт возвращения в политику одного из лидеров Пражской весны А. Дубчека, который выступил (правда, пока в зарубежной печати) с критикой «режима нормализации». А в конце августа 1988 г. в связи с 20-й годовщиной военного подавления Пражской весны упомянутая выше «Демократическая инициатива» выступила с обращением, потребовав, в частности, отмену документа «Уроки кризисного развития...», полной реабилитации Дубчека и его руководства, отставки Г. Гусака и В. Биляка и прихода новых политических деятелей, «не отягощенных участием в подавлении свободного развития Чехословакии в 1968 г.»¹.

В рамках проблематики научной конференции в Банской Быстрице было обсуждено три тематических блока: образование ЧСР и основные этапы её развития (1918—1938 гг.); от Мюнхена до восстановления чехословацкой государственности (1938—1945 гг.); перерастание национально-демократической революции в социалистическую и Февральская победа трудящихся Чехословакии (1945—1948 гг.). Чехословацкие докладчики по первому кругу вопросов (А. Галандауер, М. Кропилак, Ю. Кржижек, В. Чада) сосредоточились на показе политических предпосылок возникновения Чехословакии, развитии национального движения в Словакии и её вхождении в ЧСР, историческом значении образования Чехословацкого государства, формировании и развитии его политической системы в межвоенный период. Доклады содержали много свежих мыслей. Интересны были и выступления советских историков. Доклад Р.П. Гришиной, например, «Буржуазная демократия или Советы. К возникновению национальных государств в Центральной и Юго-Восточной Европе» был построен в сравнительно-историческом плане. Ф.И. Фирсов, остановившийся на актуальных проблемах истории Коминтерна, привел много новых появившихся в СССР материалов на этот счет. В дискуссии, развернувшейся по первому блоку поднятых вопросов, отмечалось значение сравнительно-исторического анализа в их изучении², подчеркива-

¹ Задорожнюк Э.Г. Указ соч. С. 233.

² Меня, в частности, поразило серьезное выступление сотрудника философского факультета Брненского университета Гонеца, попытавшегося в сравнительно-историческом плане рассмотреть процессы, происходившие в Западной Украине, Западной Белоруссии, Прибалтике в период их присоединения к СССР и странах Центральной и Юго-Восточной Европы после войны.

лась необходимость нового подхода к освещению роли личности в истории. В частности, речь шла о Т. Г. Масарике, Э. Бенеше, М.Р. Штефанике, В. Шробаре, М. Годже, А. Глинке, то есть исторических деятелях, всесторонней оценкой места которых в национальной истории начали заниматься еще «историки-шестидесятники». Надо сказать, что эти споры с новой силой возобновились в 1990-е годы и продолжают до сего времени.

Следующий тематический блок был посвящен проблематике Мюнхена, Второй мировой войны и национально-освободительной борьбы чешского и словацкого народов. Рассматривались такие вопросы, как возможность советской военной помощи Чехословакии в период Мюнхенского кризиса (И.И. Поп, Ч. Аморт), чехословацко-советское военно-техническое сотрудничество в конце 30-х годов (Э. Ворачек), политика США в период Мюнхена (В.Л. Мальков), формирование национального фронта в Словакии (В. Быстрицкий), интернационализм в национально-освободительном движении (Ф. Гейл), методологические проблемы изучения движения Сопротивления (В. В. Марьина). Очень интересным, во всяком случае, на мой взгляд, было выступление В. Матошки, который коснулся вопроса о состоянии исторической науки, рассмотрев его на материалах работ об антифашистском движении Сопротивления, вышедших в Средней Словакии и основанных на широкой документальной базе. В частности, докладчик указал и на большие достижения в исследовании движения Сопротивления, имевшие место в 1960-е годы. Мне тогда было предложено опубликовать мой доклад в очередном сборнике статей, издании Музея Словацкого национального восстания. Текст я представила. Но сборник, насколько мне известно, так и не вышел в свет. Набор, по слухам, был рассыпан. Почему? Те, к кому я обращалась с этим вопросом, в ответ пожимали плечами. Может, и из-за моей статьи, в которой я во многом опиралась на наработки историков-шестидесятников? Не знаю.

Последний тематический блок был посвящен проблематике революции 1944—1948 гг. и Февралю 1948 г. Здесь докладчики акцентировали внимание на политической и социально-экономической истории первых послевоенных лет, особенностях развития и взаимовлияния революционных процессов в Чехии и Словакии (С. Цамбел). Критический анализ использования ленинской концепции строительства социализма в теории и практике КПЧ в период перехода к его созиданию в Чехословакии был дан в докладе

А. Ванко. Э.Г. Задорожнюк рассмотрела в историческом аспекте динамику мотивации кооперативной и трудовой форм деятельности в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. В интересной дискуссии по этим выступлениям обсуждались острые вопросы, касавшиеся специфического пути Чехословакии к социализму (М. Бочек), положения украинского меньшинства в ЧСР после 1945 г. (М. Гайдош), реэмиграции чехов и словаков после Первой и Второй мировых войн (Вацулик).

Подводили итоги научной конференции А. Галандауер (Чехия), С. Цамбел (Словакия), Г.А. Трукан (СССР). Галандауер подчеркнул, не без основания, плодотворность развернувшейся дискуссии, отметив, что не было докладов, с одной стороны, узко фактографических, а, с другой, «лозунговых», демагогических и основанных на эмоциях. Он отметил, что всестороннее рассмотрение получила проблема возникновения и развития ЧСР, показанная в контексте европейских событий и в свете влияния Февральской и Октябрьской революций 1917 г. в России. Развернутую характеристику докладов по второму и третьему блоку проблем дал Цамбел. Приветствовался углубленный анализ истории Коминтерна советскими исследователями, особенно важный для ученых, занимающихся историей КПЧ и чехословацкого рабочего движения. Отмечалась плодотворность комплексного подхода (с точки зрения внутренних и внешних аспектов) к рассмотрению проблематики Мюнхена. Цамбел обратил внимание на постановку вопроса о роли личности в истории и важности в связи с этим показа сложности исторического процесса, отказа от попыток его упрощения. Он подчеркнул необходимость углубленного изучения вопросов переходного периода от капитализма к социализму и значимость работы советских ученых по устранению «белых пятен» в истории КПСС и социалистического строительства в СССР. Цамбел, в частности, отметил, что «методологические подходы к изучению социализма в СССР не могут не учитываться чехословацкими историками». В этом же ключе выступил и Трукан. П.Т. Тронько, согласившись с мнением, что многие доклады были новы по мысли и материалу, предложил на следующем заседании Комиссии рассмотреть тему «Роль исторической науки в социалистическом обновлении общества».

Конференция продемонстрировала некоторое потепление идеологического климата в ЧССР. Многие (но не все) докладчики старались под прикрытием традиционной риторики, но с опорой на документы аргументированно отстаивать свои взгляды, в том числе

и недавно находившиеся под огнем критики. Казалось, что положительная тенденция налицо. Однако в кулуарах звучали и иные, более осторожные и даже пессимистические, суждения о положении дел в исторической науке, стране, отношении к происходившим в СССР процессам. («Перестройки в чехословацкой исторической науке нет»»; «партийная бюрократия вас сейчас ненавидит больше, чем правые в 1968 году»; «весьма консервативная и умеренно критическая по отношению к вам позиция историков старшего поколения, хотя исключение составляют те, кто не стоит у руля управления исторической наукой»; «несколько иное отношение к вам молодежи, хотя и тут настроения разные»; «термин “обновление социализма” толкуется, как укрепление социалистического строя»). Что касается отношения к решениям XIX партконференции, то, согласно полученной нами информации, они обсуждались президиумом ЦК КПЧ, на 15 сентября был назначен пленум по идеологическим вопросам, но он был отложен из-за недостаточной подготовленности текста основного доклада — слишком традиционен и неконкретен. То ли существующее, то ли готовящееся постановление по исторической науке, которое считается директивным, как нам стало известно, состоит из следующих пунктов: 1. историю переписывать не будем; 2. сталинизма и культа личности в таком виде, как в СССР, у нас не было; 3. ошибки КПЧ, хотя и имели место, но их не надо преувеличивать, муссировать и резко критиковать; 4. «белых пятен» в истории нет¹. Как теперь известно, еще 6 мая 1988 г. секретариат ЦК КПЧ направил членам партии информационное письмо «об активизации деятельности враждебных сил в процессе перестройки и демократизации». В нем прямо указывалось, что ленинское понимание социализма не подразумевает «демобилизацию в идеологической и политической борьбе»².

Под знаком неоднозначного отношения к происходящим в СССР процессам прошло и пленарное заседание Комиссии. П.Т. Тронько сообщил о том, что следующее заседание Комиссии намечено провести в Москве в октябре 1989 г., и предложил утвердить названную им тему научной конференции «Историческая наука и её роль в обновлении социализма», а также провести «круглый стол» по конкретному вопросу: «Советский Союз и Чехословакия в преддверии и начале Второй мировой войны (лето 1939 г. — июнь 1941 г.)». Напомню, что в 1989 г. в СССР намечался ряд меропр-

¹ Личный архив автора.

² Задорожник Э.Г. Указ. соч. С. 232–233.

ятий по случаю 50-летия начала Второй мировой войны. Для Чехословакии этот год был знаменателен тем, что 50 лет назад было расчленено чехословацкое государство, возникло формально самостоятельное Словацкое государство, а Чешские земли стали, под названием «Протекторат Богемия и Моравия», частью нацистской Германии. Не знаю, почему, но предложение советской стороны вызвало довольно значительное и солидарное сопротивление чехословацких коллег. Прозвучало настойчиво желание уйти от современной проблематики и перейти к обсуждению тем, относившихся к более ранним периодам истории, связанным с проблематикой средневековья и новой истории, в частности, чешское и словацкое возрождение, образование нации и даже 200-летие Великой Французской революции. Формально предлагавшие хронологически «заглубить» тему предстоящей встречи были правы: Комиссия в целом мало обращалась к указанным периодам истории, но в то же время, как считала советская сторона, это означало бы уйти от острых проблем современности. Принято было решение, что все вопросы, которые чехословацкие историки сочтут целесообразным поднять, могут быть поставлены в рамках темы «Историческая наука и её роль в обновлении социализма». Хотя на пленарном заседании вопрос о периодичности встреч не поднимался, но среди чехословацких коллег шли разговоры о том, что заседания Комиссии надо проводить реже (до сих пор они были ежегодными). Решение об издании материалов банско-быстрицкого заседания Комиссии, так же, как, впрочем, и ужгородского, не было выполнено.

Следующий, 1989 год был полон напряженным ожиданием решительного перелома в общественно-политическом развитии как Чехословакии, так и СССР. Вот как описывал ситуацию в ЧССР находившийся в эмиграции чешский историк В. Пречан: «В течение 1988 года мы стали свидетелями такого роста общественного движения в Чехословакии, как ни в одном из двадцати прошедших лет; этот тренд не прерывается и имеет тенденцию к развитию. Желание обозначить свою гражданскую позицию проявляется по-разному: в виде мирных демонстраций и митингов, которые происходят, несмотря на угрозы свыше, опасения полицейского террора и судебных преследований; в виде роста числа и влияния независимых гражданских инициатив, усиления гражданской солидарности и боевитости. С января 1989 г. непрерывно следуют новые и новые акции по подписанию [обращений, манифестов, требований], в которых участвуют тысячи людей из официальных структур куль-

турного, творческого и научного мира, в защиту людей, которые партийными и государственными представителями, в парламенте и государственных средствах массовой информации, называются провокаторами и врагами социализма». Согласно Пречану, «чехословацкие оптимисты и пессимисты едины в том, что существующая система неизбежно рухнет; их прогнозы отличаются друг от друга лишь представлениями о том, как скоро это произойдет: оптимисты говорят о месяцах, пессимисты — о годах»¹. В течение 1988 г. в Чехословакии возникла разветвленная структура независимых гражданских инициатив с политизированными программами, включавшими и претензию на участие во власти². Целью развивающейся демократической революции, по мнению Пречана, является не продолжение попытки решения «квадратуры круга», то есть модернизации и повышения эффективности коммунистической системы при сохранении её сути, а её окончательная ликвидация³.

Активизация общественной жизни в Чехословакии, существование «исторического андеграунда», его связи, с одной стороны, с эмигрантскими кругами на Западе, а с другой — неформальное общение со многими представителями официально допущенных к профессиональной деятельности историков, оказывали свое влияние и на позиции последних. Отражением этого, в частности, являлось письмо, направленное VI съезду чехословацких историков (февраль 1989 г.) и подписанное не только «нелегалами» и эмигрантами, но и официально работающими в области истории учеными. Всего было поставлено 85 подписей. Общий смысл письма сводился к требованию изменения положения дел в исторической науке, отказа от идеологического прессинга, независимости науки от политики, возможности существования разных школ, допущения плюрализма и состязательности мнений и взглядов, упрочения связей с мировой наукой, свободы дискуссий, ликвидации цензуры и т. д. На пленарном заседании съезда письмо не разрешили огласить, как и в секции, посвященной современной истории. Однако в других секциях по письму развернулась горячая дискуссия. Всё это не могло не повлиять на ход и решения съезда. В принятой им резолюции говорилось о перестройке исторической науки, как части перестройки всего общества, о дальнейшем развитии теории

¹ Prečan V. Op. cit. S. 161, 163.

² См. подробнее: Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. Кн. 2. С. 233—262; Задорожнюк Э.Г. Указ. соч. С. 216—241.

³ Prečan V. Op. cit. S. 160.

марксистско-ленинской методологии при одновременном отказе от схематизма, конъюнктурщины и стереотипов в исторических исследованиях, об обращении к тематике, которая разрабатывалась неадекватно или обходилась молчанием, об открытии доступа к архивам и «другим источникам информации» в библиотеках (имелись в виду «спецхраны»), о проведении научных дискуссий и т. д.¹ Поставленные задачи по своей сути были аналогичны тем, которые выдвигались чехословацкими историками еще в 1960-е годы, но не были реализованы в связи с подавлением Пражской весны.

29 июня 1989 г. радиостанция «Свободная Европа» передала адресованное чехословацким властям воззвание «Несколько фраз», ставшее символом гражданского неповиновения в ЧССР. Власти объявили его «манифестом контрреволюции» и дали указание собирать подписи под петицией, осуждавшей воззвание. Но, как отмечал в аналитической записке (август 1989 г.) заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС В.В. Загладин, «дело шло туго; по существу никто из видных, широко известных стране деятелей науки и культуры» поставить свои подписи под ней не захотел, в то время, как манифест к ноябрю 1989 г. подписало 40 тыс. человек. Летом 1989 г. чехословацкой оппозицией, стремившейся не только к взаимодействию, но к организационному единству, предпринимались и другие совместные акции. В частности, было принято обращение к главам правительств и парламентам пяти стран Варшавского договора с призывом официально дистанцироваться от военной интервенции в августе 1968 г.

Вышеуказанная аналитическая записка Загладина, подготовленная для политбюро ЦК КПСС, содержала много интересных наблюдений о ситуации в ЧССР, настроениях её граждан, деятельности оппозиции, взглядах представителей партийно-государственных структур². Поэтому остановлюсь на ней подробнее. Автор сообщал о «широко распространенных среди простых людей (и высказываемых вслух) настроениях разочарования, неуверенности», о проявлявшемся в среде интеллигенции «чувстве безысходности, отсутствия перспективы». Загладин сравнивал обстановку в стране примерно с той, которая существовала там в 1966–1967 гг. и которую он хорошо помнил. Ситуацию в ЧССР, как писал Загладин, «собеседники (вне зависимости от их положения) характеризуют

¹ Rudé právo. 1989. 6. III.

² Документ, обнаруженный Э.Г. Задорожнюк, достаточно подробно описан ею в: Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. Кн. 2. С. 249–254.

как “предкризисную”, а некоторые — как “скрытый (замаскированный) кризис”». Близкий к В. Биляку М. Штефаняк, утверждая, что «социализм мы разваливать не собираемся», говорил о «нарастающих трудностях». По словам собеседников Загладина, перемены, которые произошли после замены Г. Гусака М. Якешем, «носили во многом формальный или чисто словесный характер», «под аккомпанемент общих разговоров о демократизации участилось применение жестких административных мер против оппозиции и шире — всех несогласных», «предпринимавшиеся поначалу попытки начать диалог с интеллигенцией и молодежью иссякли», «экономическая реформа идет медленно и ощутимых результатов, в особенности для рабочего класса, не приносит», возникают «разочарование, апатия, рост недоверия к руководству КПЧ», «учащаются случаи выхода из партии, прежде всего. рабочих и молодежи».

Загладин подтвердил наличие полярных течений в руководстве КПЧ. По словам его собеседников, «большинство нынешнего руководства категорически против любых корректив в отношении прошлого. Психологически это можно понять: ведь если такие коррективы вводить, то многим придется уходить». Поэтому консервативное большинство пражского режима «стремилось любыми путями» сохранить в ЧССР «статус-кво». По словам Загладина, «получается так, что представители “самых здоровых сил” 1968 г. занимают сейчас наиболее консервативные, а в чем-то и антисоветские позиции». Говоря об экономических проблемах, собеседники Загладина не скрывали своих сомнений в будущем, а некоторые — прямого пессимизма.

Анализировал Загладин и отношение к перестроечным процессам в СССР, выделив несколько направлений. «Что касается руководства, — утверждал он, — то отношение к перестройке в целом, как можно судить по словам товарищей, по существу отрицательное. Но прямо, вслух, тем более в беседах с советскими людьми, об этом не говорится. Мои собеседники, в том числе некоторые рядовые сотрудники партийного аппарата, включая работников ЦК, с осуждением говорили о двойственности или даже тройственности суждений в отношении перестройки со стороны руководства:

— нам напрямую говорят о поддержке перестройки; в последнее время высказывают и озабоченность в связи со встречающимися трудностями и негативными процессами;

— в своем кругу считают наши действия отходом от марксизма и принципов социализма;

— публично в самой Чехословакии общие фразы в речах и в печати в поддержку перестройки сопровождаются всё более частой и открытой, хотя и анонимной, критикой наших идей... В печати активно воспроизводятся любые сообщения о наших трудностях и негативных явлениях, тогда как позитивного материала крайне мало».

Вместе с тем, «на другом уровне — рядовые граждане, ученые, журналисты — в большинстве своем (хотя люди и обеспокоены негативными явлениями, просят разъяснения) искренне и с глубоким сочувствием относятся к перестройке, по-прежнему связывают свои надежды на лучшее будущее с её успехами. Нередко можно слышать: “Если у вас перестройка сорвется и нам конец”. Правда, в определенной части общества, которую можно назвать мещанской (работники торговли, сферы обслуживания) отношение к нам скептическое, часто недружелюбное, даже враждебное». Закljučая свой аналитический обзор, Загладин писал: «Конечно, имеющиеся трудности не следует преувеличивать; руководство партии и государства пока держит ситуацию в руках, возможности для решения существующих проблем есть. Но вопрос в том, чтобы не опоздать с таким решением». Таковы были обстановка и настроения в Чехословакии к моменту очередного заседания Комиссии историков СССР и ЧССР.

Не менее сложной, а может, в чем-то и более драматичной, являлась ситуация в СССР. Результаты перестройки оставляли желать лучшего. Усилилось противостояние в стране и партии консерваторов и «ястребов». Экономика переживала не лучшие времена, обострилось продовольственное положение, полки магазинов пустовали, понизился жизненный уровень населения. Как слева, так и справа усилилась критика политической линии КПСС и Горбачева как её главы. Все это сказалось на прошедших в марте 1989 г. выборах в советы народных депутатов. Избиратели зачастую отказывали в доверии представителям партии и госаппарата. Впереди тут шли Москва и Ленинград. В Ленинграде, например, депутатом не был избран ни один партийный и советский руководитель города и области, ни один член бюро обкома КПСС, включая первого секретаря, и даже командующий военным округом. В Москве, как пишет Горбачев, Ельцин получил 90% голосов избирателей. Избирательная кампания показала, что идет борьба за власть. В политбюро, по словам Горбачева, итоги выборов оценивались по-разному: «Уже определились в составе тогдашнего руководства левое и

правое крыло, хотя до прямой полемики и открытого разрыва еще не дошло. Одни видят в выборах победу демократии, другие — поражение партии. У первых преобладает стремление двигать реформы вперед, у других все сильнее дает о себе знать ностальгия по прежним порядкам. Для одних критические выступления прессы — нормальное проявление гласности и повод для размышлений о допускаемых ошибках, для других — нетерпимое своеволие, клеветническая кампания антипартийных, антисоветских элементов». Выступая на политбюро с заключительным словом, Горбачев сказал: «Выборы показали, что перестройка нуждается в защите. Но защитить перестройку можно лишь её углублением и развитием. Главное сейчас — практическое дело»¹.

Выборы продемонстрировали новые реальности: КПСС отстает от жизни, а партийная номенклатура становится тормозом реформ. Еще яснее и четче это показал ход 1-го Съезда народных депутатов, который состоялся 25 мая — 9 июня 1989 г. и проходил в Кремлевском дворце съездов. Сцену, как и всегда, украшало огромным панно с портретом Ленина. Но в остальном отличия от всех предыдущих съездов были разительны. И главное — его заседания транслировались в прямом эфире по телевидению, и наблюдать за ходом съезда и выступлениями делегатов могла не только наша страна, но весь мир. Вспоминаю, как не только я, но и многие из моих коллег и знакомых часами просиживали у экранов телевизоров, соглашаясь или споря с выступавшими, «болея» и переживая за «своих» депутатов и негодуя, когда выступали «противники». Не знаю, было ли это интересно всем советским людям (думаю, скорее, нет, чем да), но полагаю, возможно, преувеличивая, что жителей Москвы и Ленинграда всё это очень волновало. Помню, как я негодовала, когда Горбачев прервал выступление А.Д. Сахарова, взявшего слово в самом начале съезда и предложившего от имени группы делегатов пересмотреть повестку дня съезда, переставив её пункты. А дело было вот в чем: в повестке дня со ссылкой на многие существовавшие тогда законодательные акты, в том числе и на Конституцию СССР, стоял сначала пункт о выборах председателя Верховного Совета, а потом уже его отчет. Никто не сомневался, что единственным кандидатом на этот пост является М.С. Горбачев (он был председателем президиума Верховного Совета СССР с 1 ноября 1988 г.). Но, как заявил Сахаров, — и с моей точки зрения он был совершенно

¹ Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Кн. 1. Глава 14. Политическая реформа (www.gorby.ru/gorbachev/zhizn_i_reforvy1/page_16/)

прав — демократические порядки требуют сначала заслушать отчет председателя, обсудить его, а потом уж выбирать нового главу Верховного Совета СССР. Его поддержал ряд делегатов, но поправка не была принята.

Запомнились мне и выступления некоторых других делегатов, в частности, Б.Н. Ельцина. Оно было резко критическим с точки зрения оценки результатов перестроечного процесса и роли в этом партии: «Перестройка, как и всякая революция сверху, по мере своего развития и углубления захватывает интересы всех слоев общества. Но едва ли не самым существенным образом она затрагивает интересы самого аппарата как системы власти. Отсюда — нерешительность и половинчатость в принятии решений, топтание на месте перед каждым шагом вперед, колебания то вправо, то влево, а то и шаги назад. Отсюда усложненные, противоестественные, порой даже уродливые решения, обросшие инструкциями. Примеров тому немало. Громоздкая система власти выгодна только аппарату». Намеченная программа и обещания, данные за четыре года перестройки, не выполнены. Люди стали жить хуже, заявил Ельцин¹. И я тогда поддерживала подобные настроения, верила, что он искренен в своих суждениях. Возможно, так и было. Но, если бы я тогда могла заглянуть в 1990-е годы, когда Ельцин, находясь на вершине политического Олимпа, вверг в отчаяние и нищету большинство населения страны и поставил у власти кучку обогатившихся за счет народа людей и «революционную» молодежь, взявшую курс на оголтелое внедрение либеральных ценностей Запада, то я бы, наверное, выступила за пересмотр результатов выборов марта 1989 г. и уж точно отозвала бы свой голос, отданный за Ельцина.

Запомнилось мне и выступление писателя В.Г. Распутина, очень яркое, эмоционально окрашенное и резко отличавшееся от ельцинского по оценкам. «Перестройка сейчас вступила в такую стадию общественного развития и поднялась на ту вершину, где обитают ястребы, которые пытаются стать монопольно её хозяевами. А всякого, кто не согласен с ними, объявляют врагами перестройки... Самое употребительное выражение на съезде — антиперестроечные силы. Мы слышим, что если перестройка — это революция, то должна быть и контрреволюция. С контрреволюцией, как сами понимаете, разговор бывает особый, без всякого плюрализма. Когда

¹ См. выступление Б.Н. Ельцина на: www.agitclub.ru/vybory/gor89/sten/vyst03.htm

ястребы придут к власти, они постараются создать и государственную систему подавления контрреволюции...»¹. Сейчас я бы поаплодировала многому из того, о чем говорил В.Г. Распутин. Но тогда все же мои симпатии были на стороне Ельцина, которого забаллотировали при выборах в Верховный Совет СССР, и я аплодировала делегату от Омска юристу А. Казаннику, который отдал свой мандат Ельцину. Горбачев был избран на съезде председателем Верховного Совета СССР. За него проголосовало 95,6% делегатов.

В последний день съезда группа критически настроенных делегатов сформировала так наз. Межрегиональную депутатскую группу (МДГ), которая выступала за быстрое и радикальное реформирование советского общества. Её сопредседателями стали А.Д. Сахаров, Б.Н. Ельцин, Ю.Н. Афанасьев (историк), Г.Х. Попов (экономист), В. Пальм. Это была по сути первая советская легальная парламентская оппозиция. Первая конференция МДГ 29—30 июля 1989 г. приняла «Тезисы к программе практической деятельности по углублению и реализации перестройки». Впоследствии Г.Х. Попов вспоминал: «Когда обнаружилось, что общих идей и программ у оппозиции нет, Сахаров предложил самую плодотворную идею. Не искать то, что нас позитивно объединяет. На это годы уходят... Выделить только то, что нас объединяет в отрицании. Все мы против власти КПСС. Вот такую объединительную идею мы и выдвинули. Нет шестой статье Конституции. На этой базе и объединили всех — монархистов, анархистов, левых коммунистов, социал-демократов...Объединение всех в “Демократической России” — в единый блок»². Не могу не назвать часть членов МДГ, чьи имена в 1989 и последующие годы были да и сейчас у многих на слуху: С.С. Аверинцев, А.М. Адамович (Белоруссия, писатель), А.А. Акаев (Киргизия), В.И. Алкснис (вышел осенью 1989 г.), Ж.И. Алферов (ныне академик РАН, вице-президент РАН, лауреат Нобелевской премии), В.Г. Ардзинба (Абхазия, до 1990 г.), Ю.Н. Афанасьев (историк), Ю.Ю. Болдырев (Ленинград), П.Г. Бунич (экономист), Г.Э. Бурбулис (Свердловск, ближайший советник Ельцина), В.В. Быков (Белоруссия, писатель), Ю.П. Власов (спортсмен, тяжелоатлет), Т.Х. Гдлян (юрист), Б.Н. Ельцин, А.И. Казанник (Омск, юрист), Ю.Ф. Карякин (литературовед, прозаик, публицист), В.А. Коротич (журналист, публицист, главный

¹ См. выступление В.Г. Распутина на: www.agitclub.ru/vybory/gor89/sten/vyst14.htm

² ru.wikipedia.org/wiki/Межрегиональная_депутатская_группа

редактор журнала «Огонек»), Э.А. Памфилова (до декабря 1989 г.), М.Н. Полторанин (журналист, главный редактор «Московской правды»), К. Прунскене (Литва), А.Д. Сахаров (физик, академик АН СССР, умер 14 декабря 1989 г., когда проходил 2-й Съезд народных депутатов СССР), А.А. Собчак (юрист, зав кафедрой ЛГУ), С.Б.Станкевич (историк, Институт всеобщей истории АН СССР), Г.В. Старовойтова, Н.В. Федоров (Чувашия), Ю.Д. Черниченко (журналист), С.С. Шушкевич (Белоруссия), Р.К. Щедрин (композитор), Ю.П. Щекочихин (журналист).

Второй конгресс МГД состоялся 23–24 сентября 1989 г. в Москве. На нем была принята платформа группы, которая включала требования: отмена 6-й статьи Конституции о руководящей роли КПСС; демократизация избирательной системы; принятие демократического закона о печати; принятие законов о земле и собственности; подготовка нового союзного договора. Существенное ухудшение экономического положения в стране привело к тому, что лидеры МГД, и прежде всего Б.Н. Ельцин, стремительно набирали популярность.

Появились и другие общественно-политические движения. Например, в июле 1989 г. в Ленинграде возникла организация под названием «Объединение фронта трудящихся СССР». Основной своей задачей учредители «фронта» считали борьбу за улучшение жизни народа, последовательное утверждение социального равенства и необходимой для этого перестройки советского общества. Они выступали против рыночных реформ и частной собственности, против очернения истории, за укрепление дружбы между народами на основе пролетарского интернационализма и советского патриотизма, обеспечение фактического равенства и расцвета всех наций и народностей СССР, поддержку высокой боеготовности вооруженных сил страны, развитие советской социалистической демократии, всеобщее участие трудящихся в управлении¹. В это время возникало также много других объединений и движений с самыми разнообразными, часто эклектичными, программами и требованиями. Некоторые из них были однодневками, другие существовали дольше и даже превращались в более или менее популярные партии. Вся эта кипящая общественно-политическая жизнь выплескивалась на страницы газет и журналов, на экраны телевизоров, в радиоэфир. За всем этим с огромным интересом и волнени-

¹ ru.wikipedia.org/wiki/Платформы_в_КПСС

ем следили советские граждане и, конечно же, историки, особенно занимающиеся новой и новейшей проблематикой. В Чехословакии, думаю, было также немало тех, в том числе и среди рядовых граждан, кто следил за развитием событий в Советском Союзе. И та, и другая страна стояли на пороге судьбоносных событий.

Именно в это время и состоялось двадцатое, последнее заседание Комиссии историков СССР и ЧССР. Оно прошло в Москве 18—23 сентября 1989 г. Через два месяца, в ноябре в Чехословакии произошла «бархатная революция», которая и положила конец деятельности Комиссии.

Главой советской части Комиссии в это время стал академик Григорий Николаевич Севостьянов (1916—2013 гг.), историк-американист по специальности, главный редактор журнала «Новая и новейшая история». Как и намечалось, на научной конференции рассматривалась тема «Историческая наука и её роль в обновлении социализма». К сожалению, у меня не сохранилось отчета о заседании, но остались его программа и записи о выступлении некоторых докладчиков. На них и буду опираться. Академик-секретарь Отделения истории АН СССР И.Д. Ковальченко, открывая заседание, говорил о наступлении нового этапа в сотрудничестве советских историков с историками зарубежных, и прежде всего социалистических, стран, которое должно подняться на новый уровень: подготовка совместных трудов, коллективных монографий и сборников статей по важным проблемам исторической науки. Г.Н. Севостьянов в приветственном слове развил эту мысль, остановившись на проблемах, которые тогда находились в поле зрения советских историков. В.К. Волков, директор нашего Института, коснувшись вопроса о взаимоотношении политики и науки, обозначил свою позицию так: если уж без политики в исторической науке не обойтись, то она не должна быть служанкой, её дело — давать материал для постановки политических проблем.

С докладом «Основные проблемы изучения истории советского общества в условиях перестройки» выступил В.П. Дмитренко (Институт истории СССР АН СССР). Подчеркнув, что идет переосмысление опыта всего социалистического строительства, он обозначил конкретные направления исследовательской и теоретической работы историков советского общества — история Октябрьской революции, гражданской войны, НЭПа, индустриализации, коллективизации. Докладчик критически отнесся к появившейся

в начале 1970-х годов формуле: Россия начала XX века как модель мира. В формулировке Великая Октябрьская социалистическая революция, по его мнению, акцент делался на «социалистическая», а надо — на «великая». Тогда она предстает как единство разных революционных потоков, которые изучались недостаточно. Октябрь перекрыл каналы возможного развития страны по демократическому пути. Искусственное выделение социалистических структур крайне обедняет наши представления о совокупности тех задач, которые должны были решаться в России после Октября. Дмитренко поставил вопрос о стадиальности переходного периода с переменным содержанием социалистических и общедемократических задач. Вызывает возражение, с его точки зрения, рассмотрение военного коммунизма как первой модели приступа к социалистическому строительству, так как при такой постановке снимается вся сложность начального этапа перехода от капитализма к социализму: многие акции были порождены обострением социально-экономических отношений в этот период. Он указал и на вредность упрощенных схем в истории НЭПа: в публицистике и многих работах остается в тени другая её сторона — обострение социально-экономических противоречий. По докладу возникло много вопросов. На один из них, не считает ли докладчик порочной существующую формулировку о советской общности, он ответил: это дежурное, на потребу дня, определение, оно с самого начала надело на нас шоры, стало тормозом на пути разработки межнациональных отношений.

Очень интересным и вызвавшим много вопросов был и доклад М. Барновского (ЧССР) «Историческая наука и перестройка». Поставив вопрос, каков вклад исторической науки в перестройку, он сам же и ответил на него: нам на этот вопрос трудно ответить. Остановившись на этапах развития исторической науки в Чехословакии, он подчеркнул плодотворность историографии 1960-х годов. Барновский, хотя и не был «отлучен» от истории, сам пострадал от чисток 1970-х годов. Вместе с тем, он не считал, что эти годы были лишь периодом застоя: существовали некоторые области (например, археология, региональная историография), в которых были достигнуты существенные успехи. Накапливались знания, которые диктовали новые подходы, новые оценки. Барновский отметил отличия между советским и чехословацким обществом в подходе к вопросам перестройки: в Чехословакии к ним подходят более осторожно; в СССР историческая наука — часть пере-

стройки, в ЧССР — пока нет. Требования оппозиции пересмотреть оценки 1968 года и развития страны после 1948 г., по его словам, носят политическую окраску и не приобрели массовый характер. Некоторые негативные моменты перестройки в СССР, Венгрии, Польше обыгрываются консерваторами и «работают» не на пользу перестройке. История — чистая, без политики, без идеологии, по мнению Барновского, это фикция. Но методы политики не должны быть навязываемы науке, поскольку компромиссы в политике возможны, а в науке нет. В оценке истории социализма следует избавиться от ряда аксиом. От классовых критериев не следует отказываться, но они должны сочетаться с общечеловеческими, общедемократическими. Докладчик обозначил и проблемы, которые, по его мнению, должны быть подвергнуты дополнительному комплексному рассмотрению: Коминтерн и КПЧ, история других чехословацких политических партий, вопрос о специфическом пути к социализму после Второй мировой войны. Он назвал и ключевые для изучения истории социализма в ЧССР периоды: конец 1940-х — начало 1950-х годов; конец 1950-х — начало 1960-х годов; кризисные года 1968 и 1969; 1969—1971 гг. — период консолидации. Главным критерием оценок должно являться то, как справились классы, партии, отдельные деятели с задачами своего времени, а не то, как они должны были решаться с точки зрения наших сегодняшних представлений об этом. На вопрос о том, какие периоды чехословацкой истории сейчас вызывают наибольший интерес в обществе, Барновский ответил: 1918 г. и 1968 г.

И.И. Орлик (СССР) остановился на актуальных проблемах советско-чехословацкого сотрудничества в области обществоведения, которыми, по его мнению, являются новая, подлинная модель социализма и история становления социалистического содружества. Советская модель социализма была навязана социалистическим странам, и Советский Союз ответственен за те деформации, которые имели место в этих странах, но надо иметь в виду, что другой модели не было. Оценивая меру ответственности СССР, нельзя говорить, что не было «своих» носителей этих идей. К оценке роли Советского Союза надо подходить комплексно, показывая и то, что было позитивного. По мнению Орлика, надо изучать, прежде всего, то, что сближало наши народы, а не разъединяло их. Но вместе с тем, наука не должна уходить от рассмотрения острых конфликтов, противоречий между социалистическими странами. Со стороны присутствовавших было высказано несогласие с утверждением

о существовании единственной, советской, модели социализма, поскольку уже была известна и теория, и практика народной демократии. Барновский встал на сторону докладчика, сказав, что советская модель являлась единственной, поскольку народная демократия рассматривалась лишь как путь к установлению советской модели.

На вопросы народной демократии обратили внимание и авторы коллективного доклада (Г.П. Мурашко, А.Ф. Носкова, М.Н. Кузьмин) «Поиски новых подходов в изучении строительства социализма (на опыте стран Центральной и Юго-Восточной Европы)». Народная демократия рассматривалась ими как столкновение различных альтернатив общественного развития. Среди факторов, обеспечивших поворот указанных стран к революционно-демократической альтернативе, докладчики назвали совпадение в тот период классовых интересов рабочего класса с общенациональными интересами. Деятельность Коминформа, по мнению докладчиков, опиралась на сильные сектантско-догматические течения внутри компартий. При рассмотрении общественно-политических кризисов в странах региона, как правило, делался акцент на контрреволюционных тенденциях, а они не были единственными. Кризисы должны изучаться как многомерное явление.

Л. Слезак (ЧССР) в своем докладе затронул вопрос о том, какой план социалистического преобразования деревни был реализован в Чехословакии: «ленинский кооперативный план» или план в его сталинской интерпретации? Хотя начало было многообещающим, но затем, особенно в начальный период кооперирования, использовались методы советской коллективизации. В докладе Н.П. Калмыкова рассматривались дискуссионные проблемы в изучении всеобщей истории. Он обратил внимание на такие общие вопросы, как процесс взаимопроникновения наук, разработка категориально-понятийного аппарата, суть терминов «неоконсерватизм» и «неолиберализм», разграничение реальных и мнимых альтернатив, общечеловеческий и классовый подход в изучении исторических явлений, сочетание этих подходов и т. д. Докладчик привел примеры споров между историками по конкретным проблемам всеобщей истории. В.К. Волков затронул некоторые вопросы изучения истории социалистического содружества. Подчеркнув, что мир социализма находится в кризисном состоянии, он остановился на значении советско-югославского конфликта в становлении отношений между соцстранами. Прямое или косвенное применение вооружен-

ной силы между странами социализма, по его словам, недопустимо. В качестве примера он привел вторжение в Чехословакию армий стран Варшавского договора в августе 1968 г. Ю.С. Новопашин коснулся теории и практики принципа национального самоопределения при социализме, отметив, что централизаторско-бюрократическая тенденция является одной из главных причин неудовлетворительного состояния дел в решении национального вопроса в СССР. Как в ходе научной конференции, так и по её завершении развернулась широкая дискуссия.

«Круглый стол» был посвящен проблеме «СССР и Чехословакия в годы Второй мировой войны». Выступавшие касались следующих вопросов: отношение СССР к нацистской оккупации Чешских земель в марте 1939 г. (Э. Ворачек); Закарпатская Украина и гитлеровская Германия в 1938—1939 гг. (Ч. Аморт); отклики на начало Второй мировой войны в Чешских землях (Я. Гебхарт, М. Кукликова); советско-германский пакт о ненападении 23 августа 1939 г. и его отражение в чешском общественном мнении (В.В. Марьина); антифашистское движение Сопротивления в Чешских землях (М. Боучек); лозунг «За Советскую Словакию» и его генезис (И. Каменец); советское генконсульство в Праге и советское посольство в Словакии в 1939—1941 гг. (И.И. Поп); советско-чехословацкий договор 1943 г. (В. Копейтко); становление советско-чехословацкого сотрудничества в годы Второй мировой войны и позиции западных держав (И.И. Орлик). В ходе «Круглого стола» прозвучало немало вопросов по поводу позиций выступавших, и сразу же разворачивалась дискуссия.

На пленарном заседании Комиссии была заслушана информация К.Германа (ЧССР) о чехословацкой историографии по всеобщей истории и подготовке к конгрессу исторических наук.

Подводя итоги заседания, Г.Н. Севостьянов подчеркнул несколько моментов. В качестве положительного результата научной конференции он отметил широко развернувшуюся дискуссию по многим из затронутых в докладах вопросам, появление разных оценок и подходов к обсуждавшимся проблемам, хотя, по его мнению, и наличие некоторых незрелых идей. В связи с этим он обратил внимание на необходимость глубокого изучения источников, их научного и теоретического осмысления. Часто, по его словам, документ берется вне контекста исторических событий, и делается на основе этого обобщающий вывод. Нужно не только выявлять новые факты и описывать их, но стараться обнаружить закономер-

ности, тенденции развития. Г.Н. Севостьянов призвал бережно и внимательно относиться к истории прежних поколений, выявляя преемственность между ними и разными эпохами. Он предложил и тему следующего заседания Комиссии: «История связей народов СССР и Чехословакии (научные, культурные, экономические, политические, государственные)». Заседание, которое планировалось провести в Чехословакии в 1990 г., так и не состоялось.

События в Чехословакии и СССР в начале 1990-х годов, приведшие к распаду обеих стран, положили конец деятельности советско-чехословацкой комиссии историков. Невзирая на различия во внутривнутриполитическом положении наших стран на разных этапах их развития, на несходство взглядов и оценок по отдельным вопросам, Комиссия содействовала обмену научными взглядами между историками, налаживанию контактов между ними, ознакомлению с историческими и культурными памятниками той и другой страны, завязыванию личных связей и отношений, помогала, насколько это было возможно, понять друг друга.

В 1995 г. начала действовать Комиссия историков РФ и ЧР. Председателем её советской части стал Г.Н. Севостьянов, ученым секретарем — Э.Г. Задорожнюк. Чешскую часть Комиссии возглавил прекрасный историк, пострадавший в период «чисток» исторической науки в начале 1970-х годов, Франтишек Яначек, вскоре ушедший из жизни. На этом посту его заменил В. Пречан. Комиссия историков РФ и СР образовалась только в 2000 г. Её председателем с советской стороны стал чл.-корр. РАН (позже академик) В.А. Тишков. Для налаживания работы Комиссии много сделала ученый секретарь советской её части, рано ушедшая из жизни М.Ю. Досталь. Словацкую часть Комиссии возглавил ныне покойный Михал Барновский (1937—2008 гг.)

ПРИЛОЖЕНИЕ

ИЗБРАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Док. 1

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ о I заседании Комиссии историков СССР и ЧССР

24—29 мая 1967 года состоялось первое заседание Комиссии историков СССР и ЧССР.

Советскую часть комиссии на заседании представляли:

- Поспелов П.Н. — академик, председатель советской части комиссии
- Самсонов А.М. — член-корреспондент АН СССР, заместитель председателя советской части комиссии
- Резонов П.И. — кандидат исторических наук, секретарь советской части комиссии
- Белов Г.А. — кандидат исторических наук
- Недорезов А.И. — доктор исторических наук
- Поляков Ю.А. — член-корреспондент АН СССР
- Шмераль Я. Б. — кандидат исторических наук

Чехословацкую часть комиссии на заседании представляли:

- Мацек Й. — академик, председатель чехословацкой части комиссии
- Рейман П. — член-корреспондент ЧСАН, заместитель председателя чехословацкой части комиссии
- Сладек З. — кандидат исторических наук, секретарь чехословацкой части комиссии
- Граца Б. — кандидат исторических наук
- Гохштайгер Т. — кандидат исторических наук
- Голотик Л. — член-корреспондент ЧСАН
- Грозиенчик Й. — кандидат исторических наук
- Яначек Фр. — кандидат исторических наук
- Янечек О. — кандидат исторических наук
- Кладива Я. — доктор исторических наук
- Крал В. — доктор исторических наук
- Сладек Й. — кандидат исторических наук

Заседание комиссии началось 24 мая 1967 года в 11 часов, на официальном открытии в качестве гостей присутствовали с чехословацкой стороны:

- В. Коуцкий — секретарь ЦК КПЧ
проф. др. И.С. Гаек — министр школ СССР
З. Фирлингер — председатель ЦК СЧСД*
инж. Й. Гавлин — заведующий отделом школ и науки ЦК КПЧ
Й. Шимек — заместитель заведующего идеологическим отделом ЦК КПЧ
др. П. Олива — член-корреспондент ЧСАН, председатель научной коллегии по вопросам истории
др. А. Шнейдарек — директор Института международной политики и экономики
Й. Четвртчка — работник ЦК КПЧ

с советской стороны:

- С.В. Червоненко — Чрезвычайный и Полномочный посол СССР в ЧССР
И.И. Удальцов — советник-посланник Посольства СССР
С.И. Прасолов — советник Посольства СССР

Заседание открыл президент Чехословацкой Академии наук академик Фр. Шорм.

Академик Й. Мацек от имени чехословацкой части комиссии и академик П.Н. Поспелов от имени советской части комиссии в своих выступлениях подчеркнули значение сотрудничества советских и чехословацких историков в деле укрепления дружбы между народами обеих стран и высказали ряд соображений об основных задачах, стоящих перед комиссией. Рабочие заседания комиссии прошли 24 и 25 мая 1967 года.

Комиссия обсудила и приняла «Положение о Комиссии историков СССР и ЧССР», в котором сформулированы главные задачи и основное содержание её деятельности. Русский и чешский тексты Положения являются аутентичными.

Комиссия заслушала и обсудила сообщение о выполнении соглашения делегаций президиума АН СССР и ЧСАН о сотрудничестве от 14 июня 1966 г. в области исторической науки, подчеркнув при этом желательность дальнейшего расширения научных командировок для историков обеих стран в 1968 году. В связи с этим обе части комиссии обратятся к руководству своих академий с просьбой увеличить объем научных командировок для историков в соответствии с Планом сотрудничества АН СССР и ЧСАН.

Комиссия наметила ряд мероприятий, призванных улучшать взаимную информацию о результатах научных исследований в области истории, расширить обмен научной литературой, создать более благоприятные условия для работы историков в архивах СССР и ЧССР, обеспечить регулярный обмен рекомендациями о переводе и издании исторической литературы.

Комиссия заслушала сообщения чехословацкой и советской стороны о подготовке к V Международному конгрессу славистов.

Комиссия заслушала информацию тов. В. Краля, директора Института истории европейских социалистических стран ЧСАН, об издании документов и сборников статей по истории советско-чехословацких отношений. Комиссия констатировала, что издание четырех томов документов (Советско-чехословацкие отношения в 1918—1945 гг.) совместно советскими и чехословацкими историками имеет большое научное и политическое значение.

Обе части комиссии обменялись мнениями о повестке дня своего очередного заседания, которое состоится в Москве в мае 1968 г. Члены комиссии внесли ряд предложений о научных проблемах, которые было бы целесообразно обсудить на будущих сессиях.

Члены комиссии историков СССР и ЧССР приняли участие в общегосударственном научном симпозиуме, посвященном 50-летию Октябрьской социалистической революции, который состоялся 25 и 26 мая 1967 года в Либлице.

Работа комиссии проходила в обстановке дружбы и взаимопонимания.

Все члены комиссии выразили уверенность в том, что её деятельность поможет дальнейшему расширению контактов и сотрудничества советских и чехословацких историков, которое будет способствовать укреплению дружбы народов СССР и ЧССР.

Заключительный протокол утвержден и подписан на заседании комиссии 29 мая 1967 года в Праге.

Прага, 29 мая 1967 года.

Председатель
советской части
(академик П.Н. Поспелов)
подпись

Председатель чехословацкой
части комиссии
(академик Й. Мацек)
подпись

Приложен аутентичный экземпляр на чешском языке

*СЧСД — Союз чехословацко-советской дружбы

Личный архив автора

Док. 2

Принято на заседании Комиссии историков СССР и ЧССР в Праге
26 мая 1967 года

ПОЛОЖЕНИЕ о комиссии историков СССР и ЧССР

1. Комиссия историков СССР и ЧССР формируется на паритетных началах Академией наук СССР и Чехословацкой Академией наук. Каждая сторона, советская и чехословацкая, имеет своего председателя, заместителя председателя, секретаря и членов комиссии. Персональный состав комиссии утверждается: советской части — Президиумом АН СССР, чехословацкой — Президиумом ЧСАН.

2. Комиссия ставит своей задачей: способствовать координации деятельности советских и чехословацких историков; намечать наиболее важные направления исследовательской работы в области исторической науки, по которым было бы целесообразно планировать работу комиссии и выдвигать предложения для соответствующих научных органов и учреждений СССР и ЧССР по организации совместных или координируемых исследований по этим направлениям; высказывать свои пожелания к плану научного сотрудничества СССР и ЧССР по исторической проблематике; организовывать на своих заседаниях, с привлечением в случае необходимости соответствующих специалистов, обсуждение важнейших в научном и теоретическом отношении проблем, докладов, сообщений по вопросам развития исторической науки в СССР и ЧССР; предлагать темы для обсуждения на совместных советско-чехословацких симпозиумах, конференциях и других научных совещаниях по вопросам истории; содействовать координации работы советских и чехословацких историков в связи с международными встречами, конгрессами, конференциями и т.д.; оказывать взаимную помощь советским и чехословацким историкам в получении архивных материалов и научной литературы; содействовать регулярному обмену взаимной научной информацией о состоявшихся в странах научных конференциях и совещаниях и о важнейших результатах исследовательской работы.

3. Комиссия проводит ежегодно совместные заседания, в том числе и расширенные, поочередно в СССР и ЧССР по плану работы комиссии и в соответствии с планами научного сотрудничества

АН СССР и ЧСАН. Место заседания комиссии рекомендует страна, в которой проводится очередное заседание.

Предметом обсуждения на очередных заседаниях комиссии могут стать теоретические и методологические вопросы по важнейшим проблемам исторической науки, а также доклады и сообщения о наиболее важных результатах и планах исследований по исторической проблематике.

План проведения заседаний комиссии согласовывается предварительно между обеими её частями. Для этого могут быть созданы (по мере надобности) подготовительные заседания в узком составе (председатели, заместители председателей, секретари, а также уполномоченные каждой частью комиссии лица).

4. В целях создания более благоприятных условий для работы советских и чехословацких ученых над источниками и архивными материалами комиссия высказывает свои соображения и рекомендации о желательности издания совместных публикаций документов и взаимном обмене микрофильмами, фотокопиями из советских и чехословацких архивохранилищ в соответствии с правилами, существующими в каждой стране. Комиссия обменивается мнениями и выражает свои пожелания о переводе и издании советской и чехословацкой исторической литературы и источников.

Комиссия ежегодно вносит свои предложения к плану научного сотрудничества между АН СССР и ЧСАН по разделу, связанному с развитием исторических исследований в обеих странах.

Приложен аутентичный экземпляр на чешском языке.

Личный архив автора

Док. 3

ПРЕЗИДИУМ АКАДЕМИИ НАУК СССР

РАСПОРЯЖЕНИЕ

26.06.81
г. Москва

№ 10106—1082

О составе советской части Комиссии историков СССР и ЧССР*

1. Утвердить советскую часть Комиссии историков СССР и ЧССР в следующем составе:

1. Тронько П.Т. — академик АН Украинской ССР, председатель
2. Самсонов А.М. — член-корреспондент АН СССР, заместитель председателя
3. Недорезов А.И. — доктор исторических наук, Институт славяноведения и балканистики АН СССР, заместитель председателя
4. Мельникова И.Н. — член-корреспондент АН Украинской ССР, заместитель председателя
5. Марьина В.В. — кандидат исторических наук. Институт славяноведения и балканистики АН СССР, ученый секретарь
6. Бабин А.И. — доктор исторических наук, Институт военной истории
7. Ваганов Ф.М. — доктор исторических наук, Главное архивное управление при Совете Министров СССР
8. Висков С.И. — доктор исторических наук, Институт всеобщей истории АН СССР
9. Волков И.М. — доктор исторических наук, Институт истории СССР АН СССР
10. Воробьева Е.Д. — кандидат исторических наук, Институт славяноведения и балканистики АН СССР
11. Галоян Г.А. — член-корреспондент АН Армянской ССР
12. Грацианская Н.Н. — кандидат исторических наук, Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР
13. Грошев И.И. — доктор исторических наук, Академия общественных наук при ЦК КПСС
14. Диков Н.Н. — член-корреспондент АН СССР
15. Игнатенко И.М. — академик АН Белорусской ССР
16. Каниметов А.К. — доктор исторических наук, Институт истории АН Киргизской ССР
17. Кизченко А.Ф. — доктор исторических наук, Киевский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
18. Клеванский А.Х. — доктор исторических наук, Институт славяноведения и балканистики АН СССР
19. Кузнецов Д.В. — кандидат исторических наук

20. Лаптева Л.П. — доктор исторических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
21. Марченко И.Е. — доктор исторических наук, Институт истории АН Белорусской ССР
22. Мыльников А.С. — доктор исторических наук, Институт этнографии им. НН. Миклухо-Маклая АН СССР
23. Поляков Ю.А. — член-корреспондент АН СССР
24. Тихвинский С.Л. — член-корреспондент АН СССР
25. Шмераль Я. Б. — кандидат исторических наук, Институт экономики мировой социалистической системы АН СССР

2. Считать утратившим силу распоряжение Президиума АН СССР от 30 июня 1972 г. № 23-908.

Вице-президент
Академии наук СССР
академик П.Н. Федосеев

Круглая печать: Президиум Академии Наук СССР. Секретариат.
Протокольный отдел

*В дальнейшем состав советской части комиссии уточнялся.

Личный архив автора

Док. 4

Состав чехословацкой части Комиссии историков СССР и ЧССР (1984 г.)

1. член-корреспондент ЧСАН И. Кремпа — заместитель директора ИМЛ ЦК КПЧ, председатель
2. д.и.н. Й. Грозиенчик — научный сотрудник Института исторических наук САН, заместитель председателя
3. к.и.н. О. Фельцман — научный сотрудник Института чехословацкой и всеобщей истории ЧСАН, ученый секретарь
4. д.и.н. Ч. Аморт — научный сотрудник Чехословацко-советского института ЧСАН
5. чл.-корр. ЧСАН Й. Бобок — филиал ВПШ ЦК КПЧ в Братиславе

6. чл.-корр. ЧСАН С. Цамбел — директор Института исторических наук САН
7. д.и.н. А. Долейши — директор Чехословацко-советского института ЧСАН
8. к.и.н. А. Фалтыс — зав. отделом ИМЛ ЦК КПЧ
9. чл.-корр. САН Б. Филова — директор Института этнографии САН
10. проф. Ф. Гейл — зав. кафедрой Брненского университета
11. чл.-корр. САН Б. Хроповский — директор Института археологии САН
12. чл.-корр. ЧСАН М. Кропилак — научный сотрудник Института исторических наук САН
13. д.и.н. Ю. Кржижек — зам. директора Института чехословацкой и всеобщей истории ЧСАН
14. д.и.н. К. Лацина — ученый секретарь ИМЛ ЦК КПЧ
15. к.и.н. Я. Липтак — полковник, Военно-исторический институт Чехословацкой народной армии
16. к.и.н. Я. Пиволуска — директор Центрального государственного архива в Братиславе
17. академик В. Плевза — директор ИМЛ ЦК КПС
18. академик Й. Поулик — директор Института археологии ЧСАН
19. генерал Л. Пржикрыл — начальник Высшей школы Корпуса гос. безопасности
20. академик Я. Пурш — директор Института чехословацкой и всеобщей истории ЧСАН
21. к.и.н. В. Сикора — начальник Главного архивного управления Министерства внутренних дел ЧССР

Личный архив автора

Док. 5

ПОЛОЖЕНИЕ

о советско-чехословацкой комиссии по сотрудничеству в области общественных наук

1. Советско-чехословацкая комиссия по сотрудничеству в области общественных наук создается на паритетных началах Академией наук СССР и Чехословацкой академией наук и состоит из советской и чехословацкой частей. Каждая часть имеет своего председателя, заместителей председателя, ученого секретаря и членов.

Персональный состав советской части Комиссии утверждается Президиумом АН СССР, чехословацкой части — Президиумом ЧСАН.

2. Комиссия создается с целью осуществления координации и дальнейшего повышения эффективности научного сотрудничества советских и чехословацких ученых в области общественных наук.

Комиссия:

— выявляет наиболее важные для обеих сторон направления и проблематику исследований, по которым целесообразно осуществлять сотрудничество;

— на основе предложений институтов подготавливает и обсуждает проекты планов научного сотрудничества гуманитарных научных учреждений СССР и ЧССР, контролирует ход их выполнения и вносит предложения об их изменении и дополнении;

— содействует организации сотрудничества советских и чехословацких обществоведов в разработке фундаментальных научных проблем социально-политической, экономической и духовной жизни СССР и ЧССР, советско-чехословацкого экономического, научного и идеологического сотрудничества; борьбы с буржуазной идеологией;

— обсуждает на заседаниях Комиссии доклады и сообщения по важнейшим методологическим, теоретическим проблемам общественных наук, обращая особое внимание на новые идеи и направления;

— содействует координации работы советских и чехословацких обществоведов в связи с проведением международных конгрессов, конференций и других международных мероприятий по общественным наукам;

— содействует регулярному обмену общественной научной литературой и информацией о результатах научно-исследовательских работ и научных мероприятий, проводимых советскими и чехословацкими обществоведами;

— вырабатывает предложения по переводу и изданию научных работ советских и чехословацких обществоведов, а также по обмену публикациями в периодической печати по проблемам общественных наук; выдвигает лучшие работы, выполненные учеными-обществоведами АН СССР и ЧСАН, в результате на конкурс по присуждению совместных премий обеих академий;

— содействует расширению и улучшению подготовки научных кадров.

3. Комиссия проводит свои заседания в соответствии с утвержденным ею планом работы, не реже одного раза в два года. Заседания проводятся поочередно в обеих странах в порядке, устанавливаемом председателями частей Комиссии. Место заседания определяет сторона, которая организует очередное заседание. Председательствуют на заседании поочередно председатели частей Комиссии.

Результаты совместного заседания заносятся в протокол, подписываемый двумя председателями. Протоколы заседаний Комиссии составляются на русском и чешском языках.

В период между заседаниями председатели обеих её частей при наличии взаимного согласия принимают в оперативном плане необходимые решения по неотложным вопросам. Эти решения вносятся в протокол на очередном заседании Комиссии.

4. Комиссия в целях выполнения своих задач создает секции по отдельным отраслям общественных наук, определяет задачи и состав секций (См. приложение № 1).

Каждая из частей Комиссии приглашает на заседания и привлекает к текущей работе необходимое число научных работников.

5. В случае необходимости Комиссия может внести изменения и дополнения в настоящее Положение.

Приложение № 1.

Секции советско-чехословацкой комиссии по сотрудничеству в области общественных наук

1. Комиссия историков СССР-ЧССР*
2. Секция философии, социологии и права
3. Секция экономических наук
4. Секция литературы, языка и искусствоведения
5. Секция психологии и педагогики

*Комиссия историков СССР—ЧССР приобретает право исторической секции Советско-чехословацкой комиссии по сотрудничеству в области общественных наук и осуществляет свою деятельность в соответствии с Положением о советско-чехословацкой комиссии по сотрудничеству в области общественных наук и собственным Положением, утвержденным в мае 1957 г.**

**Дата утверждения Положения о Комиссии историков СССР и ЧССР указана ошибочно: в действительности — май 1967 г.

Личный архив автора

Док. 6

ПРОГРАММА

Второй сессии Советско-чехословацкой комиссии по сотрудничеству в области общественных наук

8—10 октября 1986 г. Москва

7 октября (вторник)

- 20.15 Прибытие делегации ЧССР, рейс ОК 898 Шереметьево-2
Встреча делегации ЧССР и размещение в гостинице «Россия»

8 октября (среда)

- 10.00—11.50 Открытие II Сессии. Пленарное заседание.
«Сотрудничество обществоведов СССР и ЧССР в 1981—1985 гг. и задачи развития общественных наук в свете решений XXVII съезда КПСС и XVII съезда КПЧ».
Докладчики: председатели советской и чехословацкой частей
Комиссии: академик С.Л. Тихвинский, академик З. Снитил
Выступают: академик Марков Д.Ф.
чл.-корр. Дворжак И. (ЧССР)
чл.-корр. Ломов Б.Ф.
чл.-корр. Кремпа И. (ЧССР)
чл.-корр. Мшвениерадзе В.В.
- 11.50—12.15 Перерыв
- 12.15—13.30 Научная сессия на тему: «Ускорение социально-экономического развития — стратегический курс КПСС и КПЧ»
Доклад академика Аганбегяна А.Г. «Роль хозяйственного механизма в ускорении социально-экономического развития»
- 13.30—15.00 Перерыв

- 15.00—18.00 Вечернее пленарное заседание
Выступления советских и чехословацких общество-
ведов по проблемам ускорения социально-экономи-
ческого развития СССР и ЧССР
- 18.00 Товарищеский обед в ресторане «Прага»

9 октября (четверг)

- 10.00—11.30 Пленарное заседание.
Доклад академика Кудрявцева В.Н. «Углубление де-
мократии, развитие социалистического самоуправле-
ния народа»
Фиксированное выступление директора Института
государства и права ЧСАН Благоша Й.
- 11.50—13.20 Заседания секций
Экономическая секция:
продолжение обсуждения доклада академика Аган-
беяна А.Г.
Секция философии и права:
«Круглый стол» советских и чехословацких обще-
ствоведов по теме доклада академика Кудрявцева В.Н.
Секция истории, психологии и педагогики, литера-
туры и языка:
Обсуждение дополнений и уточнений к Проблемно-
тематическому плану сотрудничества научных уч-
реждений СССР и ЧССР на 1986—1990 гг.
- 15.00—18.00 Вечерние заседания секций
Продолжение обсуждения докладов академиков
Аганбеяна А.Г. и Кудрявцева В.Н.
- 19.00 Культурная программа

10 октября (пятница)

- 10.00—13.00 Продолжение работы секций
Посещение научных учреждений АН СССР
- 13.00—17.00 Перерыв
- 17.00 Утверждение Проблемно-тематического плана со-
трудничества АН СССР и ЧСАН на 1986—1990 гг.

Подписание совместного протокола Второй сессии Советско-чехословацкой комиссии по сотрудничеству в области общественных наук

18.00 Дружеская встреча в посольстве ЧССР

11 октября (суббота)

Отъезд делегации ЧССР

Личный архив автора

Док. 7

Состав делегации ЧССР на II Сессии Советско-чехословацкой комиссии по сотрудничеству в области общественных наук.

Снитил З.	вице-президент ЧСАН, директор ИМЛ ПРИ ЦК КПЧ
Цирбес В.	вице-президент САН
Благош Й.	директор Института государства и права ЧСАН
Кодым М.	директор Института психологии ЧСАН
Куповьянек Я.	д-р, зав. сектором Отдела науки ЦК КПЧ
Мигаш Й.	Отдел науки и вузов ЦК КПС
Окали И.	чл.-корр., директор Института экономики САН
Пецен Я.	проф., директор Института философии и социологии ЧСАН
Валента Ф.	чл.-корр., директор Института экономики ЧСАН
Винтрова Р.	зам. директора Института прогнозирования
Заглава Ф.	д.э.н., отв. секретарь Отделения общественных наук ЧСАН
Чич М.	чл.-корр., директор Института государства и права САН
Грзалова Г.	директор Института литературы ЧСАН
Бружек А.	проф., директор Высшей экономической школы
Дворжак И.	чл.-корр., ИМЛ при ЦК КПЧ
Габал А.	зам. директора ИМЛ при ЦК КПС
Коваржек	Кабинет прогнозов ЧСАН
Коларжик П.	ИМЛ при ЦК КПЧ
Крейчи И.	ученый секретарь ИМЛ при ЦК КПЧ

Кремпа И.	чл.-корр. ЧСАН, зам. директора ИМЛ при ЦК КПЧ
Нетопилек Я.	проректор ВПШ при ЦК КПЧ
Плевза В.	академик, директор ИМЛ при ЦК КПС
Шедивы З.	вице-президент Совета экономических исследований ЧССР

Личный архив автора

Док. 8

ПРОТОКОЛ

XVIII заседания Комиссии историков СССР и ЧССР (Ужгород, 28 сентября — 3 октября 1987 г.)

С 28 сентября по 3 октября 1987 г. в г. Ужгород состоялось XVIII заседание Комиссии историков СССР и ЧССР, на котором была обсуждена тема:

Великая Октябрьская социалистическая революция и её роль в мировой истории.

В заседании приняли участие:

чл.-корр. ЧСАН И. Кремпа — председатель чехословацкой части

Комиссии

академик Б. Хроповский

чл.-корр. ЧСАН С. Цамбел

д.и.н. Ч. Аморт

д.и.н. М. Боучек

д.и.н. А. Габаль

проф. Ф. Гейл

д.и.н. К. Герман

д.и.н. Ю. Кржижек

д.и.н. В. Пеша

проф. В. Чада

к.и.н. М. Барновский

к.и.н. Д. Гаврецкий

к.и.н. М. Гайдош

к.и.н. В. Крехлер

к.и.н. М. Кукликова

к.и.н. Л. Слезак

к.и.н. О. Фельцман

д-р Л. Пехачек

академик АН УССР П.Т. Тронько — председатель советской части
Комиссии
чл.-корр. АН СССР П.В. Волобуев
чл.-корр. АН УССР И.Н. Мельникова
д.и.н. И.Ф. Курас
д.и.н. Л.П. Лаптева
д.и.н. В.В. Марьина
д.и.н. А.Ф. Носкова
д.и.н. И.А. Петерс
д.и.н. Г.А. Трукан
д.и.н. К.А. Шманько
д.и.н. З.П. Яхимович
к.и.н. Э.Г. Задорожнюк
к.и.н. Н.П. Калмыков
к.и.н. В.Е. Мельниченко
к.и.н. И.И. Поп
к.и.н. С.В. Чешко

В XVIII заседании Комиссии историков СССР и ЧССР приняла участие состоявшая из 19 человек делегация чехословацких историков во главе с И. Кремпой. Советскую делегацию возглавлял П.Т. Тронько. Заседание, которое проходило в г. Ужгороде, на базе отделения Института социальных и экономических проблем зарубежных стран АН УССР и при участии Ужгородского государственного университета, открыли сопредседатели Комиссии П.Т. Тронько и И. Кремпа. Заседанием попеременно руководили представители советской и чехословацкой части Комиссии.

Участников научной конференции, которая состоялась 29—30 сентября 1987 г., приветствовал секретарь Закарпатского обкома Компартии Украины С.М. Туряница.

В заседании приняли участие представитель Отдела науки и учебных заведений ЦК КПСС к.и.н. Б.Н. Билунов и представитель Отдела науки и учебных заведений Компартии Украины к.и.н. Р.Я. Пирог.

В конференции приняли участие около 200 советских историков — сотрудников институтов АН СССР и АН УССР, преподавателей и студентов Ужгородского университета, высших и средних учебных заведений, учителя средних школ, представители партийного и идеологического актива Ужгорода и Закарпатской области. На конференции было заслушано 26 (в том числе 15 советских и 11 чехословацких) докладов и сообщений, тексты некоторых че-

хословацких докладов (д.и.н. А. Долейши, д.и.н. Ч. Аморт, к.и.н. М. Кукликова, проф. Б. Черешняк, чл.-корр. ЧСАН И. Бобок, д.и.н. В. Пеша) были приложены к Протоколу.

Основное внимание выступавших было сосредоточено на раскрытии всемирно-исторического значения Великой Октябрьской социалистической революции, её роли в мировом революционном процессе, революционной перестройке в СССР как продолжении дела Великого Октября. В докладах и сообщениях были освещены такие вопросы, как Великий октябрь и развитие мирового революционного процесса (З.П. Яхимович, С. Ю. Пруница); исторический опыт решения общенациональных задач на примере Великого Октября (П.В. Волобуев); опыт классовых и политических союзов в революциях XX века (А.Ф. Носкова); борьба за демократию, как путь подведения масс к социализму (С. Цамбел, А. Габаль, М. Боучек); влияние Великого Октября на возникновение Чехословакии (В. Чада); развитие пролетарского, социалистического интернационализма (И.Н. Мельникова, И.А. Петерс, Г.И. Шманько, М. Гайдош); социалистическая революция и преобразования в области культуры (В.Т. Ермаков, В. Крехлер); последовательно миролюбивый курс КПСС и Советского государства в мировой политике (Н.П. Калмыков); решение национального вопроса и совершенствование национальных отношений в СССР (П.Т. Тронько, С.В. Чешко, Н.П. Макара); некоторые вопросы хозяйственной перестройки в свете решений XVII съезда КПЧ (М. Барновский, Л. Слезак); актуальные вопросы развития исторической науки в СССР и ЧССР (Г.А. Трукан, К. Герман, И.Ф. Курас, В.Е. Мельниченко, Ф. Гейл, Д. Гаврецкий). По докладам и сообщениям развернулась оживленная дискуссия.

Итоги научной конференции были подведены П.В. Волобуевым. Учитывая научную и политическую значимость темы заседания и произнесенных на нем докладов, принято решение об их публикации, которую должна обеспечить советская часть Комиссии. Доработанные материалы авторы должны представить до 1 января 1988 г.

На пленарном заседании Комиссии 1 октября 1987 г. была утверждена тема её XIX заседания: «От буржуазной демократии к победе социализма (К 70-летию образования ЧСР и 40-летию Февраля 1948 г.)». XIX заседание Комиссии состоится в ЧССР, в г. Банска Быстрица, в сентябре 1988 г. К марту 1988 г. должна быть разра-

ботана программа заседания. Была заслушана информация о ходе выполнения работ двустороннего сотрудничества (В.В. Марьина, Г.А. Трукан, И.Н. Мельникова, Г.И. Шманько, С. Цамбел, Б. Хроповский, Ю. Кржижек, Д. Гаврецкий).

Э.Г. Задорожнюк и О. Фельцман сделали сообщение о состоянии взаимного рецензирования исторических работ в СССР и ЧССР.

Были обсуждены некоторые вопросы совершенствования форм работы Комиссии.

1 октября 1987 г. чехословацкая и советская делегации были приняты Первым секретарем Закарпатского обкома Компартии Украины Г.Й. Бандровским и членами Бюро обкома. Состоялась беседа по актуальным вопросам, связанным с реализацией решений XXVII съезда КПСС в Закарпатской области.

Были возложены цветы к памятнику В.И. Ленина.

Участники заседания посетили Ужгородский государственный университет и ознакомились с его деятельностью.

Для участников заседания было организовано посещение колхоза им. В.И. Ленина Мукачевского района и Свалявского лесокомбината. Они ознакомились с памятниками культуры Закарпатья, присутствовали на концерте художественной самодеятельности.

Работа XVIII заседания Комиссии освещалась местными средствами массовой информации (радио, телевидение, пресса).

В честь чехословацкой делегации по случаю XVIII заседания Комиссии историков СССР и ЧССР был устроен торжественный обед.

Комиссия выражает благодарность Закарпатскому обкому Компартии Украины, Ужгородскому отделу Института социальных и экономических проблем зарубежных стран АН УССР, Ужгородскому государственному университету за хорошо организованное обеспечение заседания.

Председатель
советской части Комиссии
историков СССР и ЧССР
академик АН УССР
П.Т. Тронько

Заместитель председателя
чехословацкой части
Комиссии историков ЧССР
и СССР
к.и.н. М. Барновский

Личный архив автора

ДВИЖЕНИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ¹.

Научная и политическая актуальность проблемы антифашистского движения Сопротивления несомненна: вот уже почти полвека она привлекает к себе пристальное внимание историков. Причины такого неослабевающего интереса к ней были вскрыты, в частности, советскими историками еще четверть века назад: «...без учета значения и особенностей антифашистской борьбы в годы Второй мировой войны нельзя правильно и глубоко понять ни истории самой войны и её уроков, ни тех крупнейших перемен, которые произошли в жизни европейских народов в настоящее время»². Этот вывод действителен и по сей день. К тому же, обращение сегодня к опыту движения Сопротивления, когда в борьбе с фашизмом объединялись все передовые, демократические силы, как в международном масштабе, так и внутри отдельных стран, может стать полезным при решении задачи, ключевой для нынешнего времени, — сплочение всех прогрессивных и здравомыслящих элементов человеческого сообщества для предотвращения угрозы термоядерной войны.

Стабильная актуальность проблемы Сопротивления объясняется еще и тем, что она является объектом непрекращающихся идеологических столкновений между историками-марксистами и прогрессивными учеными, с одной стороны, и буржуазными историками и

¹ Статья была подготовлена на основе доклада, сделанного на заседании Комиссии историков СССР и ЧССР в Банской Быстрице. Она предназначалась для публикации в Сборнике статей Музея Словацкого национального восстания (№ 15). По дошедшим до меня сведениям, статья была переведена на словацкий язык и включена в набранный текст сборника, но затем набор был рассыпан. Если все это было действительно так, то, по всей видимости, запрет на её публикацию был связан с тем, что в ней (и в докладе) озвучивались многие мысли, которые развивались чехословацкими историками, исследовавшими эту проблему в 1960-е годы и отлученными «от истории» после подавления Пражской весны. Как представляется, вопросы, поднятые в статье, не утратили своей актуальности и сегодня.

² Примечание 1 на стр.1 машинописного текста статьи: Антифашистское движение Сопротивления в странах Европы в годы Второй мировой войны. М., 1962. С. 3.

политологами консервативного и реакционного толка, с другой. Не вдаваясь в суть разногласий, перечислим лишь некоторые вопросы, по которым вот уже не одно десятилетие ведутся дискуссии и споры. Разное понятие вкладывается в само понятие движение Сопротивления. Неодинакова, а подчас и диаметрально противоположна трактовка вклада отдельных социальных слоев и партий в антифашистскую борьбу. Существуют расхождения по вопросам периодизации движения Сопротивления, влияния на его развитие событий на фронтах Второй мировой войны, и прежде всего на советско-германском фронте, оценок помощи антифашистской освободительной борьбе со стороны Советского Союза и его союзников по антигитлеровской коалиции. Нет единства в оценке роли внешних и внутренних факторов в перерастании антифашистской освободительной борьбы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в народно-демократические революции и установлении народной власти и т.д.

Особо следует сказать о полемическом и в то же время малоизученном вопросе о коллаборационизме. Позиции марксистских и большинства прогрессивных исследователей характеризуются осуждением политического и экономического коллаборационизма. Однако этот правильно в целом поставленный вопрос может быть отнесен к числу еще недостаточно исследованных и разработанных как в советской, так и в зарубежной марксистской историографии.

Для того, чтобы яснее была мысль, видимо, следует провести аналогию с трансформацией наших в недавнем прошлом весьма упрощенных представлений в оценке такого явления военного времени, как плен. Сейчас уже как будто бы всем или, по крайней мере, многим ясно, что во время войны не только «сдавались в плен», но «брали в плен». Разница ясна: добровольность и вынужденность! Такой же трезвый подход, думается, должен иметь место и при рассмотрении вопроса о коллаборационизме.

Существующая в настоящее время дефиниция, зафиксированная, в частности, в различного рода советских энциклопедиях и словарях, сводится к тому, что коллаборационист — это лицо, сотрудничавшее с фашистскими захватчиками в оккупированных странах во время Второй мировой войны. Это определение представляется довольно общим, упрощенным, не охватывающим всего многообразия тогдашней действительности и возможного поведения отдельных лиц; более того, существующая дефиниция дает возможность обвинить в коллаборационизме значительную часть населения оккупированных стран. В самом деле, жизнь ведь продолжалась и

в оккупированных странах: рабочие трудились на предприятиях, крестьяне — на полях и фермах, торговцы торговали, чиновники занимали свои места в канцеляриях и т. д. (сейчас речь идет не о том, как выполнялась вся эта работа и что думали при этом люди). Кроме того, эта дефиниция позволяет ставить на одну доску, например, Квислинга, главу норвежской фашистской партии, содействовавшего оккупации Норвегии и несколько лет (1942—1945 гг.) стоявшего во главе правительства оккупированной страны, и, в частности, генерала Элиаша, возглавлявшего в начале оккупации некоторое время правительство Протектората Чехия и Моравия, человека, связанного с подпольной буржуазной организацией «Защита нации» и казненного гитлеровцами. А как при такой дефиниции расценивать деятельность лиц, занимавших определенные административные посты (разных ступеней) в государственном и экономическом аппарате, выполнявших (плохо ли, хорошо ли) свои функции и в то же время сотрудничавших с антифашистским движением, оказывавших ему более или менее крупные услуги? По ту или по эту сторону баррикады находился человек, участвовавший (своим способом) в антифашистской борьбе и одновременно сотрудничавший с оккупантами? А подчас, как это ни парадоксально, именно коллаборационизм (не всегда сотрудничеству можно было придать формальный характер) давал возможность активно участвовать в антифашистской борьбе (например, разведчикам, профессиональным военным, врачам, промышленникам, торговцам и т. д.).

Существующее определение, видимо, недостаточно полно для того, чтобы обозначить суть коллаборационизма и дать возможность на практике выявить его конкретных носителей. Думается, что тут необходим более внимательный учет мотивов и целей сотрудничества (например, оно могло быть и вынужденным, в частности, чтобы прокормить семью, под угрозой смерти близких людей, в целях получения соответствующей информации и т. д., и добровольным — ради собственной корысти, по идейным соображениям и пр.).

Представляется, что существующую дефиницию коллаборационизма следует уточнить примерно так: это — добровольное сотрудничество с фашистскими захватчиками в оккупированных ими странах в целях личной выгоды и укрепления установленного режима. Это даст возможность дифференцированного подхода ко всем тем, кто сотрудничал с оккупантами, а вынуждена была это делать в той или иной форме, в той или иной мере, в то или иное время значительная часть населения оккупированных стран, вопреки своим субъективно антифашистским настроениям и нежеланию

вступать в какие-либо отношения с оккупантами. Предложенная дефиниция позволяет, с одной стороны, осудить коллаборационизм как социально-политическое явление, принципиально противостоящее Сопrotивлению, а с другой — дифференцированно подходить к оценке деятельности отдельных людей, рассматривая её не в плане традиционных черно-белых схем, а более всесторонне и объективно показывая всю сложность отношений и связей того времени, вскрывая глубинные их основы, учитывая и общественно-политическую характеристику данного лица в прошлом, и движущие им мотивы.

Не так прост, как кажется, и вопрос о формах движения Сопrotивления. Дело в том, что существующая у нас классификация форм Сопrotивления как пассивных (низших) и активных (высших) затрудняет их рассмотрение и оценку с точки зрения целесообразности и результативности той или иной формы в конкретных условиях той или иной страны, а также с точки зрения реальной цены (в виде человеческих жизней, что для малых наций особенно важно) избрания той или иной формы. При исследовании причин, обусловивших разные формы и методы борьбы, требуется много-сторонний, комплексный подход, учитывающий как внутренние факторы, например, географические условия (плотность населения, соотношение городских и сельских жителей, наличие крупных лесных массивов и т.д.), особенности национального характера, менталитета, исторических традиций, социальной структуры населения, методы оккупационных властей или фашистских режимов, так и внешние условия развития антифашистской борьбы. Здесь стоит подумать о том, что нельзя подходить к разным странам (например, к малым и большим с различным историческим опытом, традициями, национальным характером) с одной меркой, что нельзя национальной меркой какой-либо одной страны мерить привычки, обычаи, образ жизни, наконец, историю других народов.

Все это надо учитывать при оценке форм движения Сопrotивления в исследуемом регионе. На первый план здесь, как представляется, должен выйти вопрос о целесообразности тех или иных способов борьбы, вопрос о том, какие её формы могло принять общество, если оно созрело для понимания её необходимости. Такой комплексный взгляд на этот вопрос, думается, позволит пролить свет на то, почему, например, в Югославии вооруженные формы борьбы стали приемлемы фактически с самого начала, а в чешских землях, несмотря на призывы коммунистов, она развивалась крайне медленно и не приобрела особой широты вплоть до начала 1945 г.

Думается, что к вопросу о формах Сопротивления непосредственно примыкает неоднозначно трактуемый в историографии вопрос о его массовости, о степени участия в нем населения. Представляется, что правильно нельзя решить этот вопрос, говоря о европейском движении Сопротивления в целом, или, допустим, о регионе Центральной и Юго-Восточной Европы тоже в целом. Здесь нужен очень конкретный подход, рассмотрение его на материалах каждой отдельной страны и, более того, в каждый конкретный период.

Кроме того, очевидно требуют уточнений и сами понятия массовость, помощь населения. Поясню, что имеется в виду. Например, массовость. Как её понимать? Это все дееспособное население, его большинство или значительная часть? Проведенные мною приблизительные, весьма условные, но все же дающие некоторое представление о количестве участников вооруженной борьбы подсчеты по чешским землям, Словакии, Болгарии, показывают следующее: в чешских землях в партизанских отрядах действовало около 9 тыс. человек из примерно 4-х миллионов дееспособного населения (около 0,25%), включая сюда и советские организаторские группы и часть помогающих; вместе с тем, в Майском восстании чешского народа участвовала значительная часть населения — более 100 тыс. человек (т.е. приблизительно 2,55% дееспособного населения). Во время Словацкого национального восстания число вооруженных бойцов (60 тыс. армия и 20 тыс. партизан) составляло примерно 4% дееспособного населения (2 млн.). Активно поддерживало восставших население Центральной Словакии, где можно, видимо, говорить о массовости борьбы. В Болгарии численность партизан в 1944 г. достигла 18–20 тыс., что составило примерно 0,5% дееспособного населения (4 млн. человек). Естественно, что число участвовавших в иных формах Сопротивления было больше.

Теперь — о помощи населения (снабжение продуктами, одеждой, предоставление укрытия, сообщение необходимых сведений о противнике и т.п.), насколько она была массовой? Очевидно, что такая помощь оказывалась не всем дееспособным населением и даже не его большей частью, а только жителями того района, где действовал тот или иной партизанский отряд. Хотя, конечно, сочувствующих вооруженной борьбе было значительно больше, чем активно помогающих. Кроме того, следует учитывать еще, видимо, фактор добровольности или вынужденности оказания помощи партизанам. Ведь не секрет, что имели место и экспроприации местного населения (и не только зажиточного), без чего, видимо, невозможно было обойтись. Все эти вещи требуют взвешенной и обдуманной трактовки на

основании углубленного изучения, а не стереотипных подходов с позиции «массового участия», «массовой помощи» и т.п.

Даже из этого, далеко не полного перечня проблем, которые являются дискуссионными или требуют дополнительного осмысления, ясно, что работа по изучению движения Сопротивления не может быть прекращена. К этому выводу пришли и зарубежные исследователи проблемы. В частности, об этом говорилось на Штутгартском конгрессе, где отмечалось, что в истории движения Сопротивления осталось еще много «белых пятен».

Естественно, что казалось бы изученная проблема по истечении какого-то времени требует возврата к себе, и не только потому, что появляются новые источники и документы, проливающие свет на те или иные события и меняющие наше представление о них, но и потому, что сама историческая наука находится в постоянном движении, что в науке-истории нет ничего «окончательного», «вечного», что она меняется вместе со своим временем, отражает требования сегодняшнего дня. Связано это, думается, с тем, что каждое поколение видит или хочет видеть всякое крупное историческое событие или явление своими глазами, имеет или хочет иметь о нем свое представление. В самом деле, взгляд, например, участников движения Сопротивления на многие факты, их оценки зачастую расходятся с тем, как это виделось историкам, скажем, в 1950-е или 1960-е годы. Точно так же оценки исследователей 1980-х годов могут не совпадать с выводами и характеристиками, данными в предшествовавшие годы. В этом нет ничего удивительного и странного. Историографию надо видеть в развитии: представления меняются не только от поколения к поколению, но с годами эволюционируют или, по крайней мере, уточняются и позиции отдельных исследователей. Это тоже естественно.

Плодотворное изучение движения Сопротивления, на мой взгляд, возможно лишь при учете ряда следующих методологических посылок. Во-первых, как явление оно генетически едино с антифашистской борьбой межвоенного периода, но вместе с тем движение Сопротивления развертывалось в новых исторических условиях, в условиях Второй мировой войны, оккупации, расчленения одних и подчинения гитлеровскому диктату других стран Центральной и Юго-Восточной Европы. В связи с этим представляется правильным хронологически ограничить понятие движение Сопротивления периодом Второй мировой войны, а не так, как это делают некоторые исследователи (прежде всего, изучающие проблему на материале стран, где еще до войны были установлены фа-

шистские или профашистские режимы), начинающие его историю, например, для Италии с 1922 г., для Германии — с 1933 г.

Вместе с тем, опыт антифашистской борьбы в 1930-х годах, особенности её развития, степень массовости, охват различных социальных слоев, организованность, своеобразие форм — все это, безусловно, оказало влияние на развертывание движения Сопротивления и его характер в той или иной стране.

Ограничивая понятие движение Сопротивления рамками Второй мировой войны, необходимо учитывать, что это лишь общая постановка вопроса, что для каждой конкретной страны изучаемого региона начальные и конечные хронологические грани будут разными.

Вторая методологическая посылка — движение Сопротивления составляет неотъемлемую часть Второй мировой войны, является одним из аспектов освободительной борьбы, которую вела антигитлеровская коалиция. Общий ход войны, положение на советско-германском фронте (что было особенно важно для стран региона) оказывали постоянное воздействие на развертывание движения Сопротивления.

Однако это влияние, накладываясь на конкретную ситуацию в отдельных странах, не всегда было непосредственным и проявлялось в разной степени и в разных формах. Именно внутренние факторы определяли специфику развития движения в той или иной стране. Среди них особое значение имел субъективный фактор: какие социальные и политические силы шли во главе движения Сопротивления, каковы были их организованность и влияние, какие цели они ставили перед собой.

Поэтому при периодизации движения Сопротивления как в регионе в целом, так и в отдельных странах важно учитывать обе группы факторов — внешне- и внутривнутриполитические — в их взаимодействии и взаимовлиянии. В частности, что касается внешнего фактора, то недостаточно исследованным в целом представляется вопрос о влиянии советско-германского пакта о ненападении (август 1939 г.) на развитие антифашистской борьбы. О том, что его заключение внесло смятение в ряды антифашистов, породило много неясностей, затруднило эту борьбу, говорится в последнее время и в советской печати, и среди историков¹.

¹ Примечание 1 на стр. 9 машинописного текста статьи: См., например, Вопросы истории КПСС. 1987. № 10; Новый мир. 1988. № 2; Проблемы мира и социализма. 1988. № 4.

Раньше этот вопрос обсуждался преимущественно в западной историографии, но ставился и историками европейских социалистических стран, в частности, польскими, чехословацкими и югославскими¹. Советская же историческая наука обходила эту тему молчанием. Сейчас ясно, что вопрос назрел, требует ответа, но для этого нужны архивные документы, материалы Коминтерна и его секций, которые пока недоступны советскому исследователю.

Что касается общественного мнения, отражения факта заключения пакта в массовом сознании, то, видимо, в разных странах региона это было по-разному и подлежит конкретному изучению.

Третья методологическая посылка, и в этом специфика, особенность подхода к изучению движения Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, — его история должна рассматриваться в диалектическом единстве с историей народно-демократических и социалистических революций, которые либо тесно переплетались с народно-освободительной борьбой (Югославия, Албания), либо вырастали из неё, достигнув своего апогея на завершающем этапе освобождения этих стран от фашизма (Польша, Чехословакия, Болгария, Румыния, Венгрия; исключением здесь была Греция, где англо-американским интервентам с помощью внутренней реакции удалось подавить революционные силы и воспрепятствовать установлению народной власти²).

В связи с этим представляется необходимым высказать некоторые соображения относительно употребления и сути термина «движение Сопротивления» относительно всего региона. Думается, что этот термин, возникший еще накануне Второй мировой войны и не вобравший в себя всего многообразия опыта борьбы против фашизма в годы войны и её результатов, не содержит диалектики антифашистской освободительной борьбы и революции, перерастания первой во вторую или их слияние³. При характеристике осво-

¹ Примечание 2 на стр. 9 машинописного текста статьи: *Národní fronta a komunisté. 1938–1945. Praha, 1968.*

² Тогда советским историкам еще не было известно о так наз. процентной договоренности между Сталиным и Черчиллем, вследствие чего Греция с её чрезвычайно развитым и находившимся под влиянием коммунистов антифашистским движением была отнесена к англо-американской зоне влияния.

³ Примечание 1 на стр. 10 машинописного текста статьи: Этот термин не употребляется, например, в Югославии и Албании, в отношении которых в историографии этих стран и в советской литературе используется понятие «народно-освободительная война и революция».

бодительных процессов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, по моему мнению, правильнее говорить об антифашистской освободительной борьбе (при этом термин «освободительная» включает как национальные, так и социальные аспекты).

Представляется также, что термин «движение Сопротивления» с точки зрения форм борьбы, видимо, уже, чем термин «антифашистская освободительная борьба», которая включает и заграничные воинские формирования, воюющие за освобождение своих стран в составе армий союзных государств на советско-германском и западном фронтах, а также деятельность эмигрантских центров, направленную на освобождение от фашизма и восстановление государственного суверенитета той или иной страны.

Рассмотрение движения Сопротивления в диалектическом единстве с историей революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы предполагает выдвигание в ряд важнейших вопроса о движущих силах этого процесса. Не вызывает сомнения доказанное марксистской историографией положение о том, что основными движущими силами освободительной борьбы были народные массы. Степень и быстрота вовлечения масс в антифашистскую освободительную борьбу, её размах, методы, формы зависели от конкретных условий, сложившихся в данной стране. Вместе с тем, на каких-то этапах, прежде всего, в первые годы войны, фашистские и профашистские силы, а также «квислинги» тоже находили опору в массах, хотя степень их влияния в разных странах была различной. Важно проследить эволюцию позиций отдельных классов и социальных слоев в ходе развития антифашистской освободительной борьбы, снять неизжитый пока налет схематизма и трафаретности при освещении их роли и места в этой борьбе, попытаться посмотреть на поведение классов и социальных групп, так сказать, не только «снаружи и в целом», но одновременно «изнутри и дифференцированно». И тут с сожалением приходится констатировать, что пока не созданы серьезные работы, рассматривающие эволюцию социальной структуры стран региона в годы войны, изменения, происшедшие в составе буржуазии, мелкой буржуазии, крестьянства, средних городских слоев, интеллигенции и рабочего класса.

А ведь ясно, что условия войны и оккупации привели к глубоким социальным сдвигам, несмотря на хронологическую кратковременность изучаемого этапа в жизни стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Так, при рассмотрении позиций рабочего класса в годы войны, конечно же, необходим трезвый учет уровня его развития, изучение изменений в его структуре, количества и качества (со всех

точек зрения), форм и условий деятельности, мировоззренческих позиций. В предвоенный период в борьбе против буржуазии, наступающего, а в ряде случаев и одержавшего победу фашизма, рабочий класс прошел школу политической и идейной закалки. В годы войны он пополнился «новобранцами» из непролетарских слоев, прежде всего, из крестьянства, затем — ремесленников, чиновничества, интеллигенции и т.д. Поэтому при характеристике позиций рабочего класса в антифашистской освободительной борьбе не следует сбрасывать со счета фактор продолжительности профессиональной и социальной адаптации этих «новых» рабочих кадров.

Весьма сложным и малоизученным представляется вопрос о социальной и политической дифференциации в рядах крестьянства, о формах его участия в антифашистской освободительной борьбе, о содержании понятия союз рабочего класса и крестьянства в этот период.

Недостаточно исследованным, а по некоторым странам и совершенно не исследованным, представляется и вопрос о политической ориентации и позициях интеллигенции в годы войны. Очевидно, что в ней были представлены все имевшиеся тогда политические направления, начиная от реакционных (фашистских и профашистских) и консервативных (буржуазно-либеральных) и кончая демократическими и пролетарскими. Однако, в вопросе о том, каково было соотношение между этими течениями в каждой стране, каково было их место в антифашистской борьбе или отношение к ней, пока достаточной ясности и более или менее полной картины нет.

Еще один вопрос касается показа историками-марксистами роли коммунистической партии в движении Сопротивления. При этом многие авторы уже при определении задач своего исследования ставят перед собой цель показать (осветить, раскрыть и т.д.) руководящую роль коммунистической партии. При такой априорной постановке вопроса руководящая роль не доказывается, не выводится из всестороннего рассмотрения расстановки классовых и политических сил на том или ином этапе развития движения Сопротивления, а постулируется, и соответственно этому подбирается материал. При этом завоевание коммунистами руководящей роли в движении Сопротивления показывается не как процесс сложной борьбы за гегемонию между рабочим классом и буржуазией — а такая борьба велась в той или иной мере во всех странах региона — а как нечто само собой разумеющееся, раз и навсегда данное с самого начала. Сосредоточение внимания (и соответствующий подбор материала) лишь на деятельности (во всех её формах) коммунист-

тов вне общего показа и аргументированного анализа позиций всех классовых и политических сил, участвовавших в Сопротивлении, не могут, очевидно, привести к желаемому эффекту и дает нашим идеологическим противникам повод обвинить историков-марксистов в предвзятости и преднамеренном нежелании проанализировать и оценить всю совокупность имеющихся фактов, разобраться в сложной и многообразной исторической действительности. Точно также не может быть плодотворным с точки зрения создания общей картины освободительной борьбы и изолированное рассмотрение участия в ней некоммунистических сил.

При показе и раскрытии деятельности, политики коммунистических партий в период антифашистской освободительной борьбы очень важно также видеть и оценивать их в контексте позиций и взглядов Коммунистического Интернационала (до его роспуска в 1943 г.) по тем или иным вопросам. Особенно сложным в этом плане представляется начальный период войны: осень 1939 г. — лето 1941 г., а если еще точнее, то первый год после начала Второй мировой войны. В существующей литературе линия Коминтерна в этот период объясняется, раскрывается недостаточно четко и полно. Не показывается вся сложность и противоречивость обстановки того времени, отразившаяся и на линии Коминтерна, который, с одной стороны, не мог не учитывать внешнеполитический курс Советского Союза, заключение советско-германского пакта о ненападении в августе 1939 г., а с другой стороны, отступить от курса на развитие и поддержку антифашистской борьбы. Позиции Коминтерна в вопросах тактики её ведения, широты охвата ею различных социальных сил в этот сравнительно короткий период претерпели определенные изменения: отказ от политики национального фронта, включавшего все антифашистские силы, в том числе и антифашистскую буржуазию, — а такая линия начала выкристаллизовываться еще весной 1938 г. в связи с угрозой фашистской агрессии по отношению к Чехословакии — и возврат к политике и тактике народного фронта, отвергавшей какие-либо совместные действия с антифашистской буржуазией. Вопрос этот — весьма сложный и неоднозначно решаемый, поскольку он должен быть рассмотрен и на уровне Коминтерна в целом, его общих установок, и на уровне отдельных конкретных стран. Пока этим никто серьезно не занимался, видимо, как в силу сложности вопроса, так и в силу отсутствия необходимой документальной базы.

Сейчас, как представляется, ясно то, что несколько разведен должен быть вопрос о линии ИККИ и деятельности отдельных

коммунистических партий, что одно дело — директивы, инструкции, указания и т. д. Коминтерна, которые шли «на места», в страны, и несколько другое дело — реальная политика, линия действовавших в подполье и учитывавших конкретную ситуацию коммунистов, которые не перестали быть активной антифашистской силой. Некоторые из них открыто не согласились с линией Коминтерна (ряд руководящих деятелей КП Франции и Великобритании), другие, руководствуясь соображениями жесткой «коминтерновской дисциплины», формально согласились с этой линией, но на практике вынуждены были её модифицировать и поправлять, приспособлявая к конкретным условиям страны.

При этом, видимо, требуется дифференцированный, очень конкретный подход к отдельным странам при рассмотрении вопроса о том, какова была реакция рабочего движения, коммунистических партий, демократических сил вообще на линию ИККИ после заключения советско-германского пакта о ненападении, на характеристику начавшейся войны как империалистической с обеих сторон, на курс Коминтерна на непосредственно социалистическую революцию. Видимо, здесь мы никуда не уйдем все же от того, что по-одному она воспринималась в странах оккупированных или находившихся под угрозой оккупации, а по-иному — в странах, следовавших в фарватере фашистских Германии и Италии и впоследствии ставших их союзниками. Если в первых во главу угла ставились вопросы национального освобождения, восстановления государственной самостоятельности, а вопросы социальной борьбы рассматривались как подчиненные, то во вторых — по-прежнему приоритетными были вопросы социальной борьбы, а проблемы суверенитета и государственной самостоятельности в общественном сознании как бы перекрывались волной националистического угара и настроений, свойственных в той или иной мере всем слоям общества. Линия Коминтерна в рабочем движении этих стран, думается, не вызвала такого шока, как в оккупированных, а также на Западе, хотя окончательный ответ на этот вопрос могут дать лишь конкретные исследования.

Четвертая методологическая посылка, а это уже отчасти вытекает из вышесказанного, что движение Сопротивления при всем его внутреннем многообразии, разнородности и противоречивости следует рассматривать как целостное социально-политическое явление. Только при таком подходе можно определить его истинный характер, выявить присущие ему закономерности и особенности. Движение Сопротивления было общенациональным, в нем учас-

твовали различные классовые и социальные силы, начиная от рабочего класса и кончая некоторыми группировками буржуазии. Поэтому ему были присущи как общенациональные цели борьбы (восстановление национальной независимости и демократии в том или ином объеме), общие для разных классов данной страны и их политических представителей, так и цели, отражающие различные социальные и политические интересы участников Сопrotивления, которые нередко не только не совпадали, но и были прямо противоположны. Активность всех этих многообразных сил, участвовавших в Сопrotивлении, была неодинаковой, в ходе развития антифашистской борьбы нередко менялись их взгляды, уточнялись программы. Показ единства и многообразия движения Сопrotивления, выявление места и роли каждой из участвовавших в нем сил является важнейшей задачей историков-марксистов.

При характеристике позиций отдельных классов и социальных групп в движении Сопrotивления следует отказаться от встречающихся порой упрощенчества и схематизма. Так, например, представляется, что верное деление буржуазии на фашистскую, коллаборационистскую и антифашистскую не может рассматриваться как внутренне стабильное, так как в каждой из этих группировок в ходе войны и по мере развития антифашистской освободительной борьбы происходили внутренние процессы и изменения, менялось их соотношение. В лагере фашистской и коллаборационистской буржуазии по мере выявления возможности поражения стран фашистского блока, с одной стороны, ускорила консолидация внутренних реакционных сил, с другой, — наметился и прогрессировал их раскол, вызревали «алибиетские» настроения и усиливались колебания. Их представители постепенно отказывались от активной поддержки фашистских порядков и обращали свои взоры к союзникам по антигитлеровской коалиции, как правило, западным. Настроения эти ширились по мере приближения окончания Второй мировой войны и поражения фашизма.

Становились более четкими группировки и в лагере буржуазии, уже и прежде недовольной фашистскими порядками. В связи с тем, что на завершающем этапе войны в освободительном движении все чаще стали звучать социальные мотивы (а в странах-сателлитах, как уже говорилось, они играли существенную роль на всем протяжении войны), формулировались программы послевоенного устройства, в этих кругах буржуазии обозначилось нефашистское и антифашистское крыло. Представляется, что в этих терминах есть существенное отличие. Нефашистское крыло — это правые фланги

буржуазного движения Сопротивления, консерваторы, недовольные лишь крайними, террористическими и расистскими методами правления господствовавшей фашистской верхушки, ратовавшие лишь за национальное освобождение и не помышлявшие и даже решительно выступавшие против каких-либо изменений довоенных порядков, а также готовые во имя сохранения своих классовых интересов пойти на соглашение, компромиссы с силами крайней реакции в борьбе против революционных, последовательно демократических сил. Антифашистское крыло — это либерально-демократические и революционно-демократические течения буржуазного Сопротивления, которые признавали необходимость более или менее глубокого преобразования общественного строя, существовавшего до войны, и были готовы сотрудничать на условиях компромисса с революционными силами в борьбе против фашизма.

Сложные, неоднозначные процессы, как уже отмечалось, происходили в среде мелкой буржуазии, крестьянства, интеллигенции, значительная часть политических представителей которых по мере приближения конца войны выражала все большую готовность активно включиться в антифашистскую освободительную борьбу. Отражение всего многообразия интересов отдельных классов, социальных слоев и группировок, как участвовавших в движении Сопротивления, так и противостоявших ему, необходимо для воссоздания подлинной картины антифашистской освободительной борьбы.

Наконец, последнее, на чем необходимо остановиться, это показ интернационального характера движения Сопротивления. Это очень важно, поскольку, пожалуй, нет ни одной страны, где в антифашистской освободительной борьбе наряду с местным населением не принимали бы участия граждане других стран. В существующей на этот счет литературе, как правило, речь идет о фактической стороне дела, т.е. выявлении того, кто, где, когда, в каком качестве участвовал в антифашистской освободительной борьбе за пределами своей родины. Ясно, что эта работа требует еще дополнительных усилий, ибо не может быть забыт ни один интернационалист, внесший свой вклад в победу над фашизмом.

Однако эта тема требует не только сбора фактографического материала, но и его теоретического осмысления, обобщения, сравнительно-исторической разработки. Например, представляется менее изученным такой аспект темы как контакты и взаимодействие, а на завершающем этапе войны, видимо, можно говорить и о координации действий, между антифашистскими организациями разных стран. Требуется ответа и такой вопрос, где и почему идея интерна-

ционализма пустила глубокие корни, и в чем причина того, что не везде она нашла достаточно питательную почву?

Более углубленная разработка проблемы интернационального характера движения Сопротивления (а это может быть сделано лишь при условии объединения усилий историков различных стран) поможет пониманию того, что оно было не только национально-освободительной борьбой каждого из поработанных народов, но и войной за освобождение мира от фашизма вообще, за спасение общечеловеческой культуры, что объединению сил во имя достижения этой цели не могли помешать ни государственные границы, ни национальные, социальные и политические различия. Чрезвычайно актуальная в нынешних условиях тема интернационализма в движении Сопротивления заслуживает самого пристального внимания и кооперирования усилий историков.

Наконец, следует подчеркнуть важность сравнительно-исторического подхода к изучению движения Сопротивления, исследование его в тесной взаимосвязи с развитием мировых процессов. Все это, а также рассмотрение страноведческого материала, отражавшего как специфическое, так общее в сути исследуемого явления по принципу «многообразия единства» или «единства многообразия», учет требований, предъявляемых сегодня к качеству исторических работ, достигнутый уровень знаний в изучаемой области помогут, когда это необходимо, отказаться от сложившихся стереотипов, взглядов и схем, чтобы, используя марксистско-ленинскую методологию, показать социально-политическую картину антифашистской освободительной борьбы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы во всей её сложности и многоплановости¹.

Личный архив автора

¹ Такая попытка, как представляется, была предпринята российскими историками в начале 90-х годов прошлого века. См.: «Круглый стол» по проблемам Сопротивления, состоявшийся в Институте славяноведения и балканистики АН СССР // Новая и новейшая история. 1990. № 6; Антифашистское движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (Вопросы национальной историографии). Отв. ред. д.и.н. В.В. Марьина. М., 1991; коллективная монография: Движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 1939—1945. Отв. ред. д.и.н. В.В. Марьина. М., 1995. См. также работы по отдельным странам: Греция (Ар.А. Улунян), Польша (В.С. Парсаданова), Чехословакия (В.В. Марьина), Югославия (Г.М. Славин), Болгария (Е.Л. Валева), Венгрия (Б.Й. Желицки), Румыния (Т.А. Покивайлова).

МЕСТА ЗАСЕДАНИЙ КОМИССИИ

Заседание I – Прага (ЧССР), 1967 г.

Заседание II – Москва (СССР), 1968 г.

Заседание III – Смоленице (под Братиславой, ЧССР, Словакия), 1972 г.

Заседание IV – Прага (ЧССР), 1973 г.

Заседание V – Киев (Украинская ССР), 1974 г.

Заседание VI – Минск (Белорусская ССР), 1975 г.

Заседание VII – Брно (ЧССР, Моравия), 1976 г.

Заседание VIII – Прага (ЧССР), 1977 г.

Заседание IX – Киев (Украинская ССР), 1978 г.

Заседание X – Ереван (Армянская ССР), 1979 г.

Заседание XI – Братислава (ЧССР, Словакия), 1980 г.

Заседание XII – Фрунзе (Киргизская ССР), 1981 г.

Заседание XIII – Прага (ЧССР), 1982 г.

Заседание XIV – Одесса (Украинская ССР), 1983 г.

Заседание XV – Кошице (ЧССР, Словакия), 1984 г.

Заседание XVI – Вильнюс (Литовская ССР), 1985 г.

Заседание XVII – Опава (ЧССР, Силезия), 1986 г.

Заседание XVIII – Ужгород (Украинская ССР), 1987 г.

Заседание XIX – Банска Быстрица (ЧССР, Словакия), 1988 г.

Заседание XX – Москва (СССР), 1989 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН — Академия Наук
ВОСР — Великая Октябрьская социалистическая революция
ГАУ — Государственное архивное управление
ГДР — Германская Демократическая Республика
ИМЛ — Институт марксизма-ленинизма
КГБ — Комитет Государственной безопасности
КГУ — Киевский Государственный университет
КПС — Коммунистическая партия Словакии
КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза
МГК — Московский Городской комитет
МГУ — Московский Государственный университет
МО — Министерство обороны
НИИ — Научно-исследовательский институт
НК — Национальный Комитет
НЭП — Новая экономическая политика
САН — Словацкая Академия наук
СМ — Совет министров
СМИ — Средства массовой информации
СНВ — Словацкое национальное восстание
СР — Словацкая Республика
СССР — Союз Советских Социалистических Республик
СЧСД — Союз чехословацко-советской дружбы
УССР — Украинская Советская Социалистическая республика
ЦК — Центральный Комитет
ЧК — Чрезвычайная комиссия
ЧР — Чешская Республика
ЧСАН — Чехословацкая Академия наук
ЧСР — Чехословацкая республика
ЧССР — Чехословацкая социалистическая республика

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

- Абалкин Леонид Иванович 57
Абрамов Федор Александрович 39
Абуладзе Тенгиз 57
Аверинцев Сергей Сергеевич 91
Аганбегян Абел Газевич 57, 58, 109, 110
Адамович Алесь 91
Айтматов Ченгиз 39
Акаев Аскар Акаевич 91
Аксенов Василий Павлович 24
Алкснис Виктор Имантович 91
Алферов Жорес Иванович 91
Аморт Честмир 81, 97, 105, 112, 114
Андреева Нина Александровна 71, 72
Андропов Юрий Владимирович 16, 23, 28, 46, 47, 48
Ардзинба Владислав Григорьевич 91
Астафьев Виктор Петрович 39
Афанасьев Юрий Николаевич 91

Б

- Бабин А.И. 104
Бандровский Г.Й. 115
Барновский Михал 22, 55, 69, 94, 95, 96, 98, 112, 114, 115
Белов Василий Иванович 39
Белов Геннадий Александрович 11, 15, 99
Бенеш Эдвард 6, 15, 33, 73, 80
Билунов Борис Николаевич 113
Биляк Васил 51, 59, 80, 87
Благош Й. 110, 111
Бобок И. 105, 114
Болдырев Юрий Юрьевич 91
Бондарев Юрий Васильевич 99
Боучек Мирослав 72, 73, 75, 82, 97, 112, 114
Брежнев Леонид Ильич 9, 10, 16, 23, 27, 28, 44, 46, 47, 53, 73
Бродский Иосиф Александрович 24
Бромлей Юлиан Владимирович 34
Бружек А. 111
Буковский Владимир Константинович 24

Бунич Павел Григорьевич 91
Бурбулис Геннадий Эдуардович 91
Бухарин Николай Иванович 77
Бургалов А.Х. 25
Быков Василь Владимирович 39, 91
Быстрицкий Валериан 22, 81

В

Вавра В. 15
Ваганов Федор Михайлович 104
Вайткявичюс Б.Ю. 51
Валева Елена Любомировна 131
Валента Ф. 111
Ванко Аугустин 82
Васильев Борис Львович 30
Вацулик 82
Винтрова Р. 111
Висков С.И. 104
Вишневская Галина Павловна 24
Владимов Георгий Николаевич 24
Власов Юрий Петрович 91
Войнович Владимир Николаевич 24
Волков Владимир Константинович 75, 93, 96
Волков И.М. 104
Волков Ю.В. 34
Волобуев Павел Васильевич 26, 55, 67, 69, 113, 114
Ворачек Эмил 81, 97
Воробьева Екатерина Дмитриевна 104
Вошагликова Павла 22
Врабец В. 74
Высоцкий Владимир Семенович 39

Г

Габал (Габаль) А. 111, 112, 114
Гавел Вацлав 59
Гавлин Й. 11, 100
Гаврецкий Д. 112, 114, 115
Гаек И.С. 11, 100
Гайдош Мариан 82, 112, 114
Гайек Й. 14, 75

Гайек М. 74, 75
Галандауер А. 80, 81
Галич Александр Аркадьевич 24, 39
Галоян Галуст Анушаванович 41, 104
Гдлян Тельман Хоренович 91
Гебхарт Ян 22, 97
Гейл Франтишек 33, 81, 106, 112, 114
Гендрих Йозеф 6, 7
Герман Карел 97, 112, 114
Гефтер Михаил Яковлевич 25
Глинка Андрей 80
Годжа Милан 80
Голиков В. 25
Голотик Людовит 11, 14, 15, 99
Гонец 80
Горбачев Михаил Сергеевич 23, 28, 40, 53, 54, 56, 57, 59, 60, 61, 63, 66, 67, 68, 71, 72, 76, 77, 88, 89, 91
Гохштайгер Т. 11, 14, 99
Граца Богумил 11, 13, 99
Грацианская Наталья Николаевна 104
Гренер К. 15
Грзалова Г. 111
Гришина Ритта Петровна 80
Грошев И.И. 104
Грозиенчик Йозеф 11, 14, 31, 35, 44, 99, 105
Громько Андрей Андреевич 10, 16
Гроссман Василий Семенович 57
Губер Александр Андреевич 13
Гусак Густав 7, 18, 19, 33, 54, 58, 61, 80, 87
Гюбл Милан 74

Д

Данилов Виктор Петрович 9
Даниэль Юлий Маркович 9
Дворжак И. 109, 111
Джалилов Т.А. 7, 8
Диков Н.Н. 104
Дмитренко Владимир Петрович 55, 93, 94
Долежал Йиржи 73, 74
Долейши Антонин 65, 106, 114

Досталь Марина Юрьевна 98
Дрожжин Л.П. 35
Дубчек Александр 18, 80
Дунаевский В.А. 25

Е

Ельцин Борис Николаевич 28, 66, 71, 88, 90, 91, 92
Ермаков Д. 46, 114

Ж

Желицки Бела Йожефович 131
Жилин Павел Андреевич 32
Жуков Евгений Михайлович 13

З

Заглава Ф. 111
Загладин Вадим Валентинович 86, 87
Задорожнюк Элла Григорьевна 23, 55, 60, 63, 66, 73, 79, 80, 82, 83,
85, 86, 98, 113, 115
Залыгин Сергей Павлович 39

И

Игнатенко Илларион Мефодиевич 36, 104
Иоффе А.Е. 15
Искров Михаил Васильевич 33

К

Казанник Алексей Иванович 91
Калмыков Николай Петрович 96, 113, 114
Каменец Иван 22, 97
Каниметов Абдылда Каниметович 44, 104
Капица Петр Леонидович 9
Каплан Карел 74
Карякин Юрий Федорович 91
Касьяненко Василий Игнатъевич 78
Катушев Константин Федорович 16
Квислинг 118
Кизченко Анатолий Федорович 104
Ким Максим Павлович 25

Кладива Ярослав 11, 99
Клеванский Александр Харитонович 15, 36, 50, 104
Клоков Всеволод Иванович 35
Ковальченко Иван Дмитриевич 15, 93
Коваржик 111
Кодым М. 111
Коларжик П. 111
Константинов Федор Васильевич 14
Копейтко Владимир 55, 97
Корвалан Луис 24
Коржавин Наум Моисеевич 24
Коротич Виталий Алексеевич 91
Косильников А.П. 26
Коутек Я. 22
Коуцкий Владимир 11, 100
Крал Вацлав 7, 11, 12, 18, 32, 33, 34, 99, 101
Красин Юрий Александрович 25
Крейчи И. 111
Кремпа Иван 31, 50, 51, 105, 109, 112, 113
Крехлер Владимир 112, 114
Кржижек Юрий 80, 106, 112, 115
Кропилак Мирослав 34, 80, 106
Кршен (Кржен) Ян 6, 73, 74
Кудрявцев Владимир Николаевич 57, 58, 110
Кузнецов Дмитрий Васильевич 104
Кузьмин Михаил Николаевич 96
Куклик Ян 22
Кукликова М. 97, 112, 114
Куповьянек Я. 111
Курал Вацлав 73, 74
Курас И.Ф. 113, 114

Л

Лаптева Людмила Павловна 105, 113
Лацина Карел 106
Лейбзон Борис Моисеевич 25
Ленин Владимир Ильич 27, 66, 115
Лигачев Егор Кузьмич 71
Липтак Я. 106
Ломов Б.Ф. 109

Ломоносов Михаил Васильевич 31, 33
Любимов Юрий Петрович 24, 48

М

Майский Иван Михайлович 24
Макара Н.П. 114
Мальков Виктор Леонидович 81
Марков Георгий Мокеевич 39
Марков Дмитрий Федорович 23, 64, 109
Маркс Карл 47
Марченко И.Е. 105
Марьина Валентина Владимировна 6, 18, 21, 36, 43, 81, 97, 104, 113, 115, 116, 131
Масарик Томаш Гарриг 15, 62, 80
Матошка В. 81
Мацек Йозеф 6, 11, 13, 14, 16, 17, 99, 100, 101
Медведев Р. 46
Мезник Я. 74
Мейдрова Г. 74
Мельникова Ирина Николаевна 15, 31, 36, 104, 113, 114, 115
Мельниченко В.Е. 113, 114
Менцл Вацлав 74
Мигаш Й. 111
Минц Исаак Израильевич 13, 15, 24, 25, 37
Млынарик Я. 74
Можаев Борис Андреевич 39
Мшвениерадзе В.В. 109
Мурашко Галина Павловна 10, 11, 43, 96
Мурашов Н. 25
Мыльников Александр Сергеевич 105

Н

Нарочницкий Алексей Леонтьевич 26
Недорезов Александр Иванович 11, 15, 31, 34, 35, 36, 64, 65, 99, 104
Неедлы Зденек 37
Некрич Александр Моисеевич 10
Нетопилек Я. 112
Нечкина Милица Васильевна 24
Новопашин Юрий Степанович 97
Новотны Й. 73
Носкова Альбина Федоровна 96, 113, 114

О

- Обзина Яромир 18, 19
Оверайте С.К. 51
Окали И. 111
Оқуджава Булат Шалвович 39
Олива Павел 11, 100
Опат Ярослав 74
Орлик Игорь Иванович 95, 97
Отагал Милан 74

П

- Павленко Ольга Вячеславовна 10
Пальм В. 91
Памфилова Элла Александровна 92
Парсаданова Валентина Сергеевна 131
Пастернак Борис Леонидович 57
Пейве Ян Вольдемарович 6
Пельше Арвид Янович 10
Петерс И.А. 113, 114
Петраков Николай Яковлевич 57
Пехачек Ладислав 112
Пецен Я. 111
Печенев Вадим Алексеевич 48
Пеша Вацлав 22, 112, 114
Пиволуска Ян 106
Пирог Р.Я. 113
Питгарт Петр 74
Пихлик Карел 14, 74
Плевза Вилиам 106, 112
Подолец А. 78
Покивайлова Татьяна Андреевна 131
Полторанин Михаил Никифорович 71, 92
Поляков Юрий Александрович 11, 33, 34, 99, 105
Поп Иван Иванович 64, 81, 97, 113
Попов Гавриил Харитонович 91
Поспелов Петр Николаевич 6, 11, 13, 24, 26, 31, 36, 38, 40, 99, 100, 101
Поулик Йозеф 31, 33, 106
Прасолов Сергей Иванович 11, 43, 100
Пречан Вилем 14, 17, 59, 74, 84, 85, 98
Пржикрыл Л. 106

Проскурин Петр Лукич 39
Пруница С.Ю. 114
Прунскене Казимира Дануте 92
Пуркине Ян Евангелиста 31
Пурш Ярослав 106

Р

Раковский Христиан Георгиевич 77
Распутин Валентин Григорьевич 39, 90, 91
Резонов Павел Иванович 11, 12, 15, 99
Рейман Михаил 74
Рейман Павел 11, 99
Ростропович Мстислав Леопольдович 24
Румянцев Алексей Матвеевич 9, 24
Русаков Константин Викторович 10, 16
Рыбаков Борис Александрович 24
Рыков Алексей Иванович 31, 57, 77

С

Самсонов Александр Михайлович 11, 31, 99, 104
Сахаров Андрей Дмитриевич 24, 25, 57, 89, 91, 92
Севостьянов Григорий Николаевич 93, 97, 98
Семиряга Михаил Иванович 35
Серационова Елена Павловна (рецензент)
Сидорова Л.А. 29
Сикора В. 106
Синявский Андрей Донатович 9
Сказкин Сергей Данилович 13
Славин Григорий Моисеевич 131
Сладек Зденек 11, 15, 99
Сладек Й. 11, 74, 99
Слезак Любомир 22, 69, 96, 112, 114
Снитил Зденек 31, 43, 45, 58, 109, 111
Собчак Анатолий Александрович 92
Солженицын Александр Исаевич 24, 25
Сталин Иосиф Виссарионович 6, 73
Станкевич Сергей Борисович 92
Старовойтова Галина Васильевна 92
Степанов В. 16
Суслов Михаил Андреевич 46

Т

- Табышалиев С.Т. 45
Тарновский А. 24
Тейхман Мирослав 22
Тесарж Й. 74
Тихвинский Сергей Леонидович 58, 115, 109
Тишков Валерий Александрович 98
Трапезников Сергей Павлович 26, 29
Трифонов Юрий Валентинович 39
Тронько Петр Тимофеевич 31, 38, 39, 40, 41, 44, 45, 46, 49, 55, 56, 78, 82, 83, 104, 113, 114, 115
Трукан Г.А. 69, 82, 113, 114, 115
Турок-Попов Владимир Михайлович 15
Туряница С.М. 113

У

- Удальцов Иван Иванович 6, 7, 10, 11, 43, 63, 64, 100
Улуян Арутюн Акопович 131
Усубалиев Т.У. 45

Ф

- Фалтыс Антонин 106
Федосеев Петр Николаевич 24, 105
Фелцман (Фельцман) Онджей 20, 31, 105, 112, 115
Фёдоров Н.В. 92
Филова Божена 106
Фирлингер Зденек 11, 12, 100
Фирсов Фридрих Игоревич 80
Фучик Юлиус 45

Х

- Хроповский Богуслав 106, 112, 115

Ц

- Цамбел Самюэль 22, 68, 81, 82, 106, 112, 114, 115
Цезар Я. 43
Цирбес В. 111
Цисарж Честмир 14

Ч

- Чада В. 80, 112, 114
Червоненко Степан Васильевич 11, 100
Черепнин Лев Владимирович 24
Черешняк Б. 114
Черненко Константин Устинович 23, 28, 47, 48
Черниченко Юрий Дмитриевич 92
Черны Б. 74
Чешко С.В. 113, 114
Чич М. 111
Чтвртечка Й. 11, 100
Чубарьян Александр Оганович 15, 52
Чхинвишвили И. 25

Ш

- Шарапов Г.В. 26
Шевцова Лилия Федоровна 55, 56
Шевченко Тарас Григорьевич 31
Шедивы З. 112
Шимек Й. 11, 100
Шманько К.А. 113, 114, 115
Шмераль Ян Богумирович 11, 15, 99, 105
Шнейдарек А. 11, 100
Шолле Зденек 14, 15
Шорм Франтишек 12, 14, 18, 100
Шробар Вавро 80
Штефаник Милан Ростислав 15, 80
Штефаняк М. 87
Штроугал Любомир 58, 59
Шукшин Василий Макарович 39
Шушкевич Станислав Станиславович 92

Щ

- Щедрин Родион Константинович 92
Щекочихин Юрий Петрович 92
Щербакова Юлия Александровна (рецензент)

Э

- Элиаш Алоиз 118

Я

Яблоницкий Йозеф 20, 74

Якеш Милош 61, 62, 72, 87

Яковлев Александр Николаевич 16, 72

Янечек О. 11, 99

Яначек Франтишек 11, 15, 73, 98, 99

Яхимович Зинаида Павловна 68, 113, 114

Felcman O. 20

Hanzal J. 14, 74

Havel Vaclav 60

Mlýnský J. 20

Pechaček L. 20

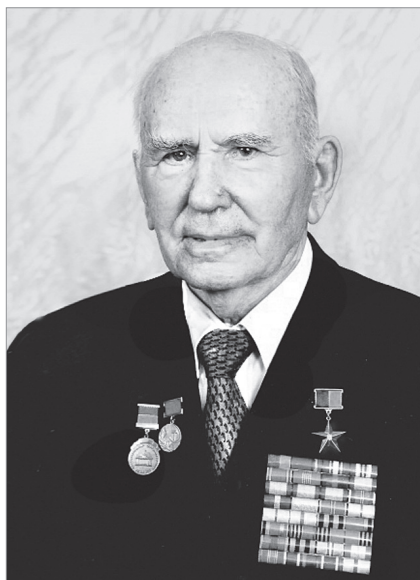
Prečan Vilem 14, 60, 74, 85

Slezák L. 20

Verbík A. 20

Петр Николаевич
Поспелов –
председатель советской части Комиссии
(1967-1979 гг.)

Петр Тимофеевич
Тронько –
председатель советской части Комиссии
(1979-1988 гг.)

Григорий Николаевич
Севостьянов –
председатель советской части Комиссии
(1989 г.)

Павел Иванович
Резонов –
ученый секретарь советской части
Комиссии (1967-1968 гг.)

Валентина Владимировна Марьина –
ученый секретарь советской части
Комиссии (1972-1987 гг.),
заместитель председателя советской
части Комиссии (1988-1989 гг.)

Элла Григорьевна Задорожнюк –
ученый секретарь советской части
Комиссии (1987-1989 гг.)

Прага (ЧССР). 1977 г. Справа налево: Й.Грозиенчик, В.В. Марьина, Н.И. Стура.

Историки-чехословакисты Института славяноведения АН СССР. Начало 1960-х годов. Слева направо (сидят): Г.П. Мурашко, Н.А. Шленова, В.В. Марына, Е.Д. Воробьева, К.П. Гогина, А.И. Виноградова. Слева направо (стоят): А.Х. Клеванский, С.А. Никитин (заведующий сектором истории зарубежных славянских народов периода феодализма и капитализма Института славяноведения АН СССР), И.А. Хренов (заместитель директора Института славяноведения АН СССР), И.И. Удальцов (директор Института славяноведения АН СССР), Я.Б. Шмераль, С.И. Прасолов, М.Н. Кузьмин.

Москва. Май 1968 г. Открытие заседания Комиссии. Стоит П.Н. Поспелов.

Москва. Май 1968 г. На трибуне К. Пихлик.

Москва. Май 1968 г. Общий вид зала заседания.

Микульчице. 1972 г. Участники заседания на археологических раскопках, которыми руководил Й. Поулик.

Смоленице (под Братиславой, Словакия). 1972 г. Группа участников заседания (слева направо): Г.П. Мурашко, Я. Пиволуска, В.В. Марьина, М. Госиоровский, неизвестный.

Микульчице. 1972 г. Во время товарищеского ужина
В.В. Марьина, Я. Пурш (танец), справа Й. Поулик.

Микульчице. 1972 г. Осмотр музея. Справа налево: А.Х. Клеванский, П.Н. Поспелов,
Д.В. Кузнецов, Ю.А. Поляков. В. Матула.

Киев (УССР). Июнь 1974 г. Группа участников заседания.
Слева направо: Е.Д. Воробьева, И.Н. Мельникова, Я. Пуршова, В.В. Марьина.

Ереван (Арм.ССР). 1979 г. Группа участников и организаторов заседания. Первый ряд (слева направо): Я. Пурш, Я.Б. Шмераль, В. Матула (сидит), П.Т. Тронько. генерал-лейтенант (в запасе) Герой Советского Союза С.С. Мартирисян, участвовавший в освобождении Праги, И.Н. Мельникова, А.И. Недорезов, Л.П. Лаптева, Р.П. Гришина, неизвестная, Й. Поулик (крайний справа).

Братислава (Словакия). 1980 г. Группа участников заседания. Слева направо: И.Е. Зеленин, Б. Филова, А.И. Недорезов, Я. Б. Шмераль, С.П. Морозов, неизвестный, В.В. Марьина, В. Пеша, Г.П. Мурашко, И.Н. Мельникова.

Братислава (Словакия). 1980 г. [Группа участников заседания (слева направо): В.В. Марьина, Г.П. Мурашко, Я. Б. Шмераль, И.Н. Мельникова, Ф. Гейл, П.Т. Тронько, И.Е. Зеленин, неизвестная, А.И. Недорезов, В. Пеша, Й. Поулик, неизвестный, С.П. Морозов, неизвестный].

Фрунзе (Кирг. ССР). 1981 г. Группа участников и организаторов заседания (слева направо): А.К. Каниметов, Й. Гарна, Б. Филова, С. Цамбел, неизвестный, В. Пеша, неизвестный, А. Долейши, И.Н. Мельникова, Ф. Гейл, П.Т. Тронько, О. Фельцман, неизвестный, неизвестный, В.В. Марьяна, Ф.И. Фиров, неизвестная, А.Х. Клеванский, Е.Д. Воробьева, неизвестный, неизвестная, неизвестный.

Фрунзе (Кирг. ССР), 1981 г. Группа участников и организаторов заседания на фоне киргизских юрт и степей.

Фрунзе (Кирг. ССР). 1981 г. Группа участников и организаторов заседания

Фрунзе (Кирг.ССР). 1981 г. Общий вид зала заседания с участием приглашенных.

Вильнюс (Лит. ССР). 1985 г. Справа налево: Ч. Аморт, В.В. Марьина, О. Фельцман.

Банска Быстрица (Словакия). 1988 г. Зал заседания. Общий вид.

Банска Быстрица (Словакия). 1988 г. Обсуждение программы следующего заседания.
Стоит И. Кремпа, рядом с ним П. Т. Тронько.

Банска Быстрица (Словакия). 1988 г. Осмотр музея.

Банска Быстрица (Словакия). 1988 г. На экскурсии по городу. Крайний слева — М. Барновский

Научное издание

Марьина Валентина Владимировна

СОВЕТСКО-ЧЕХОСЛОВАЦКАЯ КОМИССИЯ
ИСТОРИКОВ. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
НА ФОНЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
ПЕРЕМЕН В СССР И ЧССР
(Конец 60-х — 80-е годы XX века).

Текст печатается в авторской редакции

Художественный редактор *Н.Г. Ордынский*
Верстка *Л.Х. Матвеевой*
Корректор *С.И. Данченко*

Подписано в печать 09.01.2014

Формат 60х90/16

Печать офсетная. Усл. печ. л. 10. Тираж 300 экз.

Издательский центр Института славяноведения РАН
119334 Москва, Ленинский проспект, д. 32-А
Тел.: +7(495) 938-17-80; факс: +7(495) 938-00-96.

ISBN 978-5-7576-0303-2

9 | 785757 | 603032 |